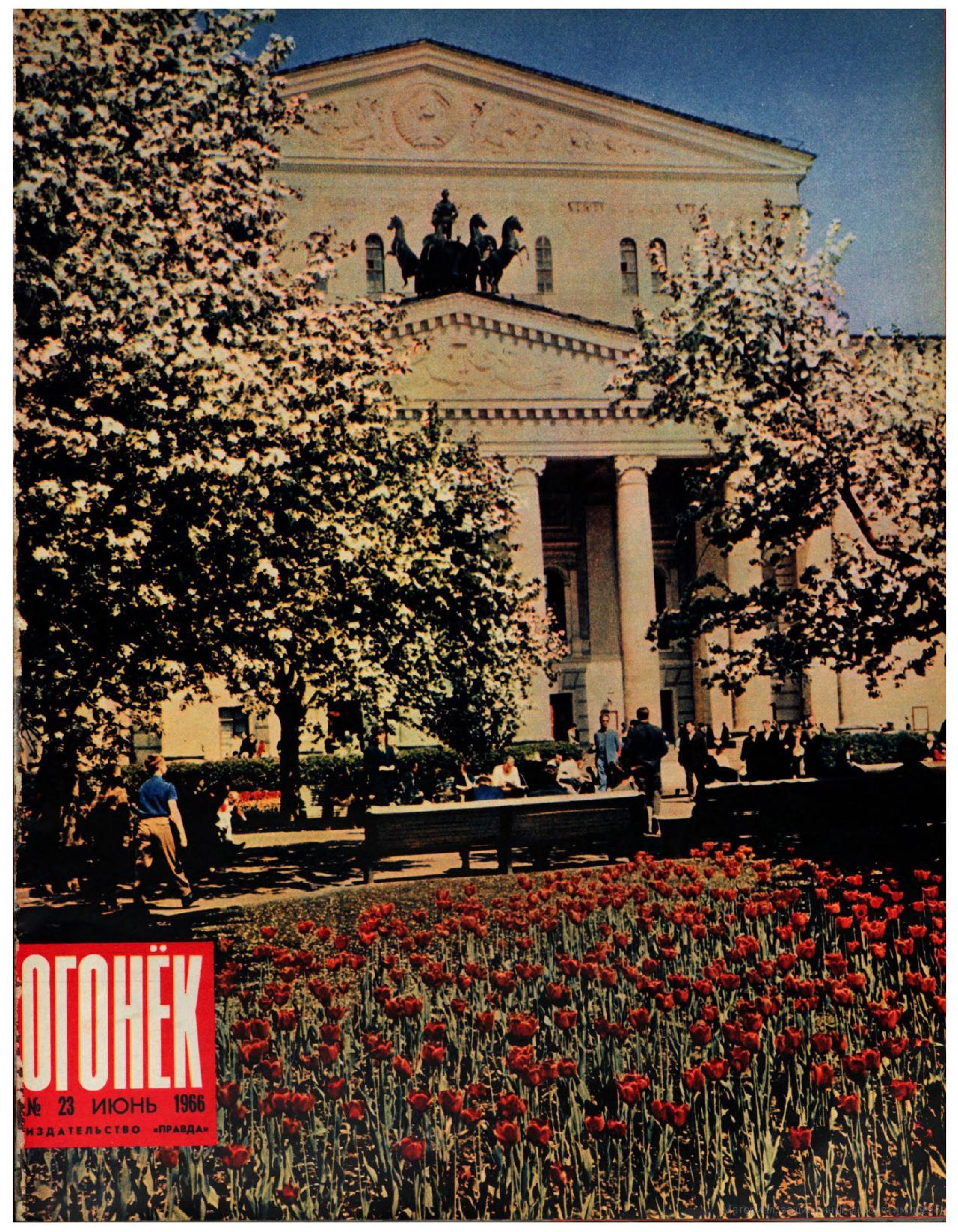
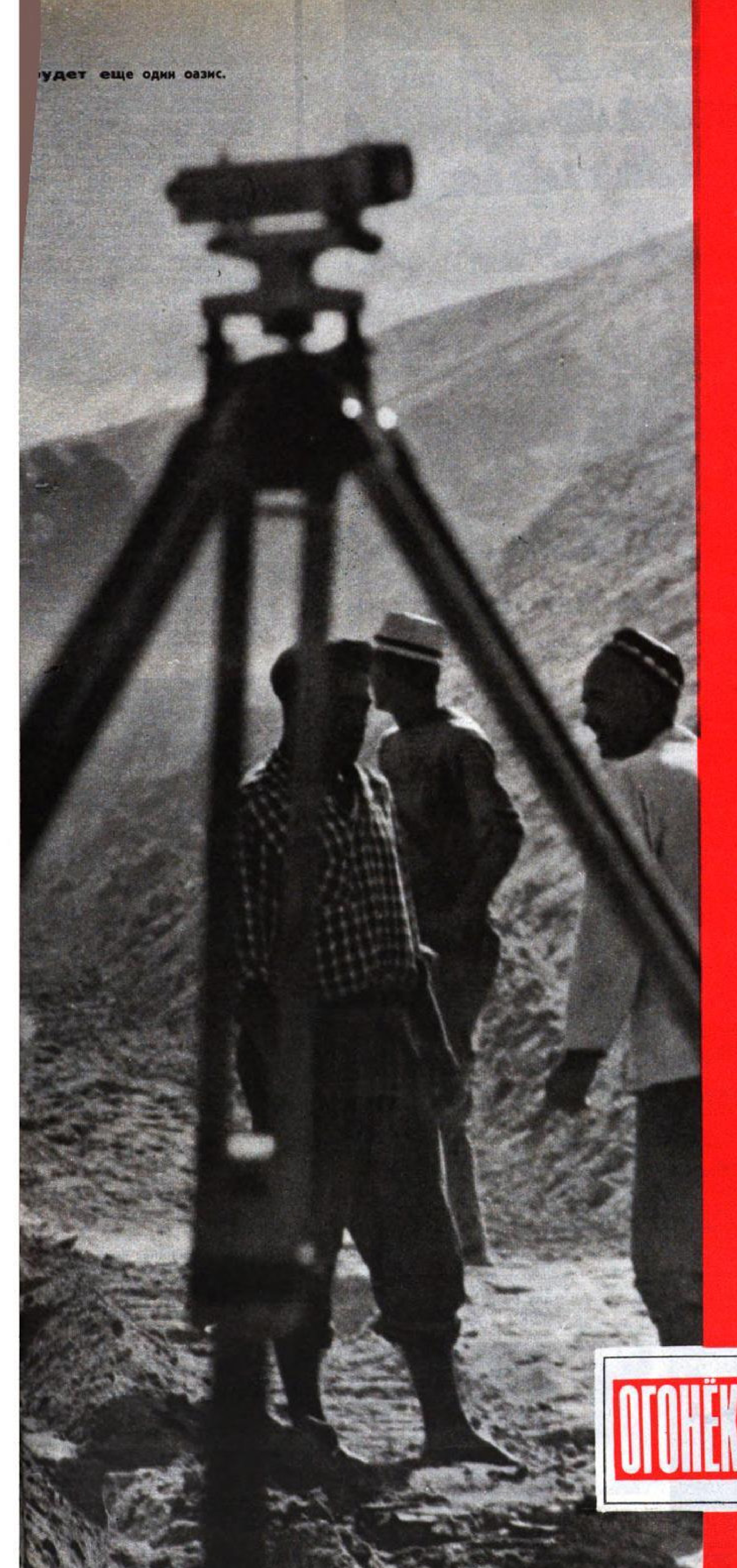

ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В МОСКВЕ С 25 ПО 27 МАЯ ПРОХОДИЛ ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, КОТОРЫЙ ОБСУДИЛ ВОПРОС «О ШИРОКОМ РАЗВИТИИ МЕЛИОРАЦИИ ЗЕМЕЛЬ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСОКИХ И УСТОЙЧИВЫХ УРОЖАЕВ ЗЕРНОВЫХ И ДРУГИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР» И ПРИНЯЛ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ.

НА ПЛЕНУМЕ С РЕЧЬЮ ВЫСТУПИЛ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС тов. Л. И. БРЕЖНЕВ.

— ПРОВЕДЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ 1966—1970 гг. РАБОТ ПО КОРЕННОМУ УЛУЧШЕНИЮ ЛУГОВ И ПАСТБИЩ НА ПЛОЩАДИ 9 МЛН. ГЕКТАРОВ И ОБВОДНЕНИЯ ПАСТБИЩ НА ПЛОЩАДИ 50 МЛН. ГЕКТАРОВ...

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ЦК КПСС «О ШИРОКОМ РАЗВИТИИ МЕЛИОРАЦИИ ЗЕМЕЛЬ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСОКИХ И УСТОЙЧИВЫХ УРОЖАЕВ ЗЕРНОВЫХ И ДРУГИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР».

НОВЫЙ ЦВЕТ ПУСТЫНИ

Продолжение на стр. 6—7.

Ю. СБИТНЕВ,
собкор «Огонька»

Фото автора.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

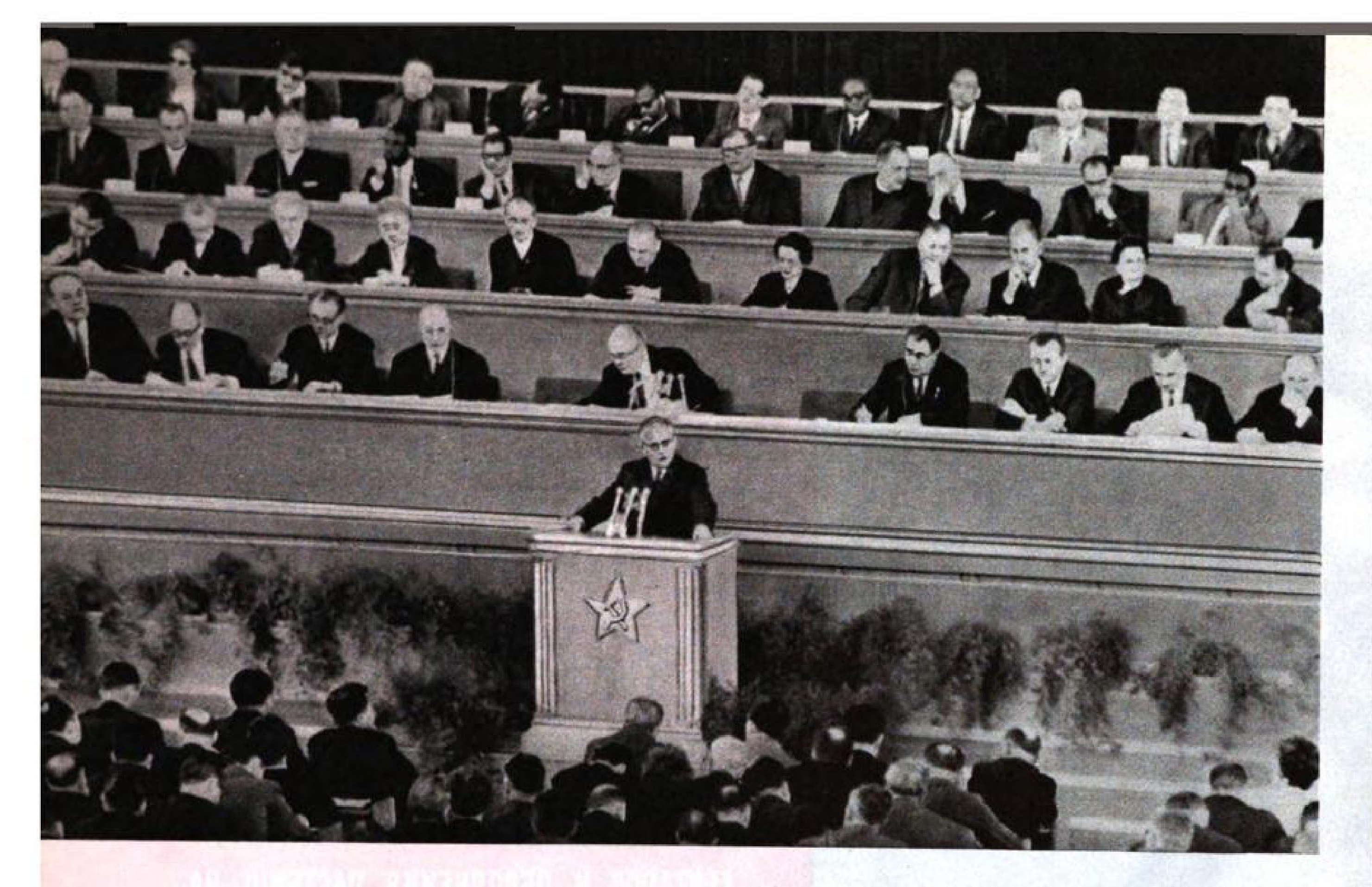
ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 23 (2032)

5 ИЮНЯ 1966

СЪЕЗД КОММУНИСТОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

31 мая в Пражском Дворце съездов начал свою работу XIII съезд Коммунистической партии Чехословакии. Съезд открыл Первый секретарь ЦК КПЧ Антонин Новотный.

Собравшиеся горячо приветствовали делегацию Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. В своей речи товарищ Л. И. Брежнев пожелал трудящимся Чехословацкой Социалистической Республики новых успехов в деле строительства социализма.

На снимке: Президиум XIII съезда Коммунистической партии Чехословакии. На трибуне товарищ Антонин Новотный.

Телефото ЧТК — ТАСС.

Греция. Сорок два километра прошли участники четвертого марша мира Марафон — Афины. В колоннах манифестантов насчитывалось 150 тысяч человек. «Мир и дружба с народами всей земли!», «Долой империализм и войну!», «Янки, вон из Вьетнама!» — было написано на плакатах, которые несли демонстранты. Вместе с греками в рядах традиционного шествия шли борцы за мир, прибывшие из Англии, Италии, США и других стран. Единая демократическая левая партия назвала марафонский марш мира общенациональным плебисцитом против империализма и войны, за независимость и демократию.

Лондонский аэропорт. Сюда прибыли советские велосипедисты — участники гонок вокруг Англии. Устраивает эти соревнования английская организация, занимающаяся... торговлей молоком. «Молочная принцесса» Мэри Эванс преподнесла советским велосипедистам по стакану холодного молока. Гонщики стартовали в Блэкпуле 28 мая. Протяженность дистанции — полторы тысячи миль. В соревнованиях, кроме английских и советских гонщиков, участвуют спортсмены Польши, Чехословакии, Швейцарии.

Этот снимок сделан в Лондоне. Замерли на приколе суда. Третью неделю бастуют моряки английского торгового флота. На последний день мая забастовка охватила 651 корабль, в рядах бастующих — примерно 19 тысяч человек. Моряки требуют сокращения рабочей недели, повышения заработной платы. Национальный профсоюз моряков ежедневно получает телеграммы, в которых выражается симпатия и предлагается помощь бастующим. В профсоюзную кассу уже поступило от английских трудящихся свыше двух тысяч фунтов стерлингов.

Генеральный секретарь Национального профсоюза моряков Хогарт заявил: «Если наши требования не будут удовлетворены, мы остановим все английские корабли в мире».

Французский гонщик Грансар может считать, что ему повезло. Участвуя в автомобильных гонках на Большой приз Монако (Монте-Карло), он врезался в барьер. Передние колеса и радиатор машины разлетелись в разные стороны, водитель остался невредим.

Клика Фервурда продолжает преследовать противников фашистского террора, установленного в Южно-Африканской Республике. Недавно был подвергнут домашнему аресту сроком на пять лет руководитель Национального союза южноафриканских студентов Ян Робертсон. Основанием для репрессий против студенческого лидера послужил закон «о подавлении коммунизма». В знак протеста против этого студенты Иоганнесбурга устроили демонстрацию.

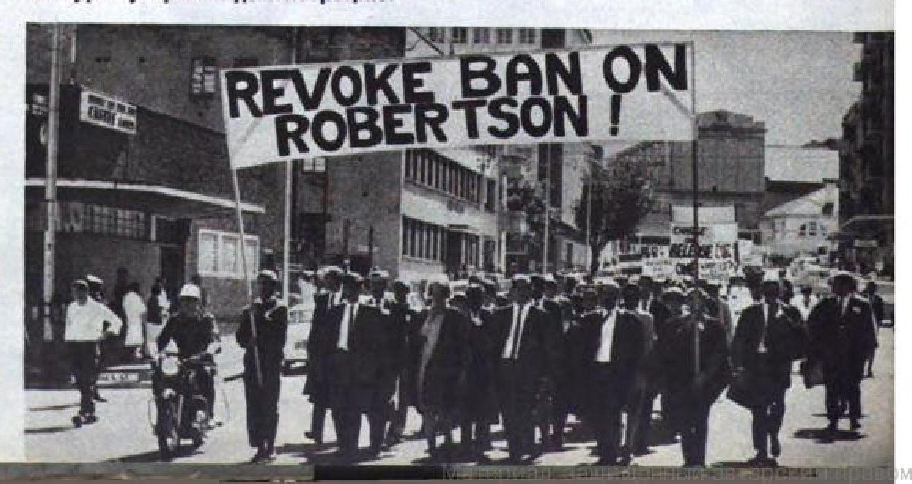

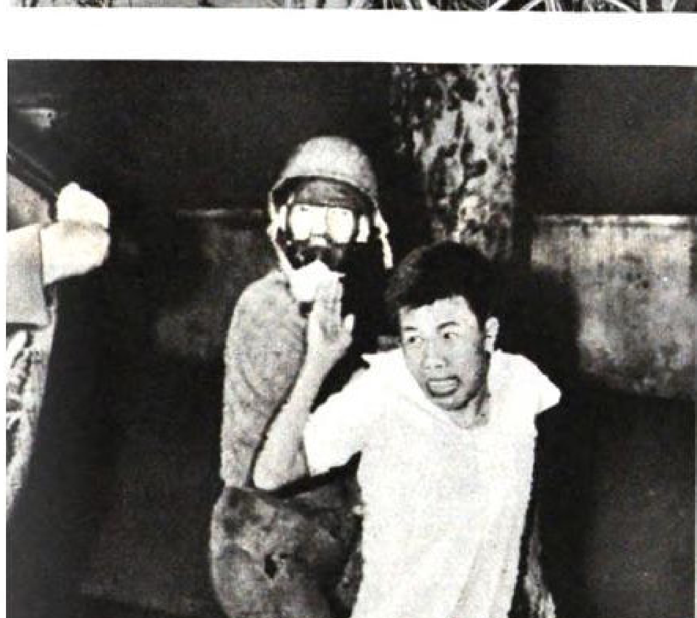

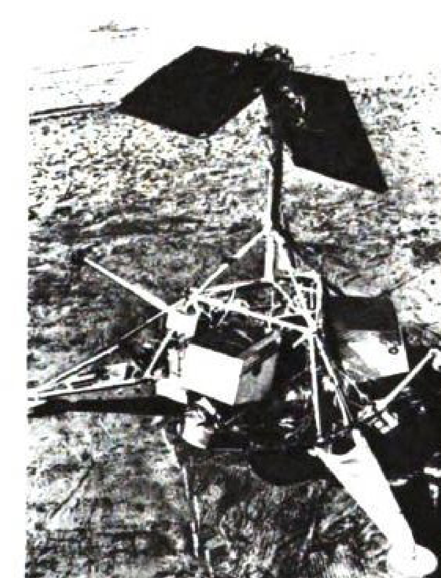

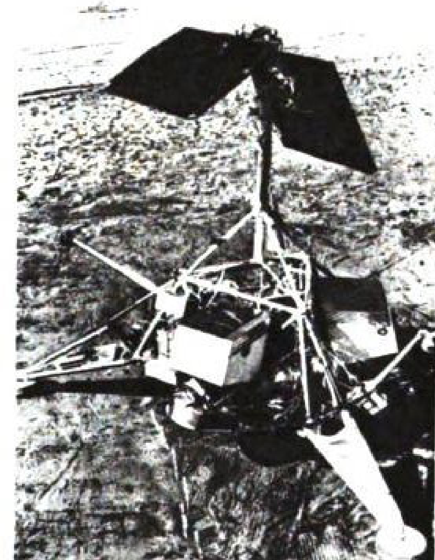
Фото ЮПИ.

Так выглядит. американская автоматическая станция «Сервейор-1», которая была запущена 30 мая с мыса Кеннеди (США) в сторону Луны. Автоматической станции, запущенной с помощью ракеты-носителя «Атлас-Кентавр», предстоит пролететь 370 372 километра. В комментарии агентства Ассошиэйтед Пресс об этом эксперименте сказано, что аппарат весом 987 килограммов, по форме похожий на паука, должен совершить мягкую посадку на Луну и в течение 12 дней передавать на Землю снимки лунного ландшафта.

Во время полета одна из двух антенн, служащих для приема команд с Земли и передачи станцией информации и фотоснимков, не развернулась.

На верхнем снимке видно, как расправляется полиция южновьетнамского диктатора Ки с демонстрантами в Сайгоне. Пущены в ход дубинки, бомбы со слезоточивым газом — все традиционные средства из арсенала карателей. Население Южного Вьетнама все решительнее требует отставки кровавого премьера Нгуен Као Ки, ухода американских агрессоров из Вьетнама.

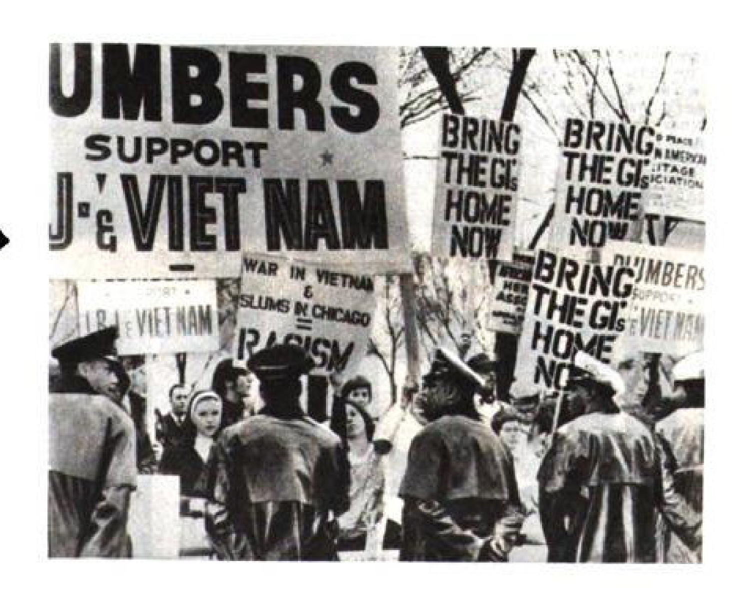
Требования прекратить агрессию в Индокитае раздаются и в самих Соединенных Штатах, где все чаще проходят демонстрации, одну из которых вы видите на снимке справа.

«Немедленно верните американских солдат домой!»

«Война во Вьетнаме — трущобы в Чикаго — расизм!»

Эти лозунги встретили президента Джонсона, прибывшего в Чикаго. Такие же плакаты можно было видеть недавно и в Вашингтоне, куда собрались представители многих штатов, чтобы решительно заявить «Нет!» преступной войне во Вьетнаме.

Но американское правительство остается глухим к этим призывам. Оно продолжает посылать американских солдат умирать в джунглях Южного Вьетнама.

СКАНДАЛЫ, СКАНДАЛЫ...

Партнеры по оси Бонн — Вашингтон дошли до такой степени трогательного единения, что даже скандальные истории, столь распространенные в капиталистических странах, всплывают в Бонне и Вашингтоне почти одновременно.

В министерстве обороны ФРГ разразился большой скандал. Оказалось, что ответственные чиновники этого министерства, которые ведали распределением заказов для бундесвера, получали крупные взятки. В виде «подарков» они положили в свои карманы кругленькую сумму в 120 тысяч марок. Интересно, что эта «практика» была известна ряду политических деятелей еще два года тому назад. Об этом знал, например, бывший министр обороны Франц Штраус, сам смещенный с высокого поста за весьма неблаговидные делишки. Известно это было и нынешнему министру обороны фон Хасселю. В курсе дела о взятках был и депутат бундестага Карл Винанд.

Взяточники занимались, в частности, распределением заказов на электронное оборудование для военных самолетов. В их числе был и печально известный «старфайтер-104». С 1961 года на территории ФРГ и соседних стран потерпели аварии и разбились 55 самолетов этой марки. Печать ФРГ вполне резонно задает вопрос: не связаны ли катастрофы «старфайтеров» с деятельностью подкупленных министерских чиновников?

А по другую сторону Атлантики печать широко комментирует составленный ведомством Дина Раска «Отчет о растратах». Растраты государственных средств в США намного превышают по величине взятки западногерманских чиновников. Но ведь и страна больше...

Газеты пишут о колоссальных заказах предметов женского туалета, сделанных... директором службы снабжения американской армии в Сайгоне. Пентагон вынужден был признать, что за последнее время во Вьетнаме около двух десятков американцев было осуждено за незаконные махинации. А сколько в других странах? В том же своеобразном отчете американских властей есть, например, данные о «помощи» латино-американским странам. США поставили для перуанской армии военное оборудование на 100 тысяч долларов. Оказалось, что оно совсем не может быть использовано в Перу.

Можно себе представить, какой поистине американский размах приняло это жульничество военных!

А. ИГНАТОВ

МУЖЕСТВО ТА

Генрих ГУРКОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото Г. Зельмы (АПН).

Новую рубрику ташкентским журналистам не пришлось придумывать — она появилась вполне естественно после событий того страшного утра 26 апреля. И с тех пор вот уже более месяца, изо дня в день, раскрывая газетные страницы, люди ищут лаконичные, словно фронтовая сводка, информации под названием «Сообщает сейсмическая станция «Ташкент».

В день, когда я прилетел в узбекскую столицу, сводка была такова: «Вчера днем на станции зарегистрирован ряд новых подземных толчков: в 13 часов 6 минут — 2 балла, в 13 часов 50 минут — около 7 баллов, через пять минут были колебания силой в 2 балла, в 14 часов 14 минут — 4,5 балла, еще через четыре минуты — менее 2 баллов. Ночью толчки повторились: в 0 часов 10 минут, в 3 часа 38 минут и в 4 часа 4 минуты — силой в 2 балла».

Пять дней я пробыл в Ташкенте, и все пять дней с разницей лишь во времени да в силе ударов стихия продолжала атаку на Ташкент.

Я давно знаю этот город и люблю его за веселый нрав и темперамент, за его щедрое хлебосольство, за мудрость и доброту. В эти дни я полюбил его за мужество.

Вот уже шестую неделю нервно бьется земля под Ташкентом, рухнули или пришли в негодность тысячи домов, город лишился почти двух миллионов квадратных метров жилья. Когда поздно вечером я отправился побродить по ташкентским улицам, многие из них напоминали улицы фронтового города: в два ряда молчаливо и горько выстроились развалины, кругом пусто, лишь военный патруль — трое молодых парней с автоматами — медленно проходит под фонарями. На тротуарах и мостовых — большие брезентовые палатки, в них сейчас живут многие тысячи семей. Когда в одну из минут вновь — в который уже раз! — судорожно дернулась земля и тотчас же в ответ жутко завыли и залаяли собаки, сердце сжалось от боли за прекрасный город, за его беду...

А утром я вышел в центр города и был поражен: откуда взялся у меня вчерашний мрачный настрой? Все было радостно-привычным: и зеленая площадь с фонтаном, и звонки трамвая, и знаменитые ташкентские розы «президент» в сквере, и монументальные силуэты театра имени Навои и гостиницы «Ташкент», и элегантный размах нового здания универмага...

Правда, справа от «Ташкента» появилась аккуратно расчищенная площадка, а слева, в начале улицы Ленина, там, где были аптека, цирк, магазины, закусочные, там, зарываясь в груды битого кирпича, яростно ревели бульдозеры.

А рядом спешили по своим извечным делам люди. И ни отчаяния, ни скорби не было на их лицах. Они переговаривались, перебрасывались шутками. Они останавливались, чтобы съесть душистую самсу, они перелистывали книжки на прилавке газетного киоска, высказывали прогнозы по поводу встречи «Пахтакора» с тбилисскими динамовцами. Все было, как всегда. И лишь слова «баллы», «тряхнуло», «палатка», «аварийный», которые повторялись часто, очень часто, напоминали о том, что произошло и что происходит в Ташкенте.

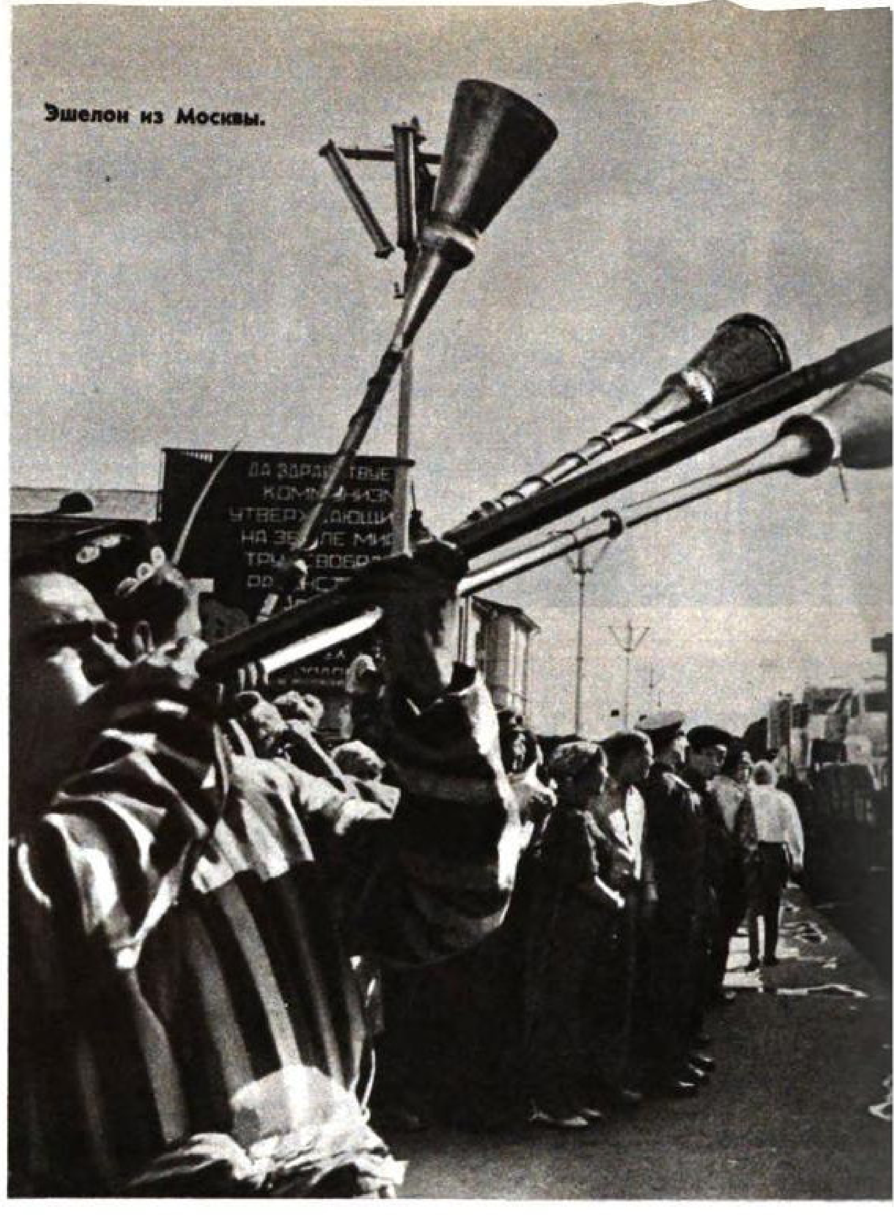
Улетая из Москвы, я все-таки не совсем точно представлял себе, каким застану Ташкент. Кто-то, ссылаясь на приехавшего только что родственника или знакомого, рассказывал, что второй сильный толчок в ночь с 9 на 10 мая разрушил Чиланзар — новый район узбекской столицы. Другой говорил, что люди из города разбегаются кто куда; в это не верилось, но хотелось своими глазами увидеть, что это не так.

Я увидел это. Увидел Чиланзар, который стоит твердо и незыблемо — ни один из домов новой постройки не пострадал от землетрясения сколько-нибудь серьезно. Правда, в панорамном кинотеатре, лучшем, на мой взгляд, архитектурном украшении Ташкента, вылетели все стекла, но долго ли их вставить? Я видел традиционных старушек, чистеньких и благообразных, продающих розы возле аэровокзала,— ни давки, ни толкотни, ни сумятицы в аэропорту не было. В кассе — свободные билеты на Москву. Летом это не часто бывает. «Что вы удивляетесь,— сказала мне кассирша,— у людей сейчас дома много работы».

Да, работы много. Редко встретишь сейчас на ташкентской улице ребенка — дети эвакуированы. А взрослым это ни к чему. «Ташкент станет самым красивым городом мира!» — написали на одном из самодельных плакатов студенты — отчаянные патриоты и работяги. Май — время экзаменов, и их никто не отменял. От лопаты — к книжке, сопромат и анатомия — на кучах битого кирпича,— это сегодня портрет ташкентского студенчества. В комбинезоны облачились черноглазые узбекские красавицы. «Проспект химиков», «Слава героям труда из 89-й группы!», «Трясемся, но не сдаемся!» — это все студенческие плакаты. Их встретишь сегодня во всех пострадавших районах города.

Бодрость, юмор, оптимизм — это Ташкент. И еще — великолепная, четкая организация. Всюду, где мне приходилось бывать, это бросалось в глаза. В начале этого года, когда я приезжал в Ташкент на встречу руководителей Индии и Пакистана, печать писала о «духе Ташкента» в международных отношениях, сегодня можно говорить о ташкентском стиле работы. Какой тут может быть бюрократизм, какое разгильдяйство, когда нужно решить тысячи проблем! Решить немедленно — сегодня, сейчас.

И проблемы решаются. Их ре-

Эшелон из Москвы.

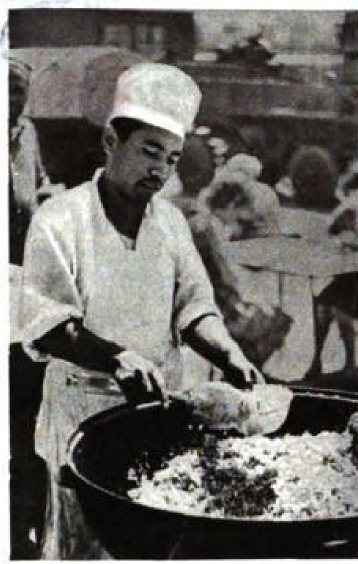
«Т-34» ведет бой против развалин.

И так иногда принимают экзамены...

Традиционный плов.

Студенческие будни.

ШКЕНТА

шает Ташкент. Их решает Москва. Их решает Украина. Решает Родина.

Из Заполярья в газету «Правда Востока» прислал письмо Александр Марченко. «Уважаемая редакция! Я прочел газетные репортажи из Ташкента. Меня потрясли драма и подвиг узбекской столицы. В нашем заполярном Кировске собирают средства в помощь вашему городу. Я не остался в стороне. Но чем еще выразить мое участие? Прошу, опубликуйте это стихотворение».

Газета напечатала стихи Александра Марченко. Вот они:

Сейсмографы
кривые взлета резкого
чертили и чертили без конца...
Волна землетрясения ташкентского
идет сегодня
через все сердца.
Что знал я о Ташкенте?
Не обижен
он солнцем,
«город хлебный»,
в нем сады...
Но мне, как всей стране,
Ташкент стал ближе,
когда вдруг стал он
городом беды...
Я с болью вижу, как беда сурова,
Но и другим душа потрясена:
На помощь вам,
оставшимся без крова,
спешит вся необъятная страна.
Какой запас тепла
в людских глубинах!
Спешат помочь рабочий и студент.
Беда такая не случится здесь,
в Хибинах,
А будет — нам поможет и Ташкент.

«Волна землетрясения ташкентского идет сегодня через все сердца...» Точно сказал Александр Марченко.

Каждый день Ташкент принимает строительные эшелоны, бригады специалистов из братских республик. Встречает их когда цветами и оркестрами, а когда и просто крепким рукопожатием: «Извините, друзья, не до протокола!» Приходит техника — бульдозеры, грузовики, краны. Город становится строительной площадкой. Впрочем, пока еще Ташкент не столько в руках строителей, сколько в руках архитекторов. Новый город — на ватмане, в кальке, в макетах.

У входа в проектный институт «Ташгипрогор» на улице Навои висит написанное от руки объявление: «Специалисты союзных республик! Просьба зарегистрироваться в комнате № 18, у тов. В. Е. Комиссар».

Директора института на месте найти трудно — в его кабинете расположился со своими чертежами и макетами московский «Гипрогор». Здесь проектируют квартал «В-23», который будет строить в Ташкенте Российская Федерация. Пока я разговаривал с земляками, московскими архитекторами, подошел незнакомый товарищ, сразу же — к макету: «Мы из Новосибирска, только что прилетели, покажите, где мы будем строить?»

Заместитель председателя Госстроя Украины Виктор Дмитриевич Елизаров, энергичный, долговязый человек в тюбетейке, показал мне макет украинского квартала в центре Ташкента — от улицы Ленина до улицы Тараса Шевченко. Современное решение, легкие, красивые дома. Отлично будет выглядеть центр Ташкента!

А по соседству, в другой комнате, архитекторы Белоруссии и Казахстана, Эстонии и Азербайджана, Грузии и Латвии совместно проектируют чиланзарский квартал «К-24». Примеров такого сотрудничества еще не бывало. А соседний квартал, «К-25», уже спроектировали и утвердили ленинградцы — они его будут строить.

...Я все-таки поймал директора «Ташгипрогора» Олега Александровича Рушковского. Он ответил на все мои вопросы, а потом сказал:

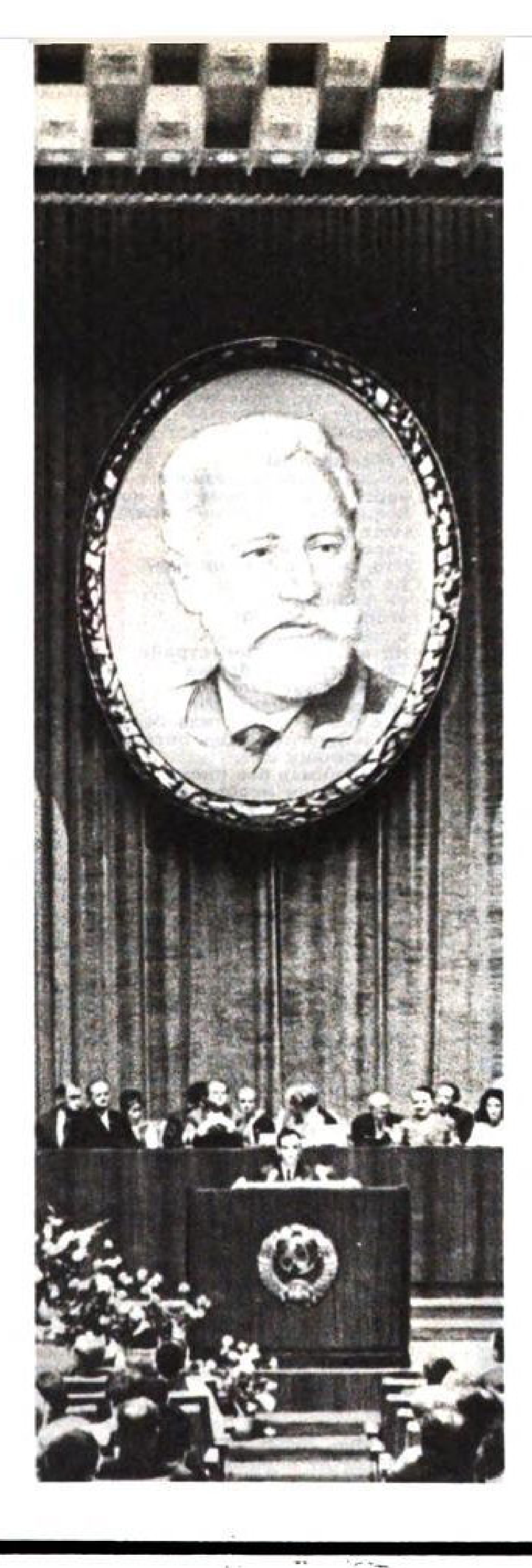
— Никогда такого не видел. То, на что в мирное время требуется полгода, сегодня делаем за десять дней. А какие проекты, вы только взгляните! Это ж ни на каких конкурсах не найдешь...

Рядом с рубрикой «Сообщает сейсмическая станция» появилась в местных газетах еще одна, заглавная: «СТРОИМ НОВЫЙ ТАШКЕНТ». Сообщений под этой рубрикой все больше и больше.

Конечно, новостройки Ташкента будут такими, что смогут выдержать самые тяжелые удары стихии, будут крепкими и непреклонно стойкими.

Как ташкентцы.

Ташкент, по телефону.

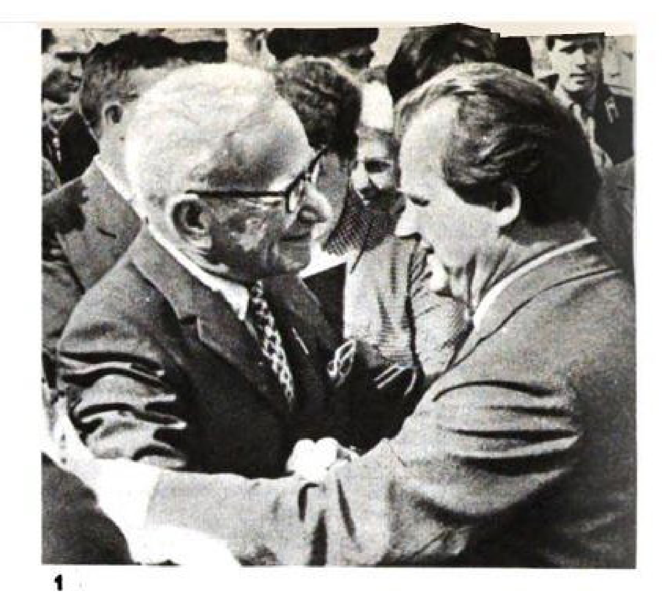

30 дней музыки

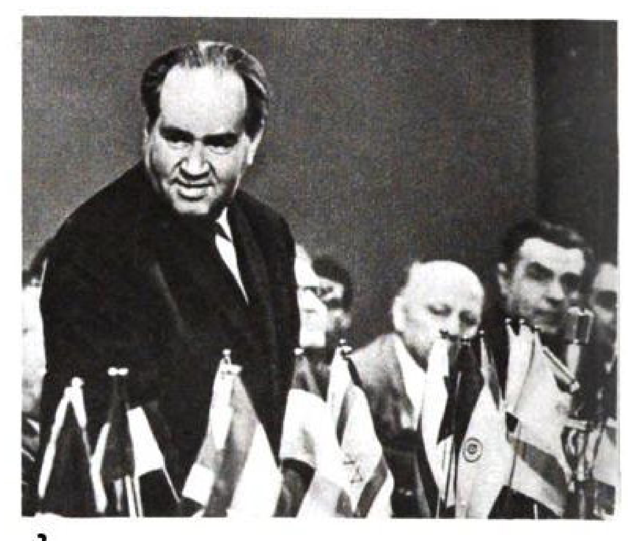

И. ВЕРШИНИНА

Фото Р. ЛИХАЧ

1

2

Он будет длиться 30 дней! Тридцать дней волнений, напряжения, мобилизации воли, занятий, репетиций, выступлений. Это — у участников. 30 дней споров, предсказаний, стояний в очередях за билетами, поспешных перебежек из одного зала в другой (конкурс идет в двух залах) — у слушателей. Но у тех и у других эти тридцать дней будут заполнены самым дорогим — музыкой. Самой любимой — произведениями Чайковского, самой совершенной: ведь на конкурс приехали лучшие молодые музыканты мира.

Их немало — 42 виолончелиста, 35 скрипачей. Пианисты и вокалисты соберутся позже. А сейчас соревнуются властелины смычка. В их руках он, как жезл, как волшебная палочка; прикоснулся, взмахнул — и полилась мелодия!

И, пока составлять прогнозы рано, а делать предположения несерьезно, мы расскажем вам о старте.

Предназначенный миллионам слушателей, Конкурс начался на улице. У подножия памят-

---

НОВЫЙ ЦВЕТ ПУСТЫНИ

Начало см. на стр. 1.

Лет семь-восемь назад там, где незримо смыкается пустыня со степью — это место зовется в народе «край края степи»,— сидели мы подле чабанского костра. Было довольно поздно, и над безграничным песчаным простором в белом от дневного жара небе явственно проступали звезды. Из пустыни, будто из гигантского зева мартеновской печи, дуло жаром (я говорю «дуло», потому что иначе и не скажешь про пески, отдающие накопленное за день тепло). По обыкновению мы молчали. В пустынях говорят мало. Старый отец чабана Беркинбая сидел на ближнем бархане и, тихонечко раскачиваясь, то ли напевал что-то, то ли молился своему богу.

— Что он? — спросил я.

Беркинбай поднял на меня умные, со стремительным прищуром глаза и, может быть, стараясь скрыть религиозность старика, ответил:

— Э, поет он. О пустыне поет.— И тут же начал переводить:— Он говорит, что в пустыне очень много земли и очень мало места для человека, что он хотел бы в ладонях наносить столько воды, чтобы поднялись травы и вырос джангил — лиловый кустарник. Всю свою жизнь носил бы он воду в пустыню. Но ведь в ладонях воду далеко не унесешь. Он хочет, чтобы цвела пустыня, вот и поет об этом.

Помнится, я записал этот перевод в свой блокнот и каждый раз, когда доводилось бывать в пустыне, вспоминал о нем.

И вот я снова еду к тем местам. Мой спутник, начальник СМУ пастбищно-мелиоративного треста Каракалпакии, молод, и поэтому мы называем друг друга по именам. А имя у него знаменитое — Тельман. Узбек по национальности, буровик по профессии и призванию, Тельман Акбердин, кажется, прожжен солнцем до самых костей. Он рассказывает мне удивительные вещи. Он говорит о людях, меняющих извечно желтый цвет пустыни на цвет весенней травы и листьев. Сегодня я должен своими глазами увидеть, как в песчаном пекле Кызылкумов голубой, хлопотливой веной забьется в песках долгожданная вода. Наш «газик» минует солончаки, заросли саксаула, то и дело переваливается через горы рыхлой земли и набросные мостики (тут нарезаются дренажные стоки, планируются поля под рис и хлопчатник), спешит к «краю края степи». Где-то здесь стояла юрта моего друга Беркинбая. Дальше уже песок, дальше Кызылкумы — однообразный накат барханных волн, ровные, как столешницы, плато — такыры, солнце, жажда...

— Знаешь, что такое Кызылкумы? — спрашивает меня Тельман.— Это прежде всего гигантские естественные пастбища. Только стороннему человеку кажется, что пустыня бесплодна. За одну короткую буйную кызылкумскую весну здесь появляется столько корма для овец, что можно спокойно пасти отары, сколько душе угодно. Надо только дать в самые отдаленные песчаные места воду, и тогда совхозы без особых затрат смогут во много раз увеличить поголовье ценнейших каракульских овец. Обводнение пустыни — в первую очередь использование естественных пастбищ. Об этом шел разговор на XXIII партийном съезде, это записано в Директивах по пятилетнему плану...

Пустыня нынче необыкновенно оживленная. Весь песчаный простор, от горизонта до горизонта, исхлестан рубчатыми следами колес и гусениц.

Перевалив через громадную гряду барханов, вдруг неожиданно столкнешься с палатками буровиков, услышишь рокот бульдозеров, увидишь ажурную вышку и красный, выгоревший на солнце флажок над нею.

Тельман Акбердин раскрывает передо мной карту. Вся она испещрена пирамидальными значками. Кажется, что в пустыне поднялся над песком лес. Значки очень похожи на молодую поросль елок, и каждый из них — это новый фонтан воды, новые сотни и сотни гектаров пастбищ, новые тысячи голов каракульских овец, ценнейших смушек.

Обводнение только приаральского участка пустыни на территории совхоза имени Карла Маркса может дать для хозяйства прирост в 30 тысяч овец. А это всего лишь небольшой район Кызылкумов.

Мы на буровой № 15 в урочище Аяш. Это одна из первого десятка скважин, заложенных после съезда партии в молодом совхозе «Коммунизм». Бригада бурового мастера Сурена Саркисова закончила обсадку труб. Буквально через несколько часов здесь ударит в небо фонтан чистой воды, и тогда разольется тут озеро. В Кызылкумах нет пока телефонов. Но чабаны в курсе всех дел строителей. Из самых отдаленных отар приехали сюда люди. Расположились на барханах, неторопливо беседуют,

3

1. Они встретились у памятника Чайковскому — Е. Цимбалист (США) и Т. Хренников.

2. — Доброго пути вам, дорогие молодые друзья и коллеги! — Д. Ойстрах приветствует участников конкурса.

3. Венгерский виолончелист Миклош Перени вытянул № 1.

4. Голландский скрипач Христиан Бор — самый юный участник конкурса, ему только что исполнилось 16 лет.

4

ника П. И. Чайковскому — хоры, оркестры, мастера искусств и юные музыканты исполняли его произведения и произведения советских композиторов. Чередование музыки Чайковского с современной никого не удивляло, и не только потому, что в этот день проходил в Москве традиционный праздник песни, но потому, что и на конкурсе наряду с произведениями Чайковского звучит музыка современных композиторов. Ибо, как сказал в своем приветственном письме участникам конкурса Д. Д. Шостакович, классика и современное искусство обязательно должны дополнять друг друга.

Увертюрой дружбы, что завязывается в Москве и царит неизменно на нашем музыкальном форуме, прозвучала песня Хренникова «О Москве», которую исполняли сам автор и певцы.

А назавтра утром мы были свидетелями уже «разработки» этой темы дружбы. Наутро в Зале имени Чайковского, где проходят первые туры, была жеребьевка.

Молодежь разместилась в партере, а на сцене за столом с флажками стран-участниц восседало жюри. И хотя флажков этих было 38, обстановка в зале была столь непринужденной, словно собрались друзья-однокашники.

Все с одинаковым восхищением аплодировали высокому жюри, куда вошли лучшие музыканты мира, играть перед ними было страшно и радостно. Весьма темпераментно выражали восторг, что нет № 13. Волновались, когда тянули порядковые номера выступлений, мечтали, чтобы достался более поздний — будет время позаниматься (словно не было до этого многих часов и месяцев), утешали первых. На каком языке так оживленно говорили все собравшиеся? Трудно сказать. Наверно, на языке музыки, на языке дружбы.

Открывать III конкурс Чайковского — первым играть его произведения — выпало на долю одного из самых молодых исполнителей — 18-летнего венгерского виолончелиста Миклоша Перени. И хотя, несмотря на свои годы, юноша уже концертировал во многих странах, перспектива быть первым в начале конкурса, а не в финале его заметно огорчила.

Ну, а первая тройка скрипачей: Матиаху Браун (Израиль), Олег Крыса (СССР), Диана Камингс (Великобритания) — встретила свой жребий не унывая, весело, с шуткой. И, невзирая на то, что им предстояло выступать завтра, присутствовала вместе со всеми участниками на торжественном открытии конкурса в Кремлевском Дворце съездов.

И вновь все пронизано музыкой и Чайковским. И вступительное слово министра культуры СССР Е. А. Фурцевой, и выступления председателей жюри лауреатов Ленинской премии, народных артистов Ойстраха и Ростроповича, и иностранных маэстро, и весь концерт мастеров советского искусства. И, словно апофеоз двухдневному празднеству открытия III конкурса, перекликаясь с увертюрой, что была накануне у стен Консерватории, в конце концерта прозвучала торжественная и патриотическая симфоническая картина П. И. Чайковского «1812 год».

МУЗЫКА ЧАЙКОВСКОГО ВСЕГДА МОЛОДА

Казимир ВИЛКОМИРСКИЙ,
член жюри, профессор Музыкальной академии в Варшаве

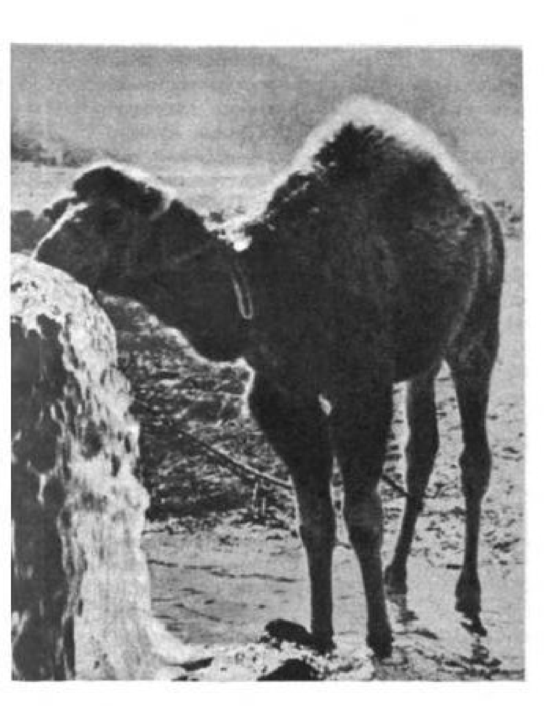
...Вот уже в третий раз собираются музыканты стран Европы, Азии и Америки, чтобы своим творческим трудом отдать честь одному из величайших композиторов XIX века.

Со второго конкурса имени Чайковского прошло четыре года. Этот, казалось бы, небольшой период времени ознаменовался многими достижениями и переменами в музыкальной жизни всего мира. Подросло юное поколение исполнителей, вышли на путь самостоятельной деятельности многие сотни созревших молодых художников, которые четыре года тому назад были еще учениками. Были созданы неисчислимые произведения экспериментальной, так называемой «авангардной» музыки, которая все более настойчиво и агрессивно завоевывает для себя место в музыкальной жизни многих стран.

Музыкальное искусство второй половины XIX века и начала XX столетия подвергается теперь самой строгой переоценке и самому жестокому испытанию. Нам нередко случается быть свидетелями неумолимой «чистки», в которой падают «жертвой» полного забвения авторы, еще 30 лет назад пользовавшиеся большой (иногда даже мировой) известностью.

Как выдерживает музыка Чайковского потрясения и удары, которые наносит всей музыке этого периода рождающийся среди хаоса понятий и горячки исканий новый стиль?

Кажется, лучшим доказательством воздействия музыки Чайковского на людей разного возраста, разных национальностей и даже рас является московский конкурс. Ведь здесь музыканты из самых отдаленных концов света доказывают своим исполнением нам и всему миру, что музыка величайшего русского композитора жива и молода, что им она близка, понятна, дорога, необходима так же, как нам в дни нашей молодости и еще раньше нашим отцам — современникам Петра Ильича.

Что бы о нем ни говорили, а пить хочется.

В пустыне дорог много...

ждут. Их отцы готовы были носить в ладонях воду, чтобы зацвела, зазеленела земля, а они пришли и приехали сюда, чтобы вместе со строителями порадоваться — еще один фонтан воды в Кызылкумах. И вот над коричневым жерлом трубы белой гривой вздымается холодный вал. Ликуют чабаны, смеются заросшие, иссеченные песчаными ветрами лица буровиков, и кажется, что незаметная пустынная травка — ран — как-то сразу затучнела, набралась сил, единым мигом пошла в рост.

Верблюд, потеряв природную важность и солидность, не обращая внимания на людей, на их объятия, галопом прибежал к скважине. И нет чтобы пить из уже образовавшегося озерка, он сунул свои мягкие губы в фонтан, тянет и тянет холодную, глубинную воду пустыни.

— Что бы о нем ни говорили, а пить хочется,— улыбается Сурен Саркисов.

— Не зевай, корреспондент, историческая минута! — кричат мне буровики.

У кызылкумских чабанов есть поговорка: «Прежде чем спросить, куда я иду, дай мне воду». В пустыне все начинается с воды.

Все глубже и глубже в просторы Кызылкумов уводит нас дорога. В пустыне дорог много. Как бы почувствовав широту и необузданность простора, каждый шофер торит свою колею. Вот тяжело взбирался на бархан мощный «ЗИЛ». Рядом петлял «газик». А чуть дальше напрямик тащил автопоезд гусеничный вездеход. Рано или поздно все эти следы сливаются, образуя хорошо накатанную, пробитую в сыпучей сутолоке песка дорогу. А уж она обязательно приведет к воде, приведет к людям.

Как-то пролетая над пустыней, я обратил внимание на темные прямоугольные участки среди уныло однообразных волн барханов. В Кызылкумах таких участков появляется все больше и больше. Это оазисы, созданные человеком. С обводнением всей пустыни поголовье скота на культурных пастбищах увеличится в несколько раз. Все отары невозможно будет отгонять на зимние пастбища к населенным пунктам, вот поэтому в центре Кызылкумов необходимы страховые запасы кормов. Вот поэтому работают сейчас здесь, в самом пекле, бульдозеры, скреперы, экскаваторы. Мощные ножи снимают верхний наносный слой песка, планируют землю. Буровики закладывают сразу несколько мощных скважин. Экскаваторы создают искусственные озера. Каменщики и плотники возводят легкие, удобные дома. Строители сажают кустарники, деревья. Человек меняет цвет пустыни. Все это видишь, когда проезжаешь по некогда безлюдным и желтым просторам песка и солнца.

В Толковом словаре русского языка Владимира Даля слово «пустыня» объясняется как безлюдный песчаный простор. Определение это устарело.

Джотто

А. ГУБЕР,
заслуженный деятель искусств РСФСР

В Падую обычно приезжают из Венеции. Можно по железной дороге, но удобнее автобусом. Меньше чем за час он преодолеет 50 километров и доставит вас на конечную остановку — небольшую площадь, где возвышается громадная церковь «дельи Эремитани». Она была очень сильно повреждена бомбардировками во время второй мировой войны, и, хотя теперь восстановлен внешний вид, находившиеся внутри фрески Мантеньи погибли почти полностью. Обогнув эту церковь со стороны входа, вы оказываетесь перед обширным пространством бывшей римской арены, ныне превращенной в городской сад. Сейчас это древнее сооружение I века н. э. сильно разрушено, в начале XIV века оно было в большей сохранности. Вот тогда-то, в 1303—1305 годах, здесь была возведена небольшая капелла в честь мадонны, и поныне называемая Капелла дель Арена, или Капелла дельи Скровеньи, по имени того рода, который дал средства на ее сооружение. Снаружи она малопримечательна, внутри же расписана фресками Джотто. К счастью, они не пострадали от бомб, и ради них вы приехали в Падую.

В те годы Джотто был в расцвете творческих сил. Ему было около сорока. Родился он, как гласит старая легенда, в 1266 году или в 1267 году — в те времена во Флоренции, на родине Джотто, календарный год начинался не с 1 января, а с 25 марта, с праздника благовещения. Некоторые ученые считают, что дата рождения художника на десять лет позже. Есть сведения, что умер он в 1336 (1337) году в возрасте 70 лет. До Падуи Джотто работал в церкви Сан Франческо в Ассизи, а в 1300 году исполнил мозаику «Навичелла» в Риме, очень плохо сохранившуюся. За ним прочно установилась слава первого живописца Италии. Росписи в Падуе стали главным его творением.

Когда вы входите в Капеллу дель Арена, глаза ваши должны сначала привыкнуть к царящему в ней полумраку: свет поступает внутрь только через шесть узких высоких окон с одной (южной) стороны. Но уже с самого начала вы оказываетесь под впечатлением строгого ритма росписей, покрывающих отдельными картинами стены с самого низа до сводов, и торжественной красоты красок, среди которых господствует голубая и где вспыхивают красные, желтые, фиолетовые, жемчужные, белые тона и местами поблескивает золото. Прямо перед вами — алтарная арка с изображением «Благовещения», над входом — «Страшный суд». На стенах — история Иоахима и Анны, их дочери Марии, ставшей матерью Христа, история его жизни до смерти на кресте и чудесного воскресения. Росписи этой капеллы положили начало всей последующей реалистической живописи.

До Джотто в Италии господствовал иконописный стиль, шедший из Византии. Здесь были обязательны разработанные для каждого изображения каноны, задачей было увести зрителя в мир несуществующий, в мир религиозных представлений. Поэтому то, что изображалось, было развернуто на плоскости, лишено объема, краски подсказывались не наблюдением над действительностью, а условиями тех же канонов. Эта «греческая манера», как называли ее итальянцы, передавалась из поколения в поколение, мастера — от учителя к ученику — усваивали ее и, как могли, повторяли. Среди них появлялись и настоящие художники, но пути для движения все же не было. В ту бурную пору, когда жил Джотто, искусство «греческой манеры» уже выполнило свою историческую роль, и время властно требовало нового.

Может быть, еще при жизни Джотто и уж, во всяком случае, вскоре после его смерти сложилась красивая легенда. Джотто якобы в детстве был пастушонком и, испытывая влечение к живописи, стал рисовать с натуры овцу мелом на камне. Заметьте: с натуры. Дальше легенда рассказывает, как его увидел за этим занятием прославленный живописец Чимабуе, подивился его умению и взял к себе в ученики. Еще в XIV столетии в художественных мастерских назвали Джотто основателем «новой манеры», или «манеры современной». А великий сверстник Джотто поэт Данте в своей «Божественной комедии» посвятил ему следующие строки: «Чимабуе полагал, что в живописи он первый, но теперь знаменит стал Джотто, и слава его померкла».

Конечно, рассказ о мальчике-пастушке — легенда, но главное в ней сказано правильно: преодолеть иконописную традицию можно было только путем обращения к натуре. Именно так Джотто и сделал.

В Капелле дель Арена, как и в «Божественной комедии» Данте, сюжеты взяты из мира религиозных представлений. Но у Джотто, как и у Данте, они наполнены совершенно новым содержанием: у обоих художников главное место занял человек. И каждый из них рассказал о мире, в котором мы живем. В самом деле, стремясь к наибольшей убедительности и достоверности, художник для описания мира загробного располагает только тем, что он видит в мире действительном. Значит, он должен глядеть на него, наблюдать и изучать. Про одного средневекового святого рассказывали, что он три дня шел вокруг Женевского озера и не заметил его, погруженный в свои благочестивые размышления. Теперь эти времена навеки ушли в прошлое. Поэтому, несмотря на религиозный сюжет, поэма Данте оказывается энциклопедией современной ему жизни. Поэтому же Джотто, рассказывая о Христе и его предках, говорит о реальных людях.

Этого настоятельно требовала сама жизнь. В передовых городах Италии, и прежде всего во Флоренции, в течение всего XIII века бурно развивалось ремесленное производство и росла торговля, главным образом международная. И ремеслу и торговле препятствовали феодальные порядки. Горожане начали вести с ними планомерную борьбу, сначала экономическую, разрушая замки и освобождая крестьян от крепостной зависимости, затем политическую, лишая грандов политических прав и ставя их тем самым вне закона, а в конце концов и идеологическую. Выразителями последней стали не философы, не ученые, не политики, так как на рубеже XIII и XIV веков основы светского мировоззрения еще не были заложены, а поэты, скульпторы и живописцы. Они раньше, чем кто-либо другой, подметили зарождение нового, уже не средневекового человека и создали новую систему художественного мышления и выражения. Вот почему на всем итальянском Возрождении, начавшемся именно в это время и именно во Флоренции, лежит столь ясно ощутимый отпечаток художественности. Кто не знает поэтов Данте и его младших современников Петрарку и Боккаччо? Джотто принадлежит к кругу этих великих художников.

Капелла дель Арена со своим грандиозным циклом фресок дает возможность отчетливо представить себе как характер новых задач, вставших перед искусством, так и способы их разрешения.

Поскольку главным для Джотто является человек земной, постольку прежняя иконописная традиция, с ее условным, бестелесным, развернутым на плоскости изображением, с ее вытянутыми, удлиненными пропорциями, уже не годилась. Джотто делает свои фигуры коренастыми, плотными. Их широкие одежды при помощи светотени становятся массивными, фигуры приобретают округлость, они прочно стоят на земле.

Этим вполне земным фигурам необходимо окружающее их пространство. Иконописный фон, гладкий или украшенный узорами, подчеркивающий плоскость картины, а не ее глубину, явно противоречил бы объемности фигур. Джотто и здесь выступает как подлинный новатор. Он создает для фигур на переднем плане картины нечто подобное сценической площадке, как бы авансцену, замкнутую в зависимости от сюжета то пейзажем, то архитектурой. В изображении построек новаторство Джотто сказалось с особой очевидностью: он является родоначальником линейной перспективы. Правда, математические ее основы начали разрабатываться только через сто лет, в XV веке, но Джотто показал, в каком направлении надо следовать дальше. Все его перспективные построения сделаны на глазок, но то был глаз настоящего художника. Легкие сооружения с тонкими колоннами написаны объек-

Джотто (1266—1336). ПРОПОВЕДЬ СВ. ФРАНЦИСКА ПТИЦАМ.

Джотто. ИОАКИМ У ПАСТУХОВ. Фреска Капеллы дель Арена в Падуе.

тивно и убедительно. Джотто ставит обычно такие «павильоны» под углом к зрителю, чтобы с наибольшей отчетливостью увести глаз его в глубину. Так, например, в «Благовещении св. Анне» мы можем заглянуть в скромную флорентинскую комнату, так как здесь отсутствует передняя стена. Сюда стремится проникнуть через узкое окно благовещающий ангел, утратив свой мистический облик. Здесь коленопреклоненная Анна внимает ему, а снаружи, под балдахином крыльца, служанка занимается своим повседневным делом: она прядет. В другом сюжете, «Иоахим у пастухов», передний план отчетливо выделен замыкающей перспективу плоской скалой и небольшим навесом для овец справа, косо поставленным. И так во всех сюжетах: мы видим постоянное стремление Джотто создать реальное пространство, выразить его глубину живописными средствами. С плоскостной условностью иконописной традиции покончено.

В каждом сюжете Джотто помещает обычно лишь немного фигур, но располагает их так, чтобы самыми простыми средствами выразить драматизм ситуации. В сюжете «Иоахим у пастухов» всего три действующих лица. Иоахим медленно идет, погруженный в глубокую задумчивость: его тяжко обидели, несправедливо изгнав из храма. Два молодых красивых пастуха, обмениваясь взглядами, как бы обсуждают печаль патриарха и готовятся дать ему приют. И все, даже пейзаж, принимает участие в этой сцене: скала за Иоахимом, кажется, отделяет его от мира, откуда он ушел, собака ласково приветствует его, и даже овцы уходят из хлева, чтобы освободить его для одинокого изгнанника. Евангельское предание насыщается чисто человеческим содержанием. Все удивительно просто, естественно и величественно, без суеты и аффектации и потому так трогательно, искренне и заразительно.

В «Поцелуе Иуды» драматизм достигает наивысшего напряжения. Здесь весь передний план занят толпою, за которой не видно ни пейзажа, ни архитектуры. Крупные, обобщенные массы длинных одежд — желтые, красные, лиловые, синие, зеленые — создают мощный колористический аккорд. Но глаз зрителя сразу выделяет две главные фигуры, занимающие середину: Иуда в желтом плаще тянется с выпяченными губами к Христу, обнимая его, а Христос строго и спокойно, зная о неизбежном, смотрит ему в глаза. Поцелуй Иуды — предательство, свершенное «за тридцать сребреников»,— это знак, по которому Христа должны схватить, отправить в темницу и на казнь. Вот почему такое волнение вокруг: подчеркнутые жесты, напряженные лица, беспокойное движение поднятых факелов и копий. В лицах Христа и Иуды сконцентрирован весь смысл картины. Здесь уже не только выражена с предельной ясностью драматическая ситуация, но и нечто большее: столкновение двух моральных начал — добра и зла. В образе Иуды — низость, корыстолюбие, предательство, в образе Христа — чистота, разум, величие души. Недаром Джотто наделил его чертами почти классической красоты. Здесь снова человеческие чувства, но поднятые на более высокий уровень, на уровень требований, предъявляемых к человеку, не общих и далеких предписаний религии, а конкретных и близких требований общества.

Трудно расстаться с Капеллой дель Арена. Всматриваясь в каждый отдельный сюжет, находишь все новые и новые красоты. То дивишься мастерству, с каким художник заключил каждую фигуру в лаконичный и ясный контур, то наслаждаешься величавой красотой созданных им образов, то поражаешься богатством его композиционных построений. Так, например, в «Оплакивании» главная фигура обнаженного мертвого Христа отодвинута в левый нижний угол картины, но именно к ней ведут глаз зрителя склон узкой скалы, полого спускающийся по диагонали, и склонившиеся фигуры скорбящих, охваченных одним чувством, но выражающих его каждый по-своему.

На чем бы ни останавливалось ваше внимание, всегда и неизменно главным и основным в росписях Джотто оказывается человеческое начало. Джотто сумел увидеть человека в подсказанных евангельскими преданиями образах и своим искусством научил этому современников и потомков. Сделать это мог только великий художник, художник с большой душой, понявший и оценивший многообразные силы, заложенные в человеке. И эту веру в человека вы уносите с собою, покидая Капеллу дель Арена. Вы уходите оттуда просветленным и очищенным, унося с собою безмерную благодарность художнику, отдаленному от нас почти семью веками, но такому близкому и дорогому.

После Падуи Джотто работал в своем родном городе Флоренции, где с 1317 года расписывал церковь Санта Кроче. Здесь основы его стиля не изменились, задачи остались прежними, но созданные им интерьеры стали больше и богаче украшенными, пейзажи—более сложными. К сожалению, фрески эти сохранились хуже, чем в Падуе, а неудачная реставрация в XIX веке скрыла много важных деталей.

Там же, во Флоренции, Джотто построил и по настоящее время стоящую колокольню при соборе Санта Мария дель Фьоре, дав тем самым пример многосторонней деятельности художника. Этому примеру следовали все великие мастера эпохи Возрождения. Личность Джотто произвела глубокое впечатление на современников. Мы уже видели, что Данте помянул его в «Божественной комедии». Боккаччо посвятил ему новеллу в своем «Декамероне», где говорит, что Джотто «снова вывел на свет искусство, в течение многих столетий погребенное по заблуждению тех, кто писал, желая скорее угодить глазам невежд, чем пониманию разумных». Джотто как реформатор прочно вошел в итальянскую историю искусства — в XV веке так судил о нем знаменитый скульптор Гиберти, а в XVI веке — прославленный автор «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, скульпторов и архитекторов» Джорджо Вазари. По существу, это и наша оценка.

Данте создал современный литературный итальянский язык, существующий без больших изменений до наших дней. А Джотто создал тот язык реалистической живописи, на котором говорило все последующее искусство во всей Европе, видоизменяясь в зависимости от времени и национальных особенностей. Но как бы ни менялись в дальнейшем задачи живописи, какими бы новыми открытиями она ни обогащалась, выполнять свою высокую миссию она не могла без непревзойденных образцов флорентинца Джотто.

Край наш мансийский

Юван ШЕСТАЛОВ

КТО ОТКРЫЛ ГАЗ!

— Кто нашел газ? Эспедица нашел. Начальник нашел. Быстрицкий. Хороший был мужик. Я ему даю лошадь, а он мне — бензин. И спирт есть...— говорит напевно еще не старый человек, отвертывая ключом замасленную гайку мотора длинной лодки — саранхапа. В курчавых, коротко остриженных волосах ниточки инея. На бледном, обветренном лице — морщины. Но из-под тяжелых век льется еще озорной свет голубоватых глаз. Они внимательно, испытующе смотрят то на меня, то на моего спутника: не смеются ли?..

И продолжает:

— Все ведь теперь про это знают. Лауреатом, говорят, он стал. Премию Ленина получил. А вместе работали. Я в колхозе председателем. Встречались на пленумах, сессиях...

И он рассказывает, как охотник о своей удачной охоте, о встречах с Александром Григорьевичем Быстрицким — начальником партии глубокого бурения, которая открыла в Березове первый газ Сибири.

— Невысокий, как мы, северяне, был мужик. Плотный. Но проворный, что рыба. Большую машину-лестницу привез. Около Березова поставил. Начальники большие, говорят, ругались. Не там поставил. Писали ему. Не послушался он бумаги.

А это место как раз-то и оказалось удачливым. Газ вырвался. Заплясал, загремел. На много верст кругом слышен был его крик. Да... Быстрицкий счастливым был... Поставили машину-лестницу буровую на кусок земли, куда показывала бумага. Газ там не заплясал. А было недалеко. Всего один-два версты. Быстрицкий счастливым был... Не послушался бумаги — газ нашел, голубой огонь нашел. А если бы послушался,— кто его знает? Может, и до сих пор в нашем крае тихо было... А люди говорили: «Не колдун ли он, не шаман ли? Как он это попал туда, где голубой огонь ходил?» А Быстрицкий счастливым был: пусть что хотят языки говорят, а газ-то есть, а бензин-то есть, а нефть-то есть!.. Вот какой Быстрицкий!.. Сказывают: теперь он большой начальник. Тюмени живет...

Быстрицкий в том далеком, пятьдесят втором, действительно пробурил опорную скважину в полутора-двух километрах от намеченной точки бурения исходя из экономических соображений: рядом река, легче доставить тяжелые лебедки, буровые станки к месту бурения; и эта точка оказалась счастливой.

И сбылись мечты академика И. М. Губкина, который еще в 1932 году на уральской сессии Академии наук СССР утверждал, что на северо-восточных склонах Урала должна быть нефть.

Но нелегок был путь к этим несметным богатствам природы. Лауреат Ленинской премии Александр Григорьевич Быстрицкий в одной из своих статей вспоминает:

«Одни мешали нам шепотком из-за угла: «Машины увязнут в болотах. Гиблое дело...» Другие заявляли во всеуслышание, что поисковые работы в Западно-Сибирской низменности обречены на провал. Основывались на том, что древнее, будто бы холодное море, дном которого в седые времена являлась эта низменность, не было богато растительным и животным миром, а значит, не могло служить источником образования нефти и газа.

Дать первый отпор скептикам помогло Березово...»

Наверное, об этом и рассказывал манси — моторист саранхапа, как рыбак об удачной рыбалке.

— Хорош был мужик Быстрицкий. Да вот, как он нашел этот огонь, много народу стало, а рыбы мало стало. В воду льют бензин, нефть льют, солярка льют. Рыба плачет, задыхается. Кушать ее будешь — пахнет, как машина. Хорош был мужик Быстрицкий... И зачем он это сделал?!.

— А на каком горючем вы ездите? — спрашиваю я, удивленный поворотом событий.

И зачем он это сделал?!.

— Бензин зажигаю. Мотор. Быстро саранхап бежит!..

— Так этот бензин из нефти, которую добывают у нас, в нашем округе.

— Понимаю! — холодно откликается моторист, всем своим видом показывая, что далеко не только это он понимает.—И нефть нужна, и рыба нужна! Без мотор плохо, и без рыба плохо! Она уже плачет, задыхается от нефти!..

— А как быть?

— Бензин в воду льют, нефть льют, солярка льют. Рыба задыхается, плачет... Как быть! Как быть! Хозяином надо быть! Человеком надо быть!..

Потом он решительно наклоняется к мотору, давая понять, что разговор окончен.

«Трах-тах-тах-тах!»— пропыхтел мотор и заглох.

— Ну, что ж, поедешь со мной?— Он впервые обратился

ко мне по-мансийски.— Или еще дела?

Потом полушепотом, словно о сокровенной тайне:

— Скоро сосьвинская селедка пойдет!..

А его рыжий, как солнышко, сынишка, сидя на носу, уже отталкивает лодку от дебаркадера.

— Приезжай к нам, в Ванзетур. Рыбка еще е-есь!..— молодцевато, весело кричит он.— А газ-то нашел эспедица! Быстрицкий нашел. Хорош был мужик!

«Трах-тах-тах-тах»,—запел мотор, и лодка, ломая зеркало воды, набирая скорость, удалялась в сияющую даль Сосьвы...

РАЗГОВОР У КОСТРА

Горит костер. Звезды падают на землю. Искры улетают в небо. Лишь люди неизменно остаются у костра. Там их песни, сказки и тихий, сердечный разговор. Там поют сердца, там они добреют, становятся богаче. Сердца ведь тоже могут петь. Говорит костер, говорят люди, говорит вечер...

— В магазине много товаров стало! Никогда не был хлеб таким белым; нефтяники пришли на Север...—тянет, как песню, старый рыбак Солвал-ойка, попыхивая такой же старой, как и он, трубкой.— Чтобы уехать в Березово, не надо даже лошади или оленей: день и ночь тянутся железные караваны. Садись и езжай. Шумным стал наш край, быстрее жизнь пошла, как весной на путине, когда рыба играет... Думаешь, почему я стал больше крупной рыбы добывать? Хорошая у меня лодка с мотором «Москва». А подарил ее сын. Он работает в Игриме, где горящий воздух будут добывать. Хорошо!..

Я смотрю на старика и снова удивляюсь, как изменяются родные берега Сосьвы.

Там, где вчера шагали по тайге лоси, сегодня высятся огнеглазые великаны — буровые вышки; там, где паслись стада оленей, сегодня железное кочевье машин.

...Наш костер потрескивает, стреляя смолистыми искрами. И все здесь — и этот песчаный берег, и тихие всплески в темно-синей Сосьве, над которой вьются мошкарой искры, и сележный невод, покоящийся на вешалах, и эти лодки—саранхапы, уткнувшиеся в песчаный берег, и эти усталые, обветренные лица рыбаков, повернутые к теплым языкам огня,— все как в детстве.

Только Солвал-ойка как-то погрузнел. Все такой же языкастый, да, кажется, слова стали тяжелее, и голос хрипловатый, не такой задорный. И весь он как дума, как всплески рыб, плавающих в Сосьве, как песня зубчатого бора, темнеющего вдали косматым медведем, как задумчивая мелодия струй, журчащих у песчаного берега. О чем эта песня?

О том, как прекрасна Обь, когда на ней лодки рыбаков, плывущих по течению; как прекрасен берег, когда зажжен костер.

Вот берешь ты острый нож и снимаешь кожу стерляди. Ты, может быть, уже и не знаешь, что из этой кожицы в древности твои предки шили себе одежду? Давно уже нет той древности...

Сам ты ходишь в модном костюме, сшитом в ателье или на фабрике. О былом помнят лишь небо, вода и лес.

Плеск воды и трепет рыбы...

Может быть, мне это просто снится?.. И я ловлю себя на мысли, что ставлю такой сон чуть ли не в особую заслугу себе. Снятся людям города, нефть, космос. И я ужасаюсь: неужели людям грядущего не будут сниться земные сны, неужели в моих потомках не шевельнется душа рыбака и к трепету рыб они останутся, как камни, равнодушными?

...Вот уха готова. Долго ли надо вариться маленькой рыбке тугунку — нежной сосьвинской селедке? Только опустишь ее в горячую воду — и уха золотится от жира.

Солвал-ойка вынимает из зеленого вещевого мешка большую алюминиевую чашку и пластмассовой поварешкой накладывает чуть потрескавшихся белых рыбок.

...Хороша уха!

— Вкусно? — процедил сквозь почерневшие зубы Солвал-ойка, пристально следящий прищуренными глазами, с каким аппетитом я ем.

— Вкусно, да! — говорю я.

Все смолкло — и лес и река.

Затаись на миг—услышишь, как летят искры. Что-то таинственное в этом молчании.

— Ну как? Разве плохо, если селедка вкусная?

Укоризненно глянул старик в сторону Сосьвы.

— Скоро вкус у нее будет совсем другой. Не речным жиром— нефтью будет пахнуть... А ты говоришь: вкусно, вкусно!..

Потом, приподняв курчавую голову, глядя в ночь, словно обращаясь к духам, он продолжал:

— Мало стало нашей золотой рыбки. Собираем по полведра за тонь, горстями. Конечно, она вкуснее кажется. Но раньше...

От пляски огня лунная ночь кажется еще темнее. Хмурые лица рыбаков, ярко освещенные костром, молчаливо-сосредоточенны. Нет, они не хотели говорить. Просто я, очевидно, тронул их за больное. И вдруг я почувствовал, что кругом уже глубокий лунный вечер. И на моей земле происходит что-то новое...

Почему старик так встревожен? Неужели рыба и нефть не могут ужиться на одной земле?

Разве я, чувствующий трепет рыбы, не понимаю важности нефти для страны, для людей?! Лучшие мои друзья — нефтяники! И какой северянин не гордится своей землей, в недрах которой оказалось столько сказочных богатств: нефти, газа, термальных вод!..

— Много огней стало на Севере. Много товаров... Хорошо! Только нам, рыбакам, не всегда хорошо. Мы бы еще больше рыбы наловили, если бы самоходка ходила, как раньше, не надо было бы тратить время на поездку за продуктами,— опять оживился старик.— Ты вот наш писатель, депутат. Любишь рыбу, а тоже думаешь только о нефти. Все остальное готов забыть.

— Мало внимания стало со стороны руководителей района к рыбакам и охотникам, звероводам и дояркам,— заговорил вдруг молчавший до этого молодой рыбак.— Я из деревни Анеево. Клуб у нас неважный. Негде даже почитать книгу... Обращались колхозники в район, писали в округ. Везде один ответ: «У нас поважнее дела!..» Порыбачу, пока идет селедка, а там подамся в Игрим, буду строить газопровод. Там хорошо!..

Он замолчал. Потрескивали смолистые поленья, искры летели в лунное небо. Лишь лица людей видны у костра. У костра их песни, сказки, думы... И я невольно задумываюсь. Как же так? На моем тюменском Севере построили три города нефтяников. Строятся нефтепроводы, газопроводы, железные дороги. А на какой-то маленький клуб нет средств?

Да, если со вниманием отнестись к людям, рыбаки угостят самой нежной в мире рыбкой — сосьвинской селедкой; животноводы вырастят упитанный скот, чтобы сделать стол нефтяников богатым; охотники нарядят в соболиные шубы. И страна быстрее получит нефть и газ, если мы будем думать о комплексном развитии всего народного хозяйства, если будем думать о культурном обслуживании всех тружеников, о деревне Анеево и о маленьком селе Ванзетур.

Загляните в здание сельского Совета в Ванзетуре. Неприглядный, обшарпанный вид. Такой же вид и у здания поселкового Совета в Игриме... Так неужели мы разучились быть хозяевами в своем доме, который, как бы ни был скромен внешне, является олицетворением нашей народной Советской власти... Мы говорим и пишем, что наше время — время гигантских масштабов и темпов. За этими масштабами мы порой не видим очень важных дел, которые иными руководителями расцениваются как мелочь.

Но разве мелочью является, например, строительство школы-интерната в селе Ванзетур? Дети живут в старых, холодных помещениях. Часто спят по двое. А руководители района вот уже пять лет не могут распорядиться о строительстве этого здания, перевезенного из другого места.

Видно, руководителям Березовского района просто недосуг обратить внимание на такой маловажный объект. Где ему удостоиться столь высокого внимания! На территории района ведутся стройки всесоюзного значения. За школу-интернат никто особенно не спрашивает: она не включена в титульный список. А жителям Ванзетура и эта стройка важна: детям нужна школа.

Не забываем ли мы иногда о людях, ради удовлетворения потребностей которых ловится рыба, добываются нефть и газ?

Об этом недавно принципиально и остро говорили на сессии Тюменского областного Совета депутатов трудящихся.

На культурное обслуживание северян выделяются дополнительно крупные средства. Будут построены школы, детские сады, клубы...

Приживутся ли нефть и сосьвинская селедка в одном краю? А человеку нужна и нефть и рыба. Не постигнет ли нас участь некоторых других бассейнов? Наверное, нам надо быть очень чуткими к природе, к ее богатствам. Человеку, наверное, надо быть тоньше и мудрее. Хочется услышать голос ученых, специалистов.

Я думаю, думаю... И вправду, снятся людям города, космос, нефть... Но разве человечество забудет земные сны, разве в моем потомке не шевельнется душа рыбака?.. Не стоит ли подумать об этом после XXIII съезда партии, который определил важнейшие задачи очередного этапа в строительстве коммунизма? Стоит.

НЕПОКОЛЕБИМЫЕ ДУХОМ

Главный герой новой повести украинского писателя Павла Оровецкого «Живет солдат...» Григорий Трощук не выдуман. Прообразом его послужил старший лейтенант Григорий Сергеевич Тростенюк, участник Великой Отечественной войны, заместитель председателя одного из колхозов Житомирской области. В дни смертельной схватки с фашизмом этот человек смело выходил со связками гранат навстречу «тиграм» и «фердинандам». Он потерял зрение, лишился обеих рук. Но Г. С. Тростенюк не выбыл из строя — работает в родном колхозе.

...В одном из боев Григорий Трощук был во второй раз тяжело ранен. Пришел в себя в полевом госпитале с повязкой на глазах и руках... Впереди вечная ночь, безрукость... Нужна ли теперь жизнь? Григорий не хочет сообщать о себе родным, жене, настроение его подавленное.

Но в народе не зря говорят: «Птица сильна крыльями, человек — дружбой». Один из фронтовых друзей Трощука, комбат Стрелец, когда-то в перерыве между боями говорил ему:

«— Пока можешь делать для людей хоть что-нибудь,— живи. Таков долг человека на земле».

Слова друга обрели теперь для Трощука силу крыльев. Они звали к действию, к поискам места в строю, к счастью.

Люди пришли на помощь в самые тяжелые для Григория минуты. Они и сами порой не догадывались, каким целительным средством было их доброе слово для инвалида. Григорий поверил им, поверил, что он нужен людям. Читатель убежден, что эти люди сами действовали бы так же мужественно, как и Григорий Трощук, если бы судьба послала им подобные испытания. Трудно сказать, кому больше посвящена повесть: человеку несгибаемой воли Григорию Трощуку или его друзьям, окрылившим солдата в час тяжелых испытаний.

Автору удалось выписать своих героев живо, создать яркие, запоминающиеся и по-настоящему правдивые образы наших современников. Они не «подсахарены» и не «подперчены». Как и все, эти люди живут по-земному.

Автор смело и всесторонне показывает советских людей в их поступках, мыслях, целеустремлениях. Вот, например, рассказ о трагической любви командира батальона майора Стрельца и разведчицы Катерины Твердохлеб. Майор Стрелец отправил свою жену- разведчицу с боевым заданием в расположение немцев, зная, что она может погибнуть. Он горячо любил Катерину, нелегко было принимать такое решение, но пойти против долга советский офицер не мог.

Повесть «Живет солдат...» гражданственна по своей сути. Она пронизана верой в человека, в его счастье.

А. МИТИЧКИНА

Павло Оровецкий. Живет солдат... Повесть. Перевод с украинского. Военное издательство. Москва. 1966.

Н. П. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Эксперты

Глаз знатока — в искусстве великая вещь, но, к сожалению, не бесспорная.

Где-то у меня хранится курьезный каталог одного любителя — собирателя картин и рисунков. В каталоге этом, напечатанном явно «для себя» и, вероятно, в нескольких десятках экземпляров, весьма забавны аннотации к картинам, сделанные самим собирателем.

Среди этих «аннотаций», составленных с потугами на юмор, есть, например, такая: «Картина художника якобы Рубенса. Примечательна в моей коллекции тем, что висит над хорошим шкафом».

Или, например, такая: «Портрет неизвестного. Эксперт Александр Бенуа до ужина определил как работу художника Тропинина. После ужина признал работой Аргунова».

Нельзя не признать, что в последнем примере чувствуется горечь автора-собирателя, которому экспертирующие его собрание знатоки испортили немало крови.

Я привел этот курьезный каталог, отнюдь не желая обидеть кого-нибудь из наших художественных экспертов. Мне довелось быть знакомым с незабываемым Ильей Семеновичем Остроуховым, неоднократно принимать у себя и бывать самому у Игоря Эммануиловича Грабаря и близко дружить со Степаном Петровичем Яремичем. Все эти три замечательных человека были сами прекрасными художниками и великими знатоками живописи. О «глазе» Остроухова ходили легенды, многотомные научные труды Грабаря и Яремича подтверждают их буквально безбрежные познания во всех вопросах искусства.

«Приговор», который они, как эксперты, выносили той или иной картине, считался категорическим.

Однако выводы эти столь разноголосы и друг другу противоположны, что составить из них хотя бы подобие «хора» совершенно невозможно. И не только «хора» — в некоторых случаях нельзя добиться хотя бы даже «дуэта». Лет двадцать пять назад мне довелось в Ленинграде приобрести небольшой овал с изображением мальчика в красной рубашке. Картинка была написана маслом, и внизу стояла подпись: «А. Венецианов». Картинку уступил мне искусствовед Коршун, кстати сказать, автор статьи о Венецианове в первом издании Большой Советской Энциклопедии. Он обменял картинку на имевшиеся у меня письма художника С. Щедрина, нужные ему для работы.

Я привез картинку в Москву (обмен происходил в Ленинграде) и показал ее Игорю Эммануиловичу Грабарю. Игорь Эммануилович впился в картинку своими чудовищной толщины очками и вынес приговор:

— Подпись фальшивая — Венецианов настоящий!

Он же намочил чем-то ватку — и подпись, нанесенная на полотно позднее, тут же слетела с картинки.

— А Венецианов настоящий и хороший! — еще раз подтвердил Игорь Эммануилович.

Годом позже ко мне из Ленинграда приехал Степан Петрович Яремич. К моему огорчению, он и «до ужина» и «после ужина» категорически отмел принадлежность картинки кисти Венецианова.

— Даже и не похоже! — заявил Степан Петрович.

Поехал я опять к Игорю Эммануиловичу с просьбой посмотреть картинку еще раз. Рассказал ему о мнении Яремича.

Игорь Эммануилович посмотрел картинку, еще раз подтвердил, что, по его мнению, это бесспорный Венецианов, а на прощание сказал мне приблизительно следующее:

— Если вы с каждой картиной будете бегать по всем экспертам, я предрекаю вам, что вы сойдете с ума и кончите свои дни на Канатчиковой даче. Ни я, ни Степан Петрович при написании этой картинки Венециановым не присутствовали. Документов, подтверждающих или отрицающих, что она написана именно этим художником, нет тоже. Следовательно, и Яремич и я высказали вам лишь свое мнение. Ваше право кому-то верить, а кому-то не верить, но лучше всего иметь мнение собственное. Побегайте по музеям, посмотрите как следует всех подлинных Венециановых, почитайте о нем, и тогда одно из двух: или вы научитесь иметь собственное мнение, и тогда продолжайте любить и собирать картины, а если не научитесь, — бросьте это гиблое дело!

Я внял совету Игоря Эммануиловича и с тех пор если еще и не научился великому искусству отличать подлинник от подделок, то, во всяком случае, перестал падать в обморок от совершенно противоположных экспертиз разных экспертов об одной и той же картине.

В особенности я стал осторожно относиться к знатокам-экспертам, зараженным страстью говорить «нет» даже там, где за определение «да» девяносто девять и девяносто девять сотых процента.

Мне кажется, что эти эксперты (по опыту знаю, что таких большинство!) принесли в искусстве вреда куда больше, чем эксперты-либералы, спешащие, наоборот, сказать «да» о картине, действительно могущей возбудить те или иные сомнения.

Никакого вреда от этого своеобразного «либерализма» не произойдет. Ну так повисит где-то в музее или в частном собрании картина, которая только похожа на работу Венецианова, а на самом деле, может быть, и не Венецианова. Беды особой в этом, мне кажется, нет никакой.

Другое дело, когда какое-нибудь категорическое «нет», высказанное тем или иным авторитетом, отправляет картину в музейный запасник, и она исчезает не только из «научного оборота», но зачастую из оборота вещей, тщательно сохраняемых. Для судьбы произведения искусства это, как говорится, «много хуже».

Примерно за год или два до Великой Отечественной войны некий товарищ весьма почтенного возраста откуда-то с периферии привез в Москву продавать написанный маслом портрет красивой молодой женщины. На обороте холста-овала кисточкой была сделана надпись: «Писал Карл Павлович Брюллов в 1849 году на острове Мадейра».

Каких-либо подробностей или хотя бы, кто именно изображен на картине, продающий товарищ не знал и рассказывал только, что портрет этот находился в их семье с незапамятных времен и что надпись на обороте холста, возможно, сделана не художником, а отцом владельца портрета, который «любил делать такие вещи».

Товарищ, впрочем, ни на чем не настаивал, а просто продавал портрет.

Мой друг, книжник А. Г. Миронов, к которому каким-то образом попал этот владелец портрета, направил его в Третьяковскую галерею. Там, дескать, существует специальная «закупочная комиссия», она все рассмотрит и, если это Брюллов, купит, вне всякого сомнения.

Комиссия долго рассматривала портрет, но — увы! — не только не приобрела его, но и категорически отказалась признать, что это работа Брюллова.

— Может быть, какой-нибудь его ученик, да и то средний.

Обескураженный владелец портрета приплелся вместе с ним обратно к А. Г. Миронову и просил помочь приладить его кому-нибудь, лишь бы, так сказать, от портрета избавиться.

Алексей Григорьевич позвонил мне по телефону:

— Купи портрет. Он в ужасающем состоянии: загажен мухами, лак пожелтел; промоется — засверкает. Там Брюллов это или не Брюллов, но вещь хорошая. Жаль, если погибнет.

Сознаюсь, что с большой неохотой, главным образом из желания выручить Миронова, чувствовавшего некоторую вину перед владельцем портрета, я этот овал приобрел.

Приобрел и стыдливо поставил за шкаф: не вешать же на стену такую грязь! Как-то зашел ко мне Александр Дмитриевич Корин (брат художника Павла Дмитриевича Корина), великий мастер по реставрации картин. Множество произведений живописного искусства буквально спасено его руками.

Показал ему портрет, спросил, каково его мнение. Круто напирая на «о», Александр Дмитриевич ответил:

— Ну что пока можно сказать? Вот уберу мушиную работу, тогда посмотрим.

— Надпись-то, Александр Дмитриевич, конечно, липа? — спросил я. — Брюллов же так не подписывал?

— Почему не подписывал? А вот вдруг взял да и подписал. Выдумываете какие-то законы... А художник — живой человек: захотел и сделал. Словом, вымою картину — посмотрим...

Недельки через две Александр Дмитриевич принес портрет — я ахнул: другая вещь, неписаной красоты.

— Как теперь, Александр Дмитриевич, ваше мнение? — спрашиваю. — Брюллов?

Немногословный вообще и скромнейший из людей, Александр Дмитриевич ответил:

— Этого я, дорогой, не знаю. Это пусть вам ваши Грабари говорят. Я только одно ответить могу: бездна искусства в этом портрете...

Кинулся я к своим друзьям-книгам. Перечитал все, к сожалению, немногочисленные биографии Брюллова. Одно подтвердилось несомненно: в 1849 году, ровно за три года до смерти, художник Карл Павлович Брюллов на острове Мадейра действительно был (он там лечился) и портреты писал. Значит, надпись на обороте моего овала не такая уж «липа».

Но вот чей портрет? Кто эта в буквальном смысле слова писаная красавица?

Ни в одном из подобных описаний портретов русских людей 18-го и 19-го веков похожей на эту женщину нет. В каталогах выставок не нашел тоже.

Наконец, просматривая журнал «Современник» за 1852 год (ч. 21, отд. II), в статье «Годичная выставка в Императорской Академии художеств» среди шести выставленных произведений К. П. Брюллова наткнулся на следующие строчки: «Портрет княгини Багратион написан с большой тщательностью и отделкою, одно из самых грациозных произведений. Не знаешь, чему тут больше удивляться, — грации, выражению или рисунку; — по-мастерски выбранная поза, грациозный поворот головы, обрамленной белым капюшоном на розовой подкладке, и лицо, на котором вовсе нет тени, поражают сильнее всего в этом бесподобном портрете».

Поиски увенчались успехом. Все соответствовало описанию: белый капюшон на розовой подкладке — главная декоративная часть портрета — подтверждал, что это — изображение А. А. Багратион работы Карла Брюллова. А. А. Багратион — жена Петра Романовича Багратиона, родного племянника героя Отечественной войны генерала Багратиона. Муж изображенной на портрете — Багратион Петр Романович — был адъютантом герцога Лейхтенбергского и сопровождал его в заграничной поездке.

Знаменитый брюлловский портрет Лейхтенбергского также написан художником на острове Мадейра и именно в те же годы. Все подтверждается. Документально.

Беглая, на глазок экспертиза «закупочной» комиссии Третьяковской галереи имеет свой финал. В 1956 году вышла интересная книга «Материалы и исследования» Государственной Третьяковской галереи (издательство «Советский художник»). В книге воспроизведена фотография имеющегося у меня портрета А. А. Багратион и совершенно восторженная его оценка автора статьи Э. Ацаркиной.

Эксперты Третьяковской галереи отдали должное портрету работы замечательного мастера.

Я рассказал эту историю с двоякой целью. Во-первых, мне хотелось высказать свое мнение, что всякое определение подлинности работы художника, основанное исключительно на личном впечатлении, не подкрепленном изучением окружающих происхождение данного художественного произведения фактов и документов, или подтверждающих, или, наоборот, отрицающих личное впечатление эксперта, делает его экспертизу субъективной и ненаучной. Во-вторых, мне еще раз захотелось напомнить, что торопиться эксперту говорить «нет» там, где есть хотя бы малейшая возможность сказать «да», не следует также. Как я уже рассказывал выше, «нет» может привести порой к гибели рассматриваемого художественного произведения, может иногда поступить с ним по старой русской поговорке: «Не годится богу молиться — годится горшки покрывать».

Так вот, «на покрытие горшков» мог улететь опороченный скоропалительной экспертизой портрет работы Брюллова, и, сознаюсь честно, чуть было не пошел овал Венецианова, категорически отвергнутый Яремичем и столь же категорически приветствуемый Грабарем.

Слова последнего научили меня относиться осторожней к скоропалительным мнениям авторитетов, и сейчас эта картинка бережно хранится мной как несомненная работа А. Г. Венецианова.

Из неопубликованного наследия Н. П. Смирнова-Сокольского.

Объявлена посадка!

Репортаж с места события

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Там, за перевалом...

Слышал я когда-то байку. В одном селе выросла на бане трава. Собрались мужики, стали думать: то ли скосить траву и дать корове, то ли корову на баню затащить, пусть пасется. И затащили... Нелепая история.

Рано просыпаются летчики, кто-то запевает хриплым со сна голосом: «На заре ты ее не буди...» А какая там заря — еще темень кромешная, четыре часа утра. Полчаса быстрой езды в открытой машине выгоняют последние остатки сна.

Степь встречает ревом моторов: это техники готовят самолеты. Начинается погрузка. Шум ужасный: мычание, блеяние, рев ишаков. Фортиссимо в этой сельскохозяйственной симфонии — звонкие крики чабанов. Груз не совсем обычный — овцы и телята. Сервис полный: пассажиров в самолеты буквально вносят на руках. А что поделаешь? По трапу сами они не пойдут.

На рассвете одна за другой машины отрываются от земли. Ничего, что солнце еще не взошло,— там, над перевалом, его лучи уже коснулись снегов и алые потоки медленно поползли по склонам.

Лечу в одном из самолетов вместе с телятами. В воздухе они ведут себя совершенно спокойно, будто понимают: мычи не мычи, ничего не изменишь. Внизу, отороченная по краям снежными цепями гор, проплывает земля Ферганской долины. Серые поля хлопчатника с проклюнувшимися зелеными точками всходов, кофейная вода каналов, змейки пересохших ручьев, витражи рисовых плантаций.

Через несколько минут полета мы уже над горами. Мягкие зеленые увалы залиты кроваво-красными разводами и пятнами — так рисуют Марс художники-фантасты. А это всего-навсего цветут маки. Все сплетается в сложные узоры. Не отсюда ли взяла Средняя Азия дивные рисунки своих ковров, яркую расцветку тканей? Не этими ли маками подсказано поэтичное женское имя Гюль, что означает «цветок»?

На склонах гор темно-зеленые клубочки фисташковых деревьев, они невысоки, два-три метра, зато корни их уходят в глубину земли на сорок — пятьдесят. Скоро знойное солнце выжжет траву. Какие уж тут пастбища! Лишь эти деревья будут тянуть влагу из глубин земли. Потому и спешат летчики Киргизского управления гражданской авиации перевезти за перевал отары. Там, за перевалом, сочные травы, непересыхающие реки и ручьи и спасительная прохлада. Операция «Летающие отары» проводится на стыке двух республик: киргизские летчики перевозят отары узбекских колхозов Андижанской области на высокогорные пастбища Киргизии.

Смотрю на стрелку высотомера: 2 500, 3 000, 3 300. Самолет втискивается в узкую щель перевала. Рядом ослепительно-белые склоны гор с выдранными лоскутами сошедших лавин. Ныряем вниз, в долину. Посадка. Открываются двери. Летчики включают сирену. Испугавшись ее рева, телята выпрыгивают из самолета и тут же принимаются щипать траву. С овцами еще проще, тут и сирены не требуется — одну вытолкнули, остальные за ней сами выскакивают.

Беседую с главным зоотехником Янги-Курганского района Хакимом Умурзаковым.

— Выгодно ли возить скот самолетами?

— Конечно, выгодно. Перевалы под снегом, откроются не скоро. Гнать отары своим ходом надо месяц, за зиму животные тощают, слабеют, многие не выдержат такой путь, не избежать больших потерь. А напрямую двести километров — меньше часа полета. Подсчитали — прямой резон.

Спрашиваю командира авиаотряда Фиата Мухамедневича Дамина:

— И вам выгодно?

— А как же? Мы организация хозрасчетная, одной романтикой не проживешь, копейку считать умеем. Условия договора хорошие, почему не возить?

— Какие еще работы выполняет отряд?

— Забрасываем на Тянь-Шань и Памир, в районы, где нет дорог, зерно, корма, всякие товары. Скоро начнем химические работы на хлопчатнике и доставку свежих овощей и фруктов в Магадан, Якутск, Новосибирск... Ну а главное, конечно, возим пассажиров. В этом году у нас большое событие: открываем прямой рейс Ош — Москва. Он не только нашу область свяжет со столицей, но и будет самым удобным путем для многих городов Узбекистана — Ферганы, Андижана, Намангана, Коканда. А перевозка отар — это для нас только небольшой эпизод.

...Работа идет дружно, когда обе стороны довольны. Я наблюдал только один конфликт, возникший в тот день, когда началась переброска. Техник подошел к бригадиру чабанов и попросил:

— Выделяй людей самолеты чистить.

— Мы это делать не обязаны,— возразил тот,— вы возите, вам и убирать.

— Тогда упакуйте свой груз так, чтобы он нам машины не пачкал!

И бригадир, сраженный этим доводом, тут же выделил людей.

...Один за другим взлетают самолеты и уходят к перевалу. Десятки рейсов в день. Операция идет полным ходом.

Так что не такие уж простаки были те люди, которые затащили корову на баню.

Между рейсами...

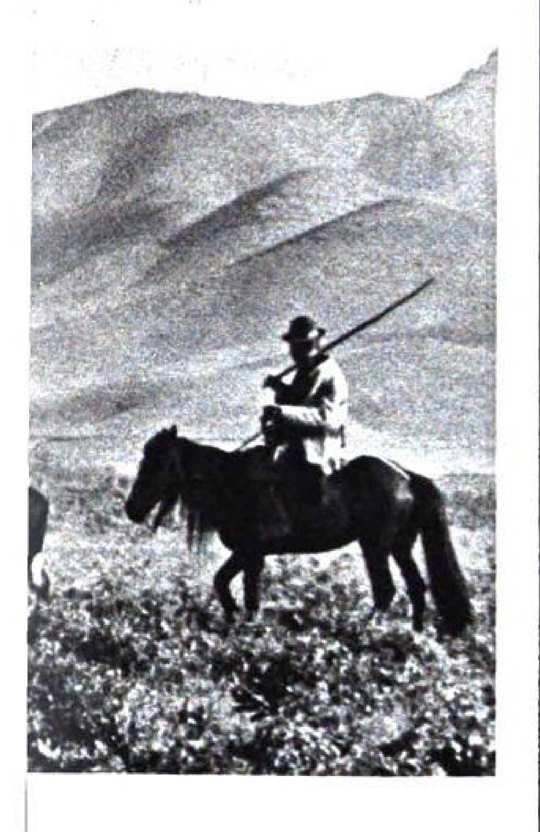

Пассажиров буквально вносят на руках.

Не признает воздушный транспорт...

— Оп-ля!..

Ева ПРИСТЕР

Недавно исполнилось 50 лет со дня убийства Джеймса Конноли — героического борца за независимость Ирландии.

СЫН ИРЛАНДИИ

Восстание, получившее название «Красной пасхи», было жестоко подавлено. Центр столицы Ирландии — Дублина лежал в руинах. Часть домов была разрушена артиллерийским обстрелом, другие сгорели во время пожаров.

Восстание началось в пасхальный понедельник, а уже во вторник британские войска открыли артиллерийский огонь по городу.

У англичан была тяжелая артиллерия, у восставших — только ружья и пистолеты. Несмотря на это, они продолжали борьбу до пятницы. Только тогда оставшиеся в живых сложили оружие. Манифест, подписанный «Временным правительством Республики Ирландии», призвал всех борцов прекратить огонь.

Начали свою работу военно-полевые суды. Руководителей восстания расстреляли. 12 мая 1916 года был расстрелян командующий Дублинским военным округом Джеймс Конноли. Во время боев его тяжело ранило. Он умирал от ран, и казалось, что смерть хочет спасти его от мести английского военного суда. Обессиленного Джеймса Конноли посадили на стул, чтобы расстрелять.

Революционный вождь был мускулист и коренаст. У него было широкое лицо с узкой черточкой усиков и глаза, которые всегда блестели. Те, кто его знал, рассказывают, что он охотно смеялся, с удовольствием танцевал, вечерком выпивал кружечку пивка. У Джеймса была жена и четыре маленькие дочки, которых он боготворил. Но его подлинной семьей, его братьями и сестрами были бедные, простые люди Ирландии: докеры, железнодорожники и трамвайщики Дублина; фабричные работницы, которые работали по 14 часов в сутки и жили по 6—8 человек в маленьких комнатках бараков; старые женщины в темных платках на головах, которые только раз или два в году по большим праздникам могли купить кусок мяса; мелкие торговцы, которые со своими тележками разъезжали по всей стране; бедные крестьяне, жившие в домах без окон, где дым выходил через дыру в крыше; дети, которые играли в грязных кварталах Дублина.

Джеймс Конноли родился в 1868 году в Моногаме. Задолго до того, как в Ирландии началась национально-освободительная борьба, крестьяне своими методами боролись против иноземных, в большинстве случаев живших в Англии помещиков. Они нападали на ненавистных сборщиков налогов и управляющих, сжигали их дома, убивали их самих, их скот.

Борьба эта обострилась еще больше после голодных 1847 и 1848 годов, когда от голода и тифа умерло более миллиона ирландских крестьян. Основным требованием Земельной лиги (возникшей и тут же запрещенной властями крестьянской организации) являлась аграрная реформа и изгнание чужеземных помещиков из страны.

Ребенком Джеймсу Конноли приходилось, как и всем другим крестьянским детям, весь день работать в поле. Школ для ирландских крестьянских детей тогда не существовало. Несмотря на это, он выучился читать. Вот каким образом.

С незапамятных времен бродили по Ирландии певцы и рассказчики сказок. Когда Конноли был ребенком, бродячие сказители рассказывали крестьянам уже не только сказки. Юноши — участники крестьянского движения Шин фейн («Мы сами»), среди них нередко учителя и студенты,— брали арфы сказителей и говорили крестьянам о своей борьбе, собирали средства для преследуемых и для их семей, создавали склады оружия. Они же учили крестьянских ребят грамоте. Позднее, уже после Конноли, эти сказители стали пропагандистами почти забытого ирландского языка, гэльского, возрождение которого, по мнению Шин фейна, было очень важным для развития ирландского национального самосознания.

Наиболее рьяно ратовал за гэльский язык поэт и школьный директор Падраик Пирс, который вместе с Конноли руководил восстанием и вместе с ним был расстрелян в 1916 году.

Когда Конноли было 10 лет, его родители уехали в Шотландию в поисках работы. Шотландия со своими верфями и рудниками была в те времена центром британского профсоюзного движения. Конноли начал участвовать в профсоюзном движении и, возвратившись в Ирландию, стал секретарем профсоюза транспортников в Дублине. Потом он уезжает в Соединенные Штаты и выступает там одним из основных организаторов первого большого революционно настроенного американского профсоюза ИРМ (Индустриальные Рабочие Мира).

В 1910 году Конноли окончательно возвращается в Ирландию и становится генеральным секретарем Социалистической республиканской ирландской партии.

Три года спустя в Дублине происходит забастовка, которая вошла в историю Ирландии как «большая». О ней рассказал в своей знаменитой драме «Красные розы для меня» ирландский поэт и драматург Шон О'Кейси, который в молодости был соратником Конноли. Забастовка длилась более шести месяцев. Каждую неделю полиция и воинские части расстреливали бастующих, которые собирались перед зданием профсоюза, чтобы получить свою тарелку супа и кусок хлеба — единственное пропитание для семей забастовщиков.

Питание для бастующих организовала тогда молодая красивая женщина, ставшая позднее легендарной фигурой ирландского освободительного движения, прозванная в народе «Прекрасная Розалинда».

После восстания ее приговорили к пожизненному заключению. В 1918 году она была избрана в первое ирландское национальное собрание и позднее стала министром первого ирландского правительства. Ирландия тогда принадлежала Великобритании, поэтому «Прекрасная Розалинда» стала первой женщиной-депутатом и женщиной-министром в Великобритании.

Во время «большой забастовки» организовалась первая вооруженная рабочая организация Ирландии — «Ирландская гражданская армия». Она была создана для защиты рабочих от полиции, а через три года стала сердцем ирландского восстания.

Забастовка закончилась частичным признанием профсоюза. Вскоре началась первая мировая война. Большинство английских социал-демократов, как и немецких, французских, австрийских, предали рабочее дело и принцип интернационализма, встали на сторону «своих» ведущих войну правительств. Только немногие партии II Интернационала не пошли на союз с милитаристскими правительствами. К ним относится Социалистическая республиканская партия Ирландии, руководимая Джеймсом Конноли. Вначале он не знал о ленинском лозунге «Война империалистической войне». Только много недель спустя узнал он о позиции русских большевиков по этому вопросу, убедился, как потом писала его дочь Нора Конноли, «с безграничной радостью, что он не одинок».

Конноли высмеивает тех социалистов, которые думают, что достаточно платонически высказаться против войны, а потом голосовать вместе с реакционерами за военные кредиты.

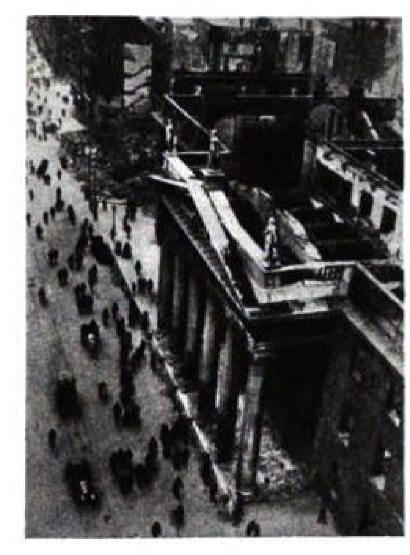
«Война угнетенной нации за независимость,— пишет Конноли,— за право устроить свою жизнь по собственному усмотрению может быть и будет священной и справедливой. Война угнетенного класса за то, чтобы освободиться от экономического и политического рабства, тоже справедлива. Но война нации против нации в интересах царствующих мародеров и международных жуликов — это омерзительно».

В наше время, когда многие молодые народы ведут борьбу за свое национальное освобождение, Конноли продолжает служить образцом человека, посвятившего свою жизнь борьбе за освобождение рабочего класса от капиталистического рабства и в то же время боровшегося за национальное осво-

бождение своей страны. Этот человек боролся за мир и в то же время руководил вооруженной борьбой за свободу.

Вступление Англии в войну принесло народу Ирландии голод и нищету. Оно принесло многим ирландским сыновьям смерть, хотя вначале англичане и не проводили прямой мобилизации населения Ирландии. В английскую армию принимались добровольцы, и немало ирландских юношей, гонимых голодом и растущей эксплуатацией в стране, шли добровольцами (их стало еще больше после того, как английское правительство вскоре после начала войны запретило ирландцам эмигрировать в Америку — единственный тогда способ для многих семей избежать голодной смерти).

В конце 1915 года Великобритания намеревалась ввести в Ирландии всеобщую воинскую повинность — обязать ирландских мужчин умирать на полях Европы во имя своих поработителей. Эта и другие меры английского правительства убедили в необходимости борьбы даже тех ирландских деятелей, которые до сих пор еще надеялись на мирный путь. Принятию решения о всеобщем восстании способствовали левые во главе с Коннолли, в штаб-квартире которого (в Доме профсоюзов) висел лозунг, вызывавший ярость у английских властей: «Мы служим не английской королеве и не немецкому кайзеру, а Ирландии».

После разгрома вооруженного восстания 1916 года. Здание главного почтамта в Дублине. В обстреле города приняли участие английские морские суда.

19 января на совместной конференции «Гражданской армии» и «Ирландских волонтеров» Коннолли был введен в число военных руководителей. Вооруженное восстание было назначено на 24 апреля 1916 года.

В 11 часов утра в этот день одна из частей волонтеров попыталась атаковать дублинский дворец, где находилась английская администрация. Атака была отбита, но выстрелы перед дворцом послужили сигналом к всеобщему восстанию. Вскоре после этого отряд, руководимый Коннолли, занял главный почтамт в центре города, в то время как другие группы занимали здания, расположенные вокруг. Потом Пирс со ступеней здания главного почтамта зачитал обращение к ирландскому народу, где Ирландия объявлялась независимой республикой, свободным суверенным государством.

Это обращение было подписано «Временным правительством республики» — семью руководителями национально-освободительного движения; среди них были Пирс и Коннолли. К вечеру понедельника число восставших достигло 1 500 человек — главным образом горожан и рабочих с прилегающих фабрик. Они рассчитывали на то, что англичане перед лицом свершившегося факта начнут переговоры, и тогда по сигналу поднялась бы вся страна. Коннолли и другие руководители полагали, что Англия не пойдет на подавление восстания и не откроет военные действия против гражданского населения. Но пушки начали обстреливать Дублин. Английские войска вели бои в городе, шла кровавая борьба за каждую улицу, за каждый дом.

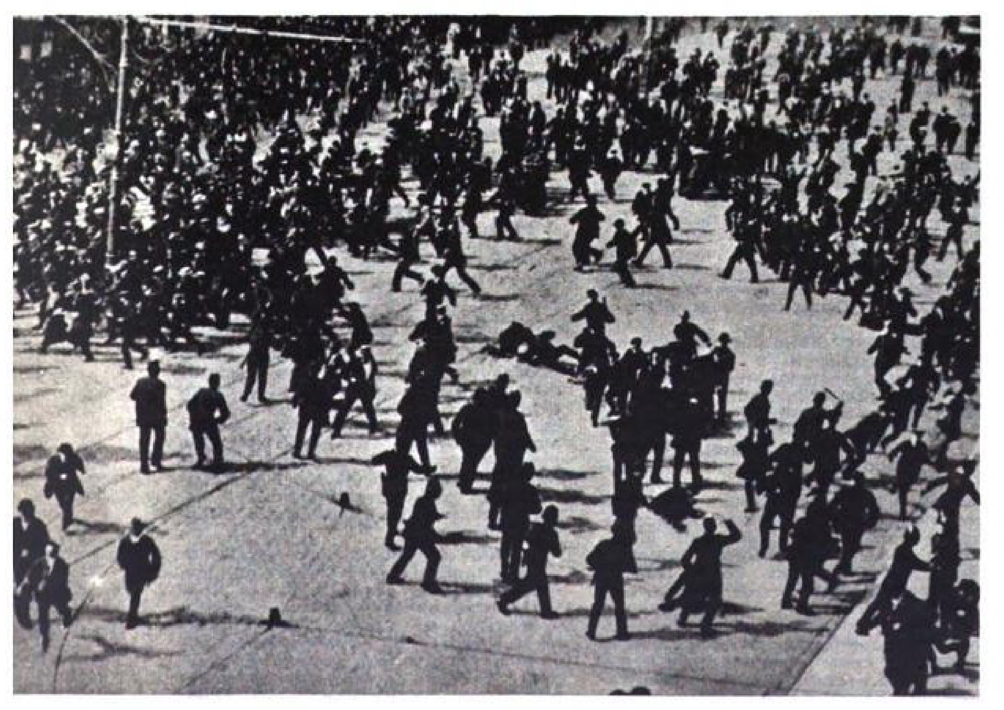
В своей последней речи, обращенной к ирландскому народу, Пирс говорил: «Солдаты, боровшиеся за ирландскую свободу, вписали героическую страницу в историю Ирландии. Они боролись в течение четырех дней почти без отдыха, без сна, а во время передышек между боями пели песни о свободной Ирландии».

Восстание было подавлено. За этим последовала месть победителей.

Ленин назвал это восстание героическим. Он писал: «Кто называет *такое* восстание путчем, тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию как живое явление».

Восстание «Красной пасхи» взбудоражило всю Ирландию. Борьба с перерывами продолжалась до 1922 года, когда Англия после своего 700-летнего владычества вынуждена была уйти из Ирландии. На карте появилось свободное государство, а позднее Республика Ирландия.

Стачка транспортников Дублина в 1913 году. Полиция разгоняет демонстрантов. Есть убитые и раненые.

Юсеф аль-СИБАИ

В Сиди аль-Хабиби

Народ все прибывал. Покупатели столпились перед дверью лавки «аль-Каин», что находится на улице аль-Садд аль-Баррани, в районе Сиди аль-Хабиби. Они толкали друг друга локтями, плечами, поднимая вверх руки с зажатыми в них пиастрами, требуя товар:

— На три пиастра мелочи, дядя Абду...

— На десять пиастров окуня, два куска разной и пряностей!

— Клянусь аллахом, дядя Абду, я уже два часа жду... Салака есть?

— Два куска угря, дядя Абду... Шевелись живее, дядя Абду... Ты что толкаешься, сестра?

Перед всей этой толпой за стеклом стоит дядя Абду. Его тело в постоянном движении, как автомат. Его пальцы ловко выхватывают куски жареной рыбы с желтых медных подносов, покрытых зелеными стеблями гиргира и бакдуниса [1], быстро бросают их в заранее приготовленные картонные коробочки, добавляя маленькие кулечки пряностей. Затем он высоко протягивает руку с коробкой:

— Пять окуня!

В ответ тянется рука, и чей-то голос объявляет:

— Сюда окунь!

Покупатель уплачивает пять пиастров и получает коробку с рыбой. Дядя Абду бросает монеты в стоящий сбоку ящичек и вновь повторяет операцию упаковки. Черты лица его проникнуты серьезностью. Тяжелые брови, подобно парашюту, ниспадающие на веки, сблизились, собрав строгие морщины; кончики усов поднялись вверх так, что сомкнулись с бровями, образуя волосяной прямоугольник, в глубине которого виднеются глаза. На голове у него белый колпак с шелковой ленточкой. Эта огромная голова с тяжелыми бровями и закрученными усами совсем не соответствует тщедушному туловищу дяди Абду.

Время от времени он поворачивается к двери, ведущей внутрь лавки, чтобы угрожающе крикнуть:

— Кончай скорей, Заки! Подносы почти пусты. Шевелись, парень, пока я тебе не задал трепки!

Оставим дядю Абду и покупателей с их шумом и криками и заглянем во внутреннее помещение лавки. Здесь слышен шум другого рода — гудение газовой плиты и шипение жарящейся в масле рыбы. И то и другое, однако, заглушается пением подмастерья Заки. Изнутри лавка не радует взора. Потолок и стены покрыты таким слоем сажи, что нельзя определить их естественный цвет. Раковина с краном; в одном из углов отверстие для стока воды; скользкий, сырой пол, покрытый плавниками, рыбьими внутренностями, жабрами. Воздух здесь пропитан смешанным запахом жира, чеснока, тмина и жареного.

В центре этой изумительной картины перед плитой со сковородками стоит Заки. Рядом с ним таз, наполненный кусками свежей рыбы. В руке у Заки железный прут, с помощью которого он переворачивает рыбу на сковородке, весело напевая вполголоса:

— Ты поднялся над крышами, и у тебя украли одежду, о Абду... Нет, клянусь пророком, о Абду!..[2]

Тут снова слышится звенящий окрик дяди Абду, который топорщит усы и восклицает:

— Поворачивайся живей, парень, не то, клянусь тем, кто создал пророка [3], разрежу тебя на куски и зажарю на сковороде, что стоит перед тобой...

Заки бормочет о том, что он имеет в виду другого Абду, затем покорно замолкает.

Удивительно, что угрозы дяди Абду так сильно действуют на Заки. Ибо сама по

---

[1] Зелень, употребляемая в качестве приправы.
[2] Перефразировка египетской песни.
[3] То есть аллахом.

Юсеф аль-Сибаи (родился в 1917 г.)—известный египетский прозаик. Наиболее популярен его роман «Водонос умер», в котором автор рассказывает о жизни простых людей Каира.

Юсеф аль-Сибаи является генеральным секретарем Высшего совета по делам литературы и искусства ОАР и генеральным секретарем Постоянного секретариата Организации солидарности народов Азии и Африки.

Рассказ

себе угроза разрезать на куски и зажарить на сковородке просто смешна. Из этого Заки, которого дядя Абду называет не иначе, как «парнем», можно было бы сделать четырех Абду. Широкоплечий, с упругими мускулами, большеголовый, с могучей растительностью на груди и руках, с крупными чертами лица, Заки являл собою как бы увеличенную копию человека, похожего на сказочные создания из книжки о Гулливере.

Будучи щедрой в сотворении тела Заки, природа поскупилась при создании его мозга, если она вообще не забыла о нем. Это—самое глупое создание аллаха, и с самого рождения Заки не называли иначе, как «осленком». Это прозвище стало его вторым именем, а имя его отца постепенно забылось. Он вырос в лавке дяди Абду, который приютил его и стал поручать ему всякую мелкую работу, предоставляя ему взамен пищу и ночлег. Кроме лавки и Сиди аль-Хабиби, Заки не знал ничего. Он почти не расставался с этими двумя местами и был более общительным с рыбой, нежели с людьми.

Между ними — Заки и рыбой — установилась особого рода дружба, симпатия и доверие. Людей же Заки чуждался. Он смотрел на них, столпившихся за стеклом, восклицавших и хватавших пакеты с рыбой, как смотрит человек на диких зверей. Когда у него бывала свободная минутка и он садился, чтобы поразмыслить,— если, конечно, допустить, что в его голове имелось что-то, чем можно было думать,— его более всего огорчало, что аллах создал его человеком, а не рыбой. На что нужно ему это огромное тело, большая голова, покрытая густыми волосами, и длинные конечности? Разве можно сравнить его большой рот с маленьким ртом рыбы? Разве можно сравнить его ноги с красивым, прямым рыбьим хвостом, а его руки — с тонкими, острыми плавниками рыбы?

Он с отвращением и испугом смотрел из-за стекла на толпы людей. Его огорчало то, что бедная рыба ничего не могла сделать и покорно и униженно сдавалась ножу и сковородке, чтобы эти двуногие звери с аппетитом пожирали ее.

Так и оставался Заки «осленком» в своей замкнутости и нелюбви к людям внутри лавки и среди рыб... И вдруг однажды среди сборища человекообразных зверей-покупателей, столпившихся за стеклом, он увидел ее. Голова его закружилась, и он зашатался, как пьяный. Кто это? Суния Авия, и никто иная! Кто, кроме нее, может сотворить с ним такое?

Впервые он увидел ее, когда из толпы раздался ее голос, требуя на пять пиастров окуня. Для него ее голос, наполненный какой-то странной сладостью, прозвучал совсем по-иному, чем голоса других... Он оглянулся, чтобы увидеть ее лицо, и уставился на нее в замешательстве.

Окунь? На что ей окунь? Она сама, с ее полными руками и округлыми плечами, как белая рыбка.

Девушка вновь позвала дядю Абду, но, не получив ответа, начала расчищать себе путь среди сжатых тел и таким образом добралась до двери лавки и протиснулась внутрь.

Боже милостивый! Что это? Аллах с таким мастерством не создавал еще человеческого существа. Это круглое лицо, розовые щеки, похожие на спелые помидоры!.. Косынка, закрывшая одну бровь... Маленькие розочки, сыплющиеся с нее на волосы... А плечи!.. Да защитит вас аллах! Черная миляя [1] соскользнула с них, открыв прозрачную блузу... Нежные, белые плечи, полные руки и грудь, восставшая против своего прикрытия, стремящаяся во что бы то ни стало освободиться от него и вырваться на волю...

Он услышал ее сердитый, возмущенный окрик:

— Что же это, дядя Абду? Полчаса зову, срывая голос, и никто мне не отвечает! Дай мне окуня на пять пиастров!

Однако дядя Абду ей не ответил, а закричал Заки:

— Кончай скорее, парень! Живей, Заки, поднос уже пустой!

И вновь раздались восклицания девушки:

— О аллах! Клянусь пророком, о Заки, брат мой, кончай скорее, прошу тебя!

От этих слов теплая волна разлилась по телу Заки. «О Заки, брат мой!»

Впервые к нему обратились подобным образом, и кто? Эта прекрасная, чарующая волшебница! Отвернувшись в смущении, Заки мгновенно погрузился в работу.

Вечер прошел благополучно. Окончив работу, Заки присел, мечтая о девушке.

Прошло два дня, в течение которых Заки внимательно вглядывался в посетителей, ища и не находя ее следа среди них... Она пришла на третий вечер и после этого продолжала приходить каждый день, чтобы купить рыбы и обменяться с Заки общепринятыми, но чарующими приветствиями.

Так любовь вонзила свои клыки в сердце Заки-осленка. В неопытное сердце, не знавшее до сих пор, что такое любовь, и даже не замечавшее ранее женщин...

Заки был вполне удовлетворен этими случайными приветствиями и тем, что он имел возможность видеть ее каждый вечер, когда она приходила за рыбой.

Но однажды, зайдя в соседнюю лавку Сиди аль-Хадари за пучком бакдуниса, он вдруг услышал стук кабкабов [2] по тротуару, приближавшийся, словно ритмичная музыка, и затем волшебный голос, обращенный к нему:

— Добрый день, си Заки! [3].

Он обернулся и увидел ее во плоти и крови! Она жевала резинку и аппетитно причмокивала языком.

От неожиданности Заки охватило сильное смущение. Его, как говорится, пронзила стрела аллаха, и он не мог произнести ни слова.

Между тем волшебница продолжала:

— Ну и ну! Что же ты молчишь, парень? Добрый день, си Заки!

Наконец аллах ниспослал ему дар речи, и он ответил хриплым голосом:

— День добрый!

Тут хозяин лавки аль-Хадари начал прихлопывать в ладоши, молодецки играя бровями и припевая:

— О девушка Сона, до чего прекрасны твои ножки!

Пораженный такой непристойностью, Заки осуждающе посмотрел на Хадари, затем с удивлением спросил его:

— Сона? Ее зовут Сона?

— Вот те на! А ты не знал? Это ж Сона, девушка, что твой миндаль! Работает в доме аики [4] Закии.

— Как работает?

— Как работает? Не инспектором, конечно, и не проповедником. Работает девкой, дурень.

— А что это такое?

— Э, да ты совсем балда! Неужели ни разу не был в доме Закии? Посмотрите на этого невежду! Хочешь пойти со мной сегодня вечером?

— Пойти к Соне?

— Да, к Соне,— подтвердил Сайид.— А что, боишься? Гони бурейзу! [5].

Заки с сожалением покачал головой. Сайид вновь принялся уговаривать его:

— Что, нет бурейзы? Ну и не надо. Приглашаю за мой счет. Жди меня здесь после работы...

Остаток дня Заки провел в полной растерянности, ничего не замечая вокруг себя. Наступил назначенный час. Дядя Абду ушел домой, и Заки закрыл лавку. Однако вместо того, чтобы отправиться домой спать, он надел гильбаб [6] и вышел на улицу. Сердце его начало учащенно биться. Наконец подошел Сайид, и они молча дошли до улицы Селима, затем пересекли улицу Зейн аль-Абдин и после этого свернули направо в мрачную улочку, где Сайид начал то и дело сворачивать направо и налево, а Заки покорно следовал за ним, совершенно утонув в мыслях о Соне. Она стояла перед его глазами. Черное покрывало спало с нее, оставив ее тело в прозрачной рубахе, которая подчеркивает ее прелести... Затем его воображение еще больше разыгралось, снимая с нее тонкие одежды, и она предстала перед ним обнаженная, или, как говорят люди, в том образе, в каком ее создал аллах.

Не успев углубиться дальше, Заки очнулся от столкновения со своим спутником, который неожиданно остановился перед небольшой деревянной дверью. Заки охватило сильное смущение, и он со страхом спросил:

— Уже пришли? Это и есть дом аики Закии?

— Да нет еще, глупый.

Сайид несколько раз постучал в дверь. Не унимаясь, Заки с удивлением спросил снова:

— Что мы здесь будем делать?

— Расслабимся малость, осленок. Следуй за мной.

В этот момент дверь медленно отворилась, и из-за нее показалось чье-то лицо.

— Добро пожаловать, Сайид... Кто это с тобой?

— Заки-осленок, подмастерье дяди Абду.

Сайид вошел в дверь, и Заки ничего не оставалось делать, как последовать, силясь понять, что же означает слово «расслабиться». Они шли по темному подвалу, в конце которого виднелся бледный свет, исходивший, видимо, от стеклянной лампы... Заки почувствовал странный запах. Он услышал, как Сайид громко произнес «салям алейкум». Несколько голосов ответили вразнобой: «Алейкум салям ва рахматулла!» [7].

Заки обвел глазами помещение, которое оказалось небольшой комнатой, где несколько мужчин сидели полукругом на полу так, что спины их касались сырых стен.

Сайид занял свое место в кругу и, дернув Заки за рукав, усадил его рядом с собою. Человек, сидевший в центре полукруга, хрипло крикнул, обращаясь к кому-то в глубине комнаты:

— Эй, парень, пора начинать!

Из соседней комнаты появился парень, неся в руках небольшой кальян, ничем почти не отличавшийся от того, который Заки видел однажды в соседней кофейне, только этот был меньших размеров. Кальян пошел по кругу. Каждый из сидевших делал глубокую затяжку и передавал его соседу, пока он не дошел до Сайида, который, в свою очередь, передал его Заки. Какое-то мгновение Заки держал кальян в руках, пока Сайид не толкнул его локтем, сердито прошептав:

— Сделай затяжку, дурень. Э, да ты совсем новичок!

Заки взял в рот мундштук и затянулся так глубоко, что сидевший рядом с ним не выдержал и воскликнул:

— Полегче, парень, полегче! Достаточно!

Заки передал мундштук соседу и стал смот-

---

[1] Верхняя женская одежда, накидка.

[2] Деревянные башмаки.

[3] Господин Заки.

[4] Хозяйка, содержательница публичного дома.

[5] Монета в 10 пиастров.

[6] Верхнее одеяние, рубаха.

[7] «Мир вам и милосердие аллаха!» — традиционный ответ на приветствие.

реть, как кальян обходит круг, пока вновь не подошла его очередь. После второй затяжки он почувствовал, что дышать стало труднее, словно какая-то тяжесть придавила его грудь. Однако постепенно это ощущение прошло, и ему стало казаться, что его тело быстро теряет свой вес и становится легче, как будто он вот-вот полетит по воздуху. Он почувствовал, как его руки превратились в крылья. Заки посмотрел на присутствовавших и увидел, как их очертания постепенно растворяются в воздухе, пока наконец не исчезли совсем.

Вдруг он повернулся и неожиданно увидел, что комната наполнена голубым дымом. Издалека до его слуха доносились нежные мелодии, сквозь которые он различил голос Сунии, зовущей его:

— Добрый день, си Заки!

Он почувствовал приятную прохладу, голубой дым все сильнее сгущался вокруг него. Наконец ему показалось, что он окутан густым туманом, превращающимся в капельки воды, которая постепенно окружила его со всех сторон. Его ноги не нашли опоры в этой воде, но, что еще более удивительно, он увидел, что у него и ног-то совсем нет, а вместо них хвост, как у самой настоящей рыбы!

Чудо! Как это могло случиться? Заки стал рыбой, и аллах тому свидетель! Вот хвост, а вот плавники. Он совсем свободно может дышать в воде, он может плавать, как он хочет! Хвала аллаху! Осуществилась его заветная мечта. Наконец-то он навсегда покинул тех человеко-зверей и вошел в мир рыб. Радуйтесь, рыбы! Заки, ваш король, отомстит за вас людям!

И начал Заки-сом (ибо он нашел себя похожим именно на сома) перемещаться в своем новом мире до тех пор, пока после долгого плавания он не почувствовал голод. Удивительное дело! Неужели у них в этом мире нет ничего съедобного, хотя бы кусочка сыра?!

В этот момент он увидел в воде кусочек какой-то пищи, устремился к нему, изо всех сил работая плавниками и хвостом, и, раскрыв рот, проглотил его.

Вот тут-то и произошла катастрофа! Ну и глупый же он осел! Что-то острое прокололо его рот и дошло до уха... Как с такой легкостью он смог попасться на наживку! Несколько минут всего проплавал в воде, и вот на тебе, его поймал человек! Так просто и глупо попасться...

Он попытался освободиться от крючка, однако почувствовал, как какая-то сила быстро тащит его кверху, и в мгновение ока он уже оказался над водой. С силой он стал бить хвостом, пытаясь спастись бегством... Затем он повернул голову в отчаянии, и его взгляд упал на жестокого, преступного злодея-рыболова. Но кто это?! Она! Сона... Кто бы мог поверить, что именно она вытащит его из любимой среды! Он почувствовал, как вода давит на него, заставляя его терять сознание...

А тем временем женщина переворачивает его в руках, берет нож, отрезает его плавники, хвост, затем хватает его за жабры, а он молит ее о пощаде, призывая на помощь милосердие аллаха. Он услышал звук зажигаемой керосинки и шипение масла, и что-то похожее на вертел прокололо его бок. Заки попытался высвободиться, однако это «что-то» продолжало прокалывать его, и тут он услышал голос, кричащий ему:

— Вставай, пора идти!

Он с трудом поднял отяжелевшие веки и увидел Сайида, толкающего его локтем в бок и говорящего ему настойчиво:

— Очнись же, парень. Курильня закрывается, пошли!

Заки глухо спросил:

— Куда?

— К Закии-анке, посмотришь Сону.

Но Заки в ужасе вскрикнул:

— Сону? Ни за что! Хватит того, что ты со мной сделал. Заклинаю тебя аллахом, проводи меня в лавку!

И Сайид довел его назад до лавки. После этого Заки, едва завидев Сону, чувствовал, как дрожь пробегала по его телу...

Так окончилось его первое и последнее приключение.

Перевел с арабского
В. Сухин.

КРЫЛЬЯ НАД ВОЛГОЙ

Вл. ПАВЛОВ

Снова строительство моста — родная для меня стихия.

Снова лязг монтажных кранов, рев бульдозеров, тугой звон натянутых тросов.

И друзья. Товарищи мои, мостовики — лица, прокаленные ветром и солнцем, белые лучики морщин вокруг вечно прищуренных глаз, выгоревшие волосы из-под кепок и беретов.

На этот раз — Ярославль...

— Левый, левый!.. Что там левый?

— Левый берег слушает.

— Кто?

— Воробьев.

— Владимир Васильевич! Как блок?

— Потянули на девятую...

Начальник монтажного участка мостоотряда номер шесть Воробьев натягивает берет, торопливо выходит из прорабской и сбегает к причалу, у которого постукивает мотором буксирный катер.

Коммунист Воробьев еще очень молод. В пятьдесят восьмом он получил диплом инженера. Но опыт уже есть — мост в Саратове, мост в Рыбинске и теперь здесь, в Ярославле. Три волжских моста. Это немало. А столь необходимые монтажнику ловкость, глазомер, быстроту выработал спорт. Над бровью Воробьева я замечаю чуть приметный шрам. Бокс? Так и есть — первый разряд.

Одним словом, Владимиру Воробьеву недаром поручили главный фронт стройки — монтаж...

Монтаж! Как-никак — Волга... Ширина — почти километр. Течение — вон как вода взбугрилась у опор, закручивает водовороты у понтонов, раскачивает их, гулко бьет один о другой. И всю эту ширину и это бешеное течение перекрывает Воробьев со своими монтажниками.

Мост в заключительной стадии строительства. Шаг за шагом растут пролетные строения. Блок — шаг. Еще один блок — еще шаг.

Кажется, опоры постепенно расправляют крылья, тянут их навстречу друг другу. Как соединятся — встанет на Волге еще один мост.

В недавнем прошлом, чтобы смонтировать такие пролеты, приходилось перегораживать подмостями чуть не всю реку. Даже бывалые капитаны, проходя под строящимся мостом, отдавали приказ сбавить ход и, отстранив рулевого, самолично брались за штурвал. А когда мост оставался позади, вытирали со лба холодный пот. И уж, конечно, отпускали по адресу мостовиков немало разных нелестных словечек.

Теперь под мостом пусто. Монтажники собирают пролетные строения «в навес». Навесная уравновешенная сборка — это не просто труд. Это вдохновенное искусство, дающееся не каждому. А как иначе назвать умение поднять огромный, полый внутри железобетонный блок на тридцатиметровую высоту, подвести его, упирающегося, неуступчивого, к нужному месту, да так, чтоб тютелька в тютельку совпали отверстия монтажных болтов? Чуть промахнись — блок взбесится. Рванет. Разметает. Рухнет вниз, к черту, в бездну...

Нет, этому никогда не бывать. Железобетонный мамонт тих и покорен монтажникам. Чуть подрагивая на стропах, послушно приближается он к своему ранее поставленному коллеге и мягко касается его торца.

Монтажники — на девятой опоре блоки ставит бригада Евгения Ставицкого, на седьмой — Юрия Лазарева — работают, как хорошо сыгранный ансамбль: споро и точно. Кажется, никто и не думает, что под ногами пропасть, — делают свое дело, будто вешают люстру в малометражной квартире. Только в том и сказывается напряжение, что все молчат. Лишнее слово на высоте — один вред. Разве бригадир, начальник участка или его ближайший помощник мастер Михаил Дрянин обронят короткую фразу или сделают лаконичный жест. И все.

А я с трудом сдерживаюсь: не показать бы, что у меня чуток кружится голова, когда смотрю с краю, как бежит внизу под ногами, на невероятной глубине волжская вода...

Перед тем как закрепить блоки, их торцы смазывают черным, густым, как мед, эпоксидным клеем.

Из-за этого-то клея Ярославский мост получил такую широкую известность. В газетах проскользнули сенсационные заметки о «склеенном мосте».

Что ж, ничего не скажешь: клеевой шов, предложенный сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института транспортного строительства Ю. Л. Мельниковым и Л. В. Захаровым, — действительно замечательная вещь. Он намного ускоряет и облегчает труд мостовиков, повышает прочность и надежность сооружения и дает по сравнению с заделкой стыков цементным раствором значительную экономию. На таком мосту, как Ярославский, это составит несколько десятков, а может, и сотен тысяч.

Однако мост не стол и не комод. Никакой клей, как бы хорош он ни был, не выдержит тяжестей, которые полагается выдерживать мосту.

И главная его несущая конструкция, конечно, не клей, а толстые, в руку, стальные тросы, которые пропускаются через каждую пару блоков. Мощными домкратами тросы натягиваются, и их концы закрепляются специальными анкерами в бетоне. Эти-то тросы, натянутые силой более ста тонн каждый, и объединяют блоки, нанизанные на них, как куски шашлыка, в единое пролетное строение. Во время натяжки клей выдавливается из щели между блоками тонким и ровным, как шнур, валиком и наглухо закрывает влаге доступ к тросам, предохраняя их от ржавчины. Собственно, клей и служит-то главным образом для этого. И, конечно, служит куда лучше, чем цементный раствор.

Почти каждый день монтажники ставят один-два блока в пролет, и каждый день крылья опор все приближаются и приближаются друг к другу.

Блок — шаг. Еще блок — еще шаг...

Но пока шаги сделаны далеко не все и моста нет. Пока над рекой вытянулась прерывистая пунктирная полоса.

Самая большая черточка этого железобетонного пунктира упирается в левый берег. Левобережная часть моста уже почти готова. По ней даже ходит самосвал — первая автомашина на мосту. Правда, этот самосвал попал на мост не своим ходом — его туда подняли краном: подходы еще не отсыпаны.

Но секретарь Заволжского райкома партии Вячеслав Александрович Раков, вместе с которым я приехал на левый берег, смотрит на самосвал с завистью.

— Когда ж машины наконец насквозь пойдут! — вздыхает он.

Я понимаю Вячеслава Александровича. Можно сказать, от моста зависит все будущее Заволжского района Ярославля. В этом районе почти не увидишь ни крупных, многоэтажных домов, ни промышленных предприятий. Старые, деревянные домишки с голубятнями, мельница, несколько маломощных заводиков — и все. Словом, район сохранился почти в первозданном, дореволюционном виде. Сохранился будто для сравнения с правобережным Ярославлем — с его крупнейшими современными предприятиями химической, нефтеперерабатывающей, машиностроительной промышленности, с новыми кварталами домов, новыми кинотеатрами, новыми парками и скверами, новыми улицами, по которым, сверкая лаком, мчатся троллейбусы и трамваи. И все это уже могло бы быть и непременно было бы и в Заволжском районе, если б действовал мост... Но моста до сих пор не строили, хоть город в нем очень нуждался. Ведь паромная переправа при всем желании не может справиться с огромным потоком людей и грузов, необходимых для развития района. К тому же переправа зимой не работает, а лед на Волге у Ярославля слишком тонок, чтобы проложить по нему зимник.

Теперь сооружение моста подходит к концу, и секретарь райкома, который бывает на стройке почти каждый день и знает в лицо чуть не каждого монтажника, полон строительных планов.

— Смотрите, — говорит он, подводя меня к самому краю моста. — Вон там будет завод. Там, под лесом, новые кварталы. Тут улица... Набережную построим! Точно. Был бы мост!..

Над Волгой опускается вечер. Но стройка не затихает. Вспыхивают по обоим берегам синие звезды сварки. Осыпают в черную воду каскады светлячков. Нестерпимым светом сияют тысячесвечовые лампы светильников. Плывет окрест слитный гул — лязг кранов, рев бульдозеров, звон туго, в струны натянутых тросов.

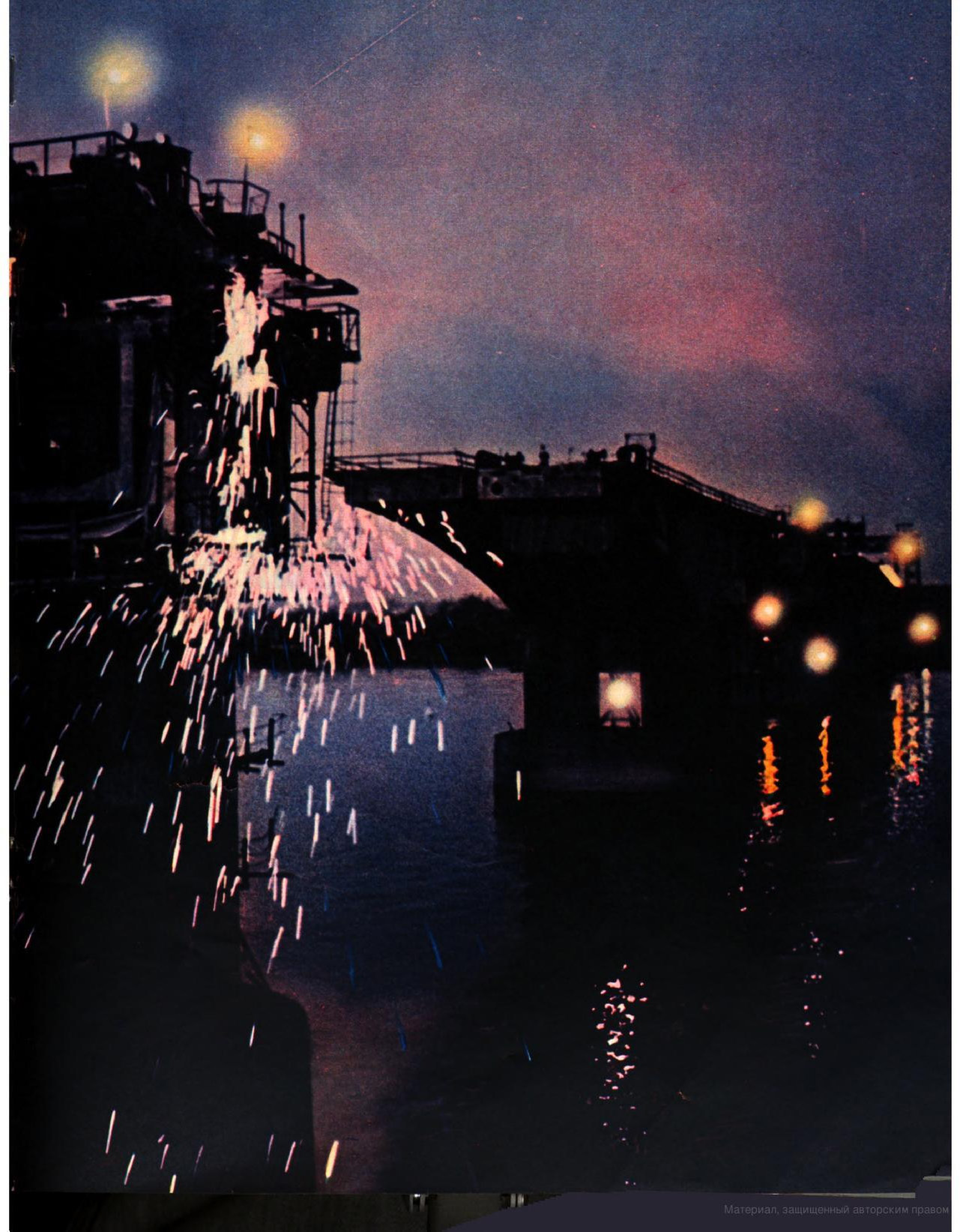
Этот свет, и гул, и синие звезды сварки, может быть, и ничего не говорят неискушенному человеку. А для меня — пусть в прошлом, но все-таки мостовика — это пароль. Пароль мостовиков. Он означает: скорей, скорей! Мост нужен людям...

Валя Власова, ученица Ярославского профтехучилища, скоро станет заправским маляром.

На развороте вкладки: Строительство моста через Волгу в Ярославле.

Фото М. Савина.

Спортивное лето...

Фото А. Бочинина.

ЕСЛИ СЛУЧИТСЯ БЕДА...

А. КУЗНЕЦОВ,
мастер спорта

На отвесной стене высотой в три-четыре десятиэтажных дома висит на тонком тросе человек. Стальной трос тоньше карандаша, снизу его не видно. В бинокль можно рассмотреть, что человек движется по скальной стене с большой ношей, большей, чем он сам. Словно паучок, спускается он прямо вниз, потом останавливается, движется в сторону, поднимается по своей паутинке вверх и опять стремительно опускается. И вот уже можно различить на нем ковбойку в крупную клетку, гольфы, каску, предохраняющую голову от удара камней. Ноша его — носилки, на которых лежит в спальном мешке другой человек. У подножия стены, когда носилки касаются земли, человек поднимает руку, резкий взмах флажка — и раздаются аплодисменты. Финиш...

Ветер уносит крики болельщиков, азартно треплет уходящие прямо в поднебесье спортивные знамена. Стадионом здесь служит горное ущелье, трибунами — скалы и каменистые осыпи. Эти трибуны заполнены, как на хорошем футбольном матче. Тут и альпинисты из самых разных уголков страны, и туристы с окрестных баз, и просто жители курортного селения Теберда, пришедшие посмотреть на необычное зрелище: соревнуются горноспасательные отряды.

Альпинизмом в нашей стране занимаются ежегодно тысячи людей. Однако многие имеют об этом виде спорта весьма отдаленное представление, достаточное лишь для того, чтобы не спутать альпинизм с туризмом. Далеко не все знают, насколько выросло за последние годы мастерство наших альпинистов. Ведь теперь проходятся стены, о которых лет десять назад никто из нас не мог и мечтать. На Кавказе, Тянь-Шане, Памире, Алтае совершены восхождения на вершины по отвесным стенам высотой в тысячу и более метров.

Что такое тысяча метров? Это четыре Московских университета на Ленинских горах, поставленные один на другой. Стены эти могут быть не только отвесными, но и «отрицательными», то есть местами нависания и крутизна превышают 90 градусов. Кроме того, северные стены вершин обычно бывают покрыты льдом. Если вспомнить еще о том, что восхождения эти происходят на высоте в четыре, пять и шесть тысяч метров над уровнем моря, при недостатке кислорода и пониженной температуре, станет ясно, какого напряжения сил, какой высокой техники и какого самообладания требуют от альпиниста современные рекордные восхождения.

О росте мастерства советских спортсменов говорит и такой факт: увеличивается сложность маршрутов, но не возрастает число несчастных случаев. Травмы и аварии в нашем альпинизме чрезвычайно редки. В одних только Альпах их бывает каждый год в десятки раз больше, чем во всех горных районах СССР, вместе взятых. Ведь вся наша техника альпинизма, все снаряжение, тактика, как и сама система подготовки альпинистов, основаны на безопасности. Именно это отличает наш высокогорный спорт от западного. И в этом основном различии мы могли не раз убедиться, совершая совместные восхождения с альпинистами многих стран.

Но в горах может быть всякое... Заболел, например, человек на восхождении, а если такое случилось, альпинисты попадают в весьма тяжелое положение. Как оказать первую медицинскую помощь на отвесной стене? Как транспортировать больного или пострадавшего товарища, чтобы не ухудшать его состояния? Как скорее доставить его в больницу? Ведь восхождение занимает несколько дней, а может длиться и недели. Жизнь же человека иногда решают часы. Как здесь быть?

В каждом нашем высокогорном районе существует горноспасательная служба, а каждый альпинистский лагерь имеет свой спасательный отряд. Этот спасательный отряд состоит из наиболее квалифицированных спортсменов-альпинистов, обычно из инструкторов альпинизма. Организован он на общественных началах: спасатели занимаются своей основной тренерской работой и только в случае необходимости оставляют ее на время для оказания помощи терпящим бедствие в горах. В отличие от горноспасательной службы на Западе помощь эта оказывается пострадавшим бесплатно, за счет профсоюзных средств.

Наши альпинисты под руководством мастера спорта Ф. Кропф разработали и создали специальное горноспасательное снаряжение. Основой его является стальной трос диаметром в 5 миллиметров. Длина такого троса обычно 120 метров, но его можно сращивать до необходимой длины специальными соединительными звеньями. В нашей практике уже бывали случаи, когда спуск пострадавшего осуществлялся на глубину 900 метров. Трос наматывается на катушки, установленные на удобном для переноски станке. К нему придаются зажимы, блок-тормоза, специальные носилки и другие приспособления. Такие комплекты спасательного тросового снаряжения, изготовленные одним из ленинградских заводов, получили теперь все альпинистские лагеря страны.

Но одного снаряжения мало, надо уметь с ним обращаться, правильно организовывать спасательные работы. С этой целью Всесоюзный совет ДСО профсоюзов, в ведении которого находятся альпинистские лагеря, решил проводить ежегодные первенства спасательных отрядов. На Западном Кавказе эти соревнования проходили уже в третий раз, и в их программу входили оказание первой медицинской помощи, спуск носилок с «пострадавшим» на 125-метровой стене, подъем и спуск в седле-носилках и проведение спасательных работ подручными средствами, то есть с помощью обычного альпинистского снаряжения.

Результаты определялись по времени и по технике. Надо было сделать все быстро, четко и соблюдая все правила безопасности. Замешкался, проиграл во времени, допустил ошибку — получай штрафные баллы. Каждое лишнее, заранее не обдуманное движение грозило в этих соревнованиях проигрышем, а нарушение правил безопасности — снятием с соревнований.

Условия были одинаковыми. Разве что жеребьевка поставила кого-то в более выгодное положение. Очень многое решала тактика. Поэтому на протяжении всех четырех дней соревнований команды держались кучкой вокруг своего капитана, шушукались и что-то все время записывали. По вечерам же запирались в своих комнатах и переставляли на полу спичечные коробки, разрабатывая тактику операции. У каждой команды были свои секреты, какое-нибудь свое приспособление, на которое она возлагала надежды.

О накале борьбы говорит такой эпизод. Судейской коллегией был выделен альпинист, которого все команды транспортировали по очереди как «пострадавшего». Напряжение было настолько велико, а внимание каждого члена команды так сосредоточено на выполнении своей, конкретной задачи, что никто не запомнил лица этого парня.

— Ох и здоровый же мужик нам попался! — сказал один из наших ребят, когда мы после финиша сели в изнеможении.

— Какой мужик? — не понял его сосед.

— Которого я тащил.

Рыжий широкоплечий парень расхохотался:

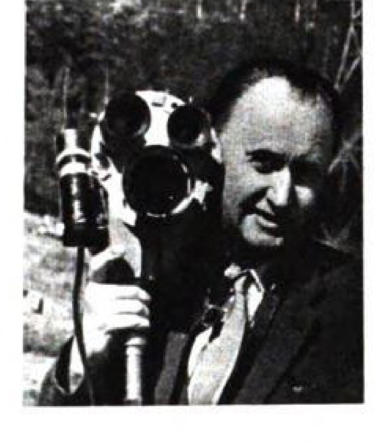
— Так ведь это я был! Я!

Спуск «пострадавшего» в рюкзаке-носилках.
Фото автора.

●

СНАЙПЕРСКАЯ НАВОДКА

М. Ошурков готов к съемке.

В шумном стрекоте киноаппарата проходит жизнь этого человека. Иногда он подсчитывает, сколько пленки было снято. Два года назад — миллион. Сегодня — уже миллион двести пятьдесят тысяч. Завтра... Завтра ему хочется, чтобы было два миллиона!.. И почти все эти миллионы метров посвящены спорту.

Заслуженный деятель искусств РСФСР Михаил Федорович Ошурков верен своей теме.

...1928 год. Первая проба сил оператора. Первая Спартакиада Страны Советов. Ошуркову удалось запечатлеть на пленку замечательные кадры. Они вызывают тем больший интерес, что все документальны. При киносъемке не скажешь: «Остановись, мгновенье...» В спортивной киносъемке это вообще невозможно.

Говорят, что репортеров вообще и кинорепортеров в частности кормят ноги. Несколько обидная пословица. И хотя действительно кинооператору надо подчас бегать со скоростью хорошего спринтера и обладать выносливостью марафонца, не в этом главное. Ошурков давно знает: главное — обостренное ощущение спорта.

Рассказывают, что чемпион мира Тигран Петросян каким-то особым чувством определяет приближающуюся опасность. Он еще не видит ее на доске. Она за горизонтом. Но он чувствует ее. Михаил Ошурков точно так же всем существом своим ощущает приближающийся острый момент в спортивной схватке. И он всегда на месте!

После первой пробы сил, оказавшейся удачной и определившей во многом дальнейший путь молодого кинооператора, было еще много интересных сюжетов, фильмов, съемок, непременным участником которых был Ошурков. Недавно он получил письмо от одного из тех моряков-подводников Северного флота, о которых снимал фильм в трудные годы войны. Ошурков не был посторонним человеком на подлодках, отправлявшихся на охоту за вражескими судами. Он жил с моряками одной жизнью. И это чувствуется в каждом кинокадре фильма «69-я параллель», который получил такое широкое признание.

А в мирное время и по сей день Михаил Ошурков сохраняет свой боевой задор. Фильмы о Спартакиадах народов СССР, об Олимпийских играх, на которых он неизменно присутствует с 1952 года,— главные его достижения.

Теперь Михаила Федоровича Ошуркова называют ветераном. 60 лет исполнилось. Старейшина. Глава киноспортивного клана! Но он не уступает своим молодым товарищам. Как и 40 лет назад, он всегда на боевой арене.

Светлана ПАЛЬМОВА,
Анатолий ЧАЙКОВСКИЙ

Кадр из кинофильма о Спартакиаде 1928 года.

СПОРТ • СПОРТ • СПОРТ

ВЕСНА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Весна тысячелетия пришла в Польшу с бурным цветением садов и парков. В пышный праздничный наряд одела она города и веси. На весеннем ветру полощутся красно-белые флаги республики.

Празднование знаменательной даты проходит торжественно и гордо. Гордо, потому что поляки больше всего любят свою родину и гордятся ею, как самым дорогим в жизни. По дорогам страны, которые, словно солнечные лучи, расходятся во все стороны от Варшавы, движется эстафета тысячелетия. На мотоциклах и автомобилях представители фабрик и заводов, молодежных организаций и Войска Польского везут из города в город рапорты побед, вымпелы трудовой славы. Трудящиеся Польши славно потрудились на вахте в честь тысячелетия. Флагман польской металлургии — комбинат Новая Гута имени В. И. Ленина, горняки индустриального Шленска, судостроители Гданьска, Щецина, Гдыни выдали много продукции сверх плана первого квартала 1966 года. Прекрасный подарок подготовили к тысячелетию польские строители — они построили на средства, собранные народом, тысячу школ для детей Польши.

Старт эстафете тысячелетия был дан в самой древней польской столице — Гнезно, ныне пятидесятитысячном городе Познаньского воеводства. Отдавая дань любви и уважения истории, жители города Познани, награжденного к тысячелетию орденом «Строитель Новой Польши», возложили венки к подножию памятника основателям Польского государства — Мешки I и Болеслава Храброго. Из Люблина в Гданьск и дальше в Щецин, Катовицы, Вроцлав, Быдгощ, Жешув, Кошалин движется эстафета тысячелетия — и всюду, где появляются ее участники, воцаряется веселье и радость. Массовыми народными гуляньями, концертами и фестивалями песни и танца сопровождает свой праздник польский народ.

Поляки не забывают и не забудут тех, кто отдал свою жизнь за победу. В эти дни много цветов на могилах советских и польских воинов. Их несут сюда взрослые и дети как знак благодарности.

Праздник тысячелетия — это встреча и с сегодняшним днем Польши, строящей социализм. Мне довелось присутствовать на заседаниях очередной, III сессии польского Сейма. Слушая речи избранников народа, я еще раз представил себе новую Польшу. Немногим более чем за 20 лет строительства социализма в корне изменился ее облик. Численность населения в этом году достигла 31,6 миллиона человек. Это почти столько, сколько жило в Польше до войны. Окрепла польская экономика. Широкое развитие получила энергетика, металлургия, машиностроение, химия, судостроение и другие отрасли промышленности. Из года в год растет добыча угля, серы и меди. Урожай четырех основных зерновых культур на полях республики в прошлом году составил в среднем 20 центнеров с гектара.

Новая Польша — это также 75 университетов и институтов, в которых обучается 230 тысяч студентов, в три раза больше, чем при буржуазном режиме, 30 тысяч начальных и средних школ с семью миллионами учащихся, это сотни театров, домов культуры и библиотек, широкая сеть кинематографов и 1 575 санаториев и домов отдыха в Татрах и на Мазурских озерах, где ежегодно отдыхает полмиллиона трудящихся.

Поднялась из руин Варшава. Возрождение польской столицы, светлого города на берегу Вислы,— это подвиг польского народа, который не померкнет в веках.

Социалистическая Польша идет по ленинскому пути и бережно хранит память о великом вожде трудящихся и своем большом друге В. И. Ленине. В Кракове, Поронине, Варшаве собраны многочисленные материалы о пребывании Ильича на польской земле. В дни празднования тысячелетия на экраны польских городов вышел фильм, созданный советскими и польскими кинематографистами, «Ленин в Польше». Новая встреча с Ильичем, на этот раз на экране, приносит полякам большую радость.

Свое второе тысячелетие Польша начала на пороге новой пятилетки, открывающей огромные перспективы для развития всех отраслей народного хозяйства. В древнем городе Плоцке после сооружения нефтепровода «Дружба» построен мощный нефтеперерабатывающий комбинат. Тысячелетний Плоцк после того, как пришла к нему волжская нефть, стал столицей Большой химии Польши.

— Наш комбинат,— не без гордости сказал мне секретарь Плоцкого комитета ПОРП, депутат Сейма Игорь Лопатинский,— один из крупнейших в Европе. Это — детище дружбы народов социалистических стран. Советский Союз, Венгрия, ГДР, Чехословакия — все вложили в его строительство свою лепту.

Великое содружество социалистических государств своей мощью гарантирует неприкосновенность священных границ народной Польши и умножает ее силы. Год назад был продлен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР. По этому договору с помощью советского народа на польской земле возникли сотни новых фабрик и заводов. Благодаря большим заказам советского морского и рыболовного флота Польша создала на Балтике свое отечественное судостроение. Только одна Гданьская судоверфь построила по заказам Советского Союза 315 океанских судов общей грузоподъемностью 1,5 миллиона тонн. К новому азотнотуковому комбинату в Пулавах подведен советский газопровод из Дашавы. В Польше сейчас нет такой отрасли промышленности, в которой бы не сотрудничали советские ученые, инженеры и рабочие.

В связи с тысячелетием в адрес ЦК ПОРП, польского правительства идет много писем и телеграмм. В них друзья новой, свободной Польши шлют польскому народу сердечные поздравления и пожелания новых успехов в строительстве социализма. И нам тоже хочется сказать: доброго пути тебе, Польша, в новом тысячелетии!

Дм. КОНЫЧЕВ,
собкор АПН

Варшава, май.

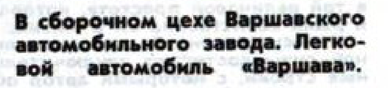
К древнему зданию ратуши города Вроцлава подступили новые жилые дома современной архитектуры.

Трубач на башне Марьяцкого костела в Кракове.

На митинге в Гнезно. Герои Грюнвальдской битвы олицетворяют силу польских воинов.

В сборочном цехе Варшавского автомобильного завода. Легковой автомобиль «Варшава».

Идет на праздник новое поколение Польши.

Популярный польский ансамбль песни «Филипинки». В дни праздника он выступал в городах Балтийского побережья Польши.

Стихи стучатся в сердце

В библиотечке журнала «Советский воин» только что вышла небольшая книжка стихов поэта Владимира Туркина «И не было чужих садов в России...». Автор вместил в нее много доброго, мужественного, вложил мысли и чувства, которые, несомненно, обогащают человека, делают его чище, сильнее.

В стихотворении «Яблоневый сад», строка из которого дала название этой книжке, Владимир Туркин рассказывает о далеком детстве под Пензой, где рос чей-то яблоневый сад. «Обходя с фланга» старого и нескорого сторожа Нилыча, ватага мальчишек несла «будущим невестам за пазухой запретные плоды...»

И вот минули годы, тяжкие, огненные годы войны. Поэт пишет: «И белый снег цветущих яблонь сада уже искрится на моих висках...» А может быть, это не цвет яблонь, а пепел сожженных врагом наших городов?! Как бы то ни было:

...Мы сколько верст в те годы
измесили,
Какие мы ни обошли края!..
И не было чужих садов в России,
Была Россия целиком своя.

Вот этим неистребимым чувством сыновней верности к родной земле согрет весь сборник Владимира Туркина, пронизано каждое стихотворение — от первой до последней строчки.

Стихи поэта стучатся в сердце. И в этом смысле великолепный заряд жизнеутверждения несет в себе помещенный в рецензируемой книжке большой отрывок из поэмы о Зое Космодемьянской «Человек».

О подвиге Зои написано немало, целые книги. И как, должно быть, трудно сказать о бессмертии девушки свое слово, такое, которое осветило бы образ Зои с еще не увиденной стороны, показало бы ее в той величавой простоте, которая и была свойственна ей в жизни.

Непосредственной эмоциональной силы достигают заключительные строки, с которыми автор обращается к Зое:

...Прости, что мы глухи порою,
Прости, что слепы мы подчас
К необъявившимся героям,
Живущим среди нас.
Прости, что мы к добру
инертны,
Как те духовники-попы,
Щедры мы в славе лишь
посмертной,
А в жизни все еще скупы...
А я хочу — и это выйдет! —
В мой начинающийся век
В тебе грядущее увидеть,
Живущий рядом человек!

Глубокими мыслями, душевными чувствами волнует читателя книга Владимира Туркина. К числу наиболее сильных надо отнести стихи: «Снег», «Во мне два ветра», «Партизанка», «Танк ФРГ», «Рядовым», «Алеша», «Когда к тебе в семнадцать лет...».

В стихотворении «Снег», сравнивая слабую снежинку со снежной глыбой, поэт приходит к афористическому выводу: «Не доверяй мгновеньям, пока они не спрессовались в век». И отсюда как логическое завершение — последняя строфа другого стихотворения, посвященного раздумьям о судьбе человека:

...Как секунда без века,
Как мгновенье без вечности,—
Так судьба человека
Без судьбы человечества.

Нельзя не согласиться с сердечными словами поэта Василия Федорова, с его искренним напутствием, с каким он пожелал счастливой дороги хорошей поэтической книге.

Михаил Андриасов

Владимир Туркин «И не было чужих садов в России...». Библиотечка журнала «Советский воин» № 7 за 1966 г.

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

ТРАГИЧ

EMPIRE STATE BUILDING

Стекло и алюминий
Стрелы́ прямей
Прянули вверх
И в облаках застряли.
Просыпается небоскреб,
Топорщится
И стягивает на себе ремень —
Городские магистрали.

Проснулся
Эмпайр стейт билдинг [1]
Как обычно —
От аритмичного гула
Подземки и улиц.
Мощный,
Великолепный,
Что сулит он:
Избавление или гибель
Людям,
Которые с ним
Не разминулись?

Никто не торопится
Эту дилемму решать.
Каждый — сам за себя.
Каждый — за стеною толстенной.
Хочется встать
Перед небоскребом
И вопрошать,
И вопрошать,
И вопросом
Вклиниться в стену.

Юный бородатый экзистенциалист
Девицам
комментирует случай:
«Думаете,
страшно
лететь
вниз?
Впрочем,
он об этом
проинформировал бы лучше...
Последний квант ощущений,
как подобает,
Он земле возвратил честно...»

О, как хочется крикнуть:
— Разве вы не понимаете?!
Разве сущность падения
вам неизвестна?
Но так уж часты,
что не осознаны
Ваши паденья
безвольные.
Здесь же был —
большой — один — серьезный
Скачок в безмолвие.
Улицами извиваясь в тиске,
Грузный город
от крыш
до подвалов
На шее,
как шлюха,
виснул,
Сулил все —
ничего не дал он.
Нацелилась в сердце
небоскребов держава,
Бродвей
удавом
поджидал спокойненько.
Америка не удержала.
Америка
столкнула его с подоконника.

СНЯТИЕ С КРЕСТА

1

Ничего не было:
Ни трагического жеста,
Ни взгляда,
взлетевшего высоко́.
Просто
на четырнадцатом этаже
Человек
вышел
в окно.
Соляными столбами
застыли прохожие.
Студенческое общежитие
свесилось с балкона.
Пожилая дама выдохнула:
— Боже мой! —
И самое себя
обняла влюбленно.
Не бойтесь, сударыня!
Вашему здоровью
Не причинит ущерба
происшествие это.
Наоборот,
Сегодня вам будет легче
придерживаться диеты.
Да ничего и не произошло —
всего-навсего
еще одного Христа
Жизнь
сняла
с креста.

2

Возношусь к тебе,
небожитель,
В толпе зевак,
будто в лифте.
Место казни нам покажите!
Осчастливьте!

И вот
открылась Голгофа.
Кровать заправленная стоит.
На столе — книга.
Автор — Эйнштейн.
Заголовок —
«The World as I see it» [2].

Эпилог

Увезено тело.
Вымыта улица.
Снова слышен
торопливый стук
по тротуару
Модных туфелек,
полуботинок.
Суживается лужица,
А в ней
небольшое солнце,
Еще не успевшее остынуть.

---

[1] Нью-йоркский небоскреб.

[2] «Мир, каким я вижу его».

ЕСКАЯ АМЕРИКА

БУРЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Антанасу Бимбе.

В полночь город оглох от грохота.
Кипящий океан
будто выплеснуло из котла.
И в глотку громадины-города
Рухнул Атлант.

Словно сказочные великаны,
купались небоскребы,
Полотенцами молний
вытирались тщательно.
Нью-Йорк поплыл,
необъятный и скорбный.
И некуда было причалить.

Люди!
Вспыхните,
как маяки,
над просторами,
Чтобы ваши лучащиеся руки
Найти друг друга смогли
И стали
стальными тросами,
которыми
Притягивают к пирсу корабли.

Разверзлось небо,
и город опять ослеп и оглох.
Но людьми,
будто небоскребами,
Он в будущее
Стремит себя все смелей.
В бедном квартале Нью-Йорка
Из ночи вынырнул огонек,
Словно сигнальный буй
На пути к новой земле.

ЦВЕТНАЯ БАЛЛАДА

Америка кипит красками,
Как палитра импрессиониста.
Мазками,
Брошенными наскоро,
Рябит,
Мельтешит,
Искрится.

В груди материка
Проглядывает
Не сердце —
Гноящаяся рана.
Борются два цвета —
Белый и черный.
Два проклятия.
Два ветерана.

Сходятся снова и снова.
Грифели черкают.
Рявкают псы,
дрессированные
На черное.

Большого Справедливого Билла
Рисует мальчонка аспидный.
Две краски
На это убил он.
Остальные
Пока в безопасности.

Исчерканный лист бумаги
Пополам негритенок складывает.

Со сдвинутыми губами
Все краски на это поглядывают.

Белый камень и белая трость
Падают на черного титана.
Справедливый Билл,
Что с тобой стряслось?!
Ты весь —
Большая
Красная
Рана.

С ДЭВИ НА РУКАХ

Как чудесно ребенка поднять над собой!
Не старишься.
Эти мгновенья не в счет.
Дэви четыре года.
Дэви — большой
Патриот.

Дэви известно, что мы не в ладах.
Вспомнив об этом нечаянно,
Рассаживаемся в противоположных углах
И комнатную войну начинаем.

Прочь танки!
И бомбы прочь!
Дэви заключает мир,
искренен и доверчив.
И на руках у меня
Устраивается прочно —
На весь вечер.

Кровь, а не стронций
Ходит по венам.
На двоих одно пирожное жуем.
Дэви четыре года.
Дэви кажется весьма обыкновенным,
Что в войну мы играем,
Но мирно вообще-то живем.

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Тише —
Дэви заснул.

Теплый, уютный комочек
Обхватил меня, словно орбиту.
Земля, до чего ты легка!

Тише —
Дэви заснул.

Как моряк изможденный Колумба
С колышущейся мачты:
«Земля!
Я вижу землю...» —
Кричу.

Тише —
Дэви заснул.

Склоняясь, целую берег
И весь материк вручаю
Гостеприимным туземцам —
Родителям.

Тише —
Дэви заснул.

Мне посчастливилось:
Я открыл Америку.

Перевел с литовского
Леонид Миль.

Гравюры Н. Филиппова.

Рассказ

Сергей БАРУЗДИН

Рисунки Л. Хайлова.

ТРИНАДЦАТЬ

Она много читала о море, много хороших книг. Но она никогда не думала о нем, о море. Наверно, потому, что, когда читаешь о чем-то очень далеком, это далекое всегда кажется несбыточным.

Она много раз видела море. Видела в Третьяковке и Эрмитаже, где была прошлым летом с мамой. Потом, тоже с мамой, когда они были во Владимире, в Успенском соборе,— еле видимая фреска Андрея Рублева «Земля» и «Море» отдают мертвых. Так, кажется, называлась она.

Видела она море в кино и на открытках. Видела по телевизору и на плакатах.

Но опять она никогда не думала о нем, о море.

А сейчас увидела и не поверила. Море было совсем не такое, каким она могла его себе представить. Может, оно и бывает когда-то таким, как в книгах, на картинах, на экране! Может... Наверно, бывает...

Но сейчас... Сейчас море было большое и теплое. Теплое и большое. Большое, каким может быть только море. Теплое, как мама...

* * *

Они и прежде часто оставались втроем: отец, дочь и собака. И раньше отец, возвращаясь с дежурства, заходил в магазины, а Таня готовила.

— Наша мама скорей мужское начало в семье,— шутил отец,— а я уж, простите, женское. Я всегда дома, а она в разъездах. У нее и профессия женского рода не имеет — геодезист.

Отец посмеивался не только над мамой. Над Таней тоже. За то, что у нее нет настоящего призвания в жизни. За то, что она даже в школе металась между литературой и физикой, геометрией и историей, физкультурой и математикой.

— Странный ребенок ты, Татьян! — говорил отец.— Ну, хоть бы к музыке проявила наклонность, хоть к рисованию...

Он говорил «хоть бы», а Таня знала: отец хочет, чтобы она была врачом. Она чувствовала это, понимала по многим разговорам его и просто потому, что он рассказывал ей о своей больнице. Чувствовала: это он для нее говорит!

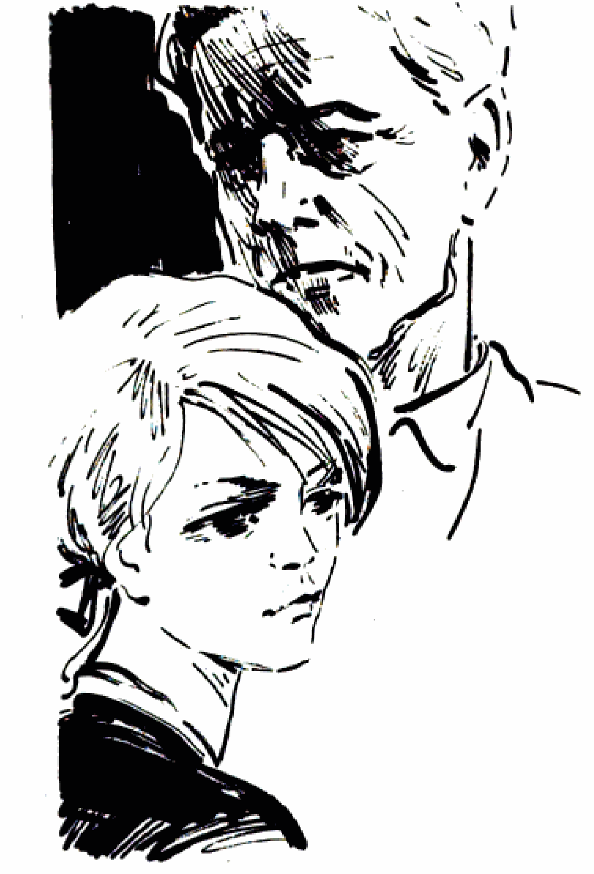
— Нормальный советский ребенок! Слава богу, не балерина, не художница, не Буся Гольдштейн! Учится — доучится! Не будет этого самого призвания,— пойдет в рыбный институт или в мукомольный техникум. И в отличие от нашего папы не будет сидеть дома. Поездит, хватит лиха... Все равно когда-то человеком станет!

Так говорила мама.

Отец действительно никуда не уезжал. Да и куда ехать врачу, прикованному к своей больнице!

Мама раз, а то и два раза в год уезжала надолго: в Анадырь уезжала, на Чукотку, в Магадан, на Сахалин и еще куда-то. Туда, где были их экспедиции. А они были всюду.

Каждая поездка оставляла след в комнате. Кора пробкового дерева. Чучело белки. Архангельская прялка. Шкура уссурийского тигра. Морской коралл. Почти окаменелый, с ракушками, кусок мачты фрегата «Паллада», пролежавшего на морском дне сто лет. Якутский кинжал. Молдавская курительная трубка. Засушенный мох. Гуцульская дудка. Игрушки из бивня мамонта. И фотографии. И старые карты. И видавшая виды буссоль. И записные книжки, которые боялись тронуть, открыть... И Тошка, черный, как гуталин, с длинными висячими ушами спаниель, привезенный к Таниному дню рождения из Карелии.

Теперь все мучительно напоминало ее. И они с отцом старались не смотреть на стены. В комнате ничто не изменилось со дня последнего маминого отъезда.

Только Тошка, кажется, еще ждал. Облизав шершавым языком руки Тане, а потом отцу, когда тот возвращался домой, Тошка долго бродил по комнате, низко опустив голову, выискивая какие-то лишь ему понятные запахи. Он прислушивался к шагам на лестнице, поднимался передними лапами на подоконник — смотрел. Обнюхивал вещи и пол, ручки дверей и одежду на вешалке. Подходил к телевизору и радиоприемнику — тоже нюхал. Когда включали телевизор, долго смотрел на экран, словно ждал и там. А потом, к вечеру, отчаявшись, ложился на мамину кушетку, опускал голову на поджатую правую лапу и долго невесело смотрел на отца и на Таню. Ложиться на постели Тошке никогда не разрешалось. Сейчас ему позволялось и это.

Так было каждый вечер, и Таня понимала, что больше всего отец не выносит Тошкиного взгляда, когда собака забиралась на мамину постель. Он отворачивался. Или говорил Тошке:

— Пошли лучше пройдемся!

Тошка прыгал от радости. Ему гулять бы да гулять! А Таня знала: это не Тошке говорит отец, а ей. И еще себе! И вообще это для всех отдушина! И для Тошки, который ждет того, чего не может произойти. Умный зверь — собака! Разумное существо — Тошка! Но нельзя же, право, душу травить!

И они шли гулять. Ходили по Первомайской и Парковым. Их много, этих Парковых,— считать не сосчитать — всю арифметику изучишь! А еще по Измайловскому парку. Хорошему парку, но почему-то выцветающему и какому-то слишком людному. Ходили медленно, молча, и даже Тошка не тянул поводок и лишь изредка поднимал голову от земли, смотрел на них, будто спрашивал: «Где же?»

Тошка ничего не знал...

Так прошел июнь, и июль и август прошли. И начало сентября, когда Таня вернулась в школу.

Оставаться втроем было нестерпимо.

Она сама предложила отцу:

— Давай, пап, поедем туда, где мама... Насовсем! Ведь врачи всюду нужны, и школа там, наверно, есть. Я и там смогу учиться...

Отец, кажется, только того и ждал:

— Я сам, Татьян, все эти месяцы думал об этом... Но как ты?

Отец всегда звал Таню «Татьян». И раньше звал так и сейчас.

— Поедем!

Они почти ничего не собирали.

— Потом, потом,— говорил отец.— Вот устроимся, тогда...

Через неделю все устроилось. Через неделю они прилетели сюда, к морю.

— Как все хорошо, Татьян! Умница ты! Смотри, как хорошо!

Таня не узнавала отца. Он оживился, посвежел и вновь чуть помолодел.

— А теперь купаться, Татьян, купаться! И немедленно!

* * *

На той горе, если подняться по ней не очень высоко, была тропа. Говорили, что тропа вела к Голубому озеру и к леднику.

Говорили...

Таня не поднималась туда, не видела Голубого озера, не знала ледника. Знала только, что на этом леднике работала мама. И там все случилось.

Они поднимались в гору вдвоем с Тошкой. Ошарашенный дорогой, непривычной обстановкой, морем, горами, Тошка ничего не понимал — тянул изо всех сил поводок и рвался вперед, в гору. Они шли мимо высоких и непохожих на русские деревьев. Даже похожие были непохожи. Дикорастущий клен и ольха. Ясень и дуб. Самшит и эвкалипт. Фундук и граб. Бук и пихта. Они напоминали что-то знакомое, лесное, но деревья были другие, не такие, какими их, не замечая, привыкла видеть Таня в подмосковных лесах.

ЛЕТ

Чем больше они приближались с Тошкой к тому месту, куда шли, Таня сильнее натягивала поводок:

— Не рвись, пожалуйста, Тошкин, не рвись!

Тошка и не рвался. Сейчас уже не рвался. Справа — два клена. Их называют здесь черноклёнами. Слева — заросли орешника. Между ними — четыре подстриженные туи и дощечка, мраморная, серая, с выбитой надписью: «М. Г. Кокорева, геодезист. 1924—1965». Вокруг дощечки на низком холмике — цветы. Это их с отцом цветы. Они приходили сюда сразу по приезде. И еще цветы. Это аджарки в черных одеждах по пути на базар положили их. Так объяснил отец. Местные женщины всегда кладут цветы на могилы приезжих. Особенно те, что сами ходят в черном. Они тоже потеряли кого-то из близких.

А Тошка, ничего не понимающий Тошка ложится у могилы и кладет голову на правую поджатую лапу. Он смотрит на цветы и пробует нюхать их, но вроде стесняется, смотрит на Таню и опять — на цветы. Тане кажется, что невесело смотрит.

Внизу шумит море. Его видно. И слышно. Но отсюда, с горы, оно совсем не такое, как там, внизу. Оно бледное, разноцветное и далекое. И только шум его, еле слышимый шум говорит, что оно — море.

* * *

Им дали комнатку возле самого моря. Комнатку с балконом в одном из хозяйственных помещений санатория.

Рядом с домом пробивалась сквозь мелкую гальку трава. Рядом с домом росли длинные, как свечи, кипарисы. Рядом с домом цвели олеандры и тянулись над искусственными коридорами ветки непривычного, вьющегося шиповника. Рядом с домом росли кедры, алыча, мушмала, пальмы. Днем возле дома вовсю галдели не по-московски поджарые воробьи. Ночью над домом проносились летучие мыши и мяукали по соседству тощие кошки. Голуби и чайки кружились совсем рядом.

Отец работал теперь в санатории, тут же. Таня ездила в школу на автобусе. Пять остановок. Близко была грузинская школа. Близко была армянская. Русская дальше, у турбазы.

Тошка ждал Таню, когда она вернется из школы.

Таня ждала отца, когда он вернется с работы.

Вечером все собирались на балконе и смотрели на море. Когда было тепло, купались, а потом все равно сидели на балконе. Тошка вставал на задние лапы и скулил, глядя на солнце, которое заметно, на глазах скатывалось в море. А потом скулил, глядя на месяц, вернее, на половинку луны: она почему-то поворачивалась отрезанной стороной вверх, опускаясь к морю.

— Ты знаешь, Татьян, странные человеки — люди! — рассказывал отец.— Вот приехали сюда, отдыхать приехали, и что ни человек — оригинал! Одни приходят ко мне без конца, жалуются, стонут. И то у них болит, и другое, и третье. А посмотришь — здоровяки. Ничего особенного! Ну, как у всех, какие-то болячки в худшем случае есть, и все! А ведь других не затащишь. Иной и курортной карты не захватил с собой, купается, загорает, считает себя на сто процентов здоровым. А вытянешь его к себе в кабинет, посмотришь — удивишься: как он бегает? И то у него не в порядке и другое. И не как-нибудь, всерьез...

Отец увлечен новой работой, и Таня радуется этому.

— А сегодня, знаешь, опухоль у одного отдыхающего обнаружил,— продолжал отец.— И тоже из таких: еле затащил, еле рентген уговорил сделать. «Какая там медицина! — говорит.— Сроду не болел и не собираюсь. Что вам зря голову морочить!» Вот и морочить! А другие в каждом прыще раковую опухоль подозревают! И действительно, морочат голову без всякого повода... А сколько холециститов находишь. И тоже вовсе не у тех, кто без конца жалуется на здоровье.

Таня вспомнила:

— Как у мамы?

Зря, наверно, вспомнила. Отец сразу сник. И долго молчал. Очень долго.

— Мама тоже была такая,— сказал он наконец.— И признаюсь тебе, Татьян, люблю я таких людей! Которые на болячки свои внимания не обращают, люблю! Казалось бы, не положено это мне, врачу. А люблю!

* * *

Отец просыпался рано. Раньше его просыпался только Тошка, но он вел себя тихо, молчал и терпел, ожидая, когда проснутся все и выпустят его.

Сегодня Таня проснулась раньше других. Может, и не проснулась, а просто встала — ей не спалось. Встала, вывела Тошку. Искупалась. С трудом загнала Тошку к морю, окунула. Он почему-то боялся моря.

Вернулась.

— Ты что, Татьян?

Она уже перечитывала задачку по физике. Вчера решила, но засомневалась, правильно ли.

— Ничего.

— С добрым утром! Ты что?

— С добрым утром, пап! Я просто задачку решила посмотреть.

— Окунемся?

Она не сказала, что уже купалась.

— Конечно, окунемся.

Так у них теперь всегда начинался день. Они вышли все вместе, и с отцом Тошка сам полез в море. Фыркал, захлебывался, поправляя в воде лапами уши,— купался.

Вода была по-утреннему теплая, а воздух после ночи прохладный. В эту пору море теплее воздуха, теплее земли, теплее гор. Пока нет солнца.

Тошка, выбравшись из моря, катался по гальке. Тер уши о камни, как будто в них попала вода.

— Смотри,— сказал отец.

По морю, почти у горизонта, шел корабль.

— Смотри, эсминец,— сказал отец.— Знаешь, Татьян, вот гляжу и до сих пор завидую...

— Почему, пап?

— Моряком всю жизнь мечтал быть, а вот стал врачом.

Таня этого не знала. Может, отец никогда не говорил, или просто она не слышала, или слышала — не помнит.

— Ты жалеешь? — спросила Таня.

— Жалею? Нет, что ты, Татьян, конечно, не жалею! Просто детство вспомнил. Море увидел, эсминец этот, вот и вспомнил.

* * *

Отец возвращался в пять. Иногда раньше, но в пять — обязательно. Сегодня он не пришел и в шесть.

Таня оставила Тошку и побежала в санаторий.

Кабинет отца был заперт, сестра, знакомая Тане Ольга Михайловна, сказала:

— А разве он не дома? Ушел давно. Может, он у главврача.

У главного врача сказали:

— Был. Ушел. Возможно, он у директора. Кажется, он собирался...

У директора:

— Заходил. С час назад заходил. Быстро ушел.

Сестра-хозяйка встретила Таню у бельевой:

— Я его на улице видела, минут двадцать назад. С рынка шел, с цветами.

Она вернулась, взяла Тошку и помчалась в гору. Тошка, чувствуя, что они встретят отца здесь, рвал поводок.

Они нашли отца там.

— Почему ты мне не сказал, пап?

Отец, кажется, смутился:

— Просто сегодня пять месяцев ровно. Вот я и пришел.

— А мне, почему же ты мне не сказал?

— Зачем, Татьян! Ты... Зачем тебе все это?.. У тебя ведь... У тебя все впереди!..

Они спускались втроем. Тошка уже не тянул поводок, а лишь посматривал изредка на хозяина и сопел носом, обнюхивая тропинку, и тяжело дышал.

Облака повисли над горами, начинало смеркаться, и только над морем было солнечно и ясно. Вода серебрилась.

— А они часто гибнут? — вдруг спросила Таня.

— Кто?

— Геодезисты. Это очень опасно, да?

— Да, Татьян,— сказал отец.— Но...

— Что «но», пап?

— Нужно это, Татьян, понимаешь, нужно! Работа эта очень нужна! Понимаешь, очень!

Ночью Таня опять почти не спала. Думала. Это, наверно, плохо, что не спала. Это, наверно, нужно — думать...

* * *

— Татьян!

— Что, пап?

— А тебе не кажется, что ты скучаешь?

Таня скучает? Нет, кажется, она совсем не скучает. Они приехали сюда — это хорошо.

Ее поразило то, что случилось с мамой. Нет, она, конечно, не понимала этого ни тогда, в мае, когда пришла телеграмма и отец в тот же вечер вылетел на Кавказ, ни потом, когда он вернулся, ни еще потом — в июне, июле, августе...

Но тринадцать лет — тринадцать лет. В тринадцать ты уже не маленькая. В тринадцать ты еще и не большая. В тринадцать ты не поймешь, что будет в двадцать три, и в тридцать три, и в сорок три, и в пятьдесят три... И дальше не поймешь, потому что до этого надо дожить.

— Что ты! — сказала Таня.— Почему я скучаю? И Тошка у нас и школа...

Тошка действительно был. И школа была — новая школа, к которой не так скоро привыкнешь.

— Нет, я просто так, Татьян! Да и не мне, собственно, принадлежит инициатива. В общем, мальчик здесь есть один, сын нашего рентгенолога. Они тоже недавно сюда приехали, из Еревана, кажется. Говорят, скучает тоже. Ровесник твой почти, в восьмом классе. Мать его говорит: «Вот им познакомиться!» Ну, я и предложил тебе.

* * *

После школы Таня всегда приходила на пляж. Вместе с Тошкой.

Тошка деловито колесил по гальке, обнюхивал каждый камушек, косился на пену прибоя, а потом, утомившись, ложился рядом с Таней и с мольбой поглядывал на нее: «Поведешь меня купаться или нет? Уж лучше бы ты сейчас одна. А я вечером, когда вернется он...»

Сейчас Тошка был растерян. Отца не было. А Таня пришла на пляж не одна — с Геворгом.

«Идти с этим человеком в воду или не идти?» — размышлял Тошка. Его смущало, что у человека гремит под боком музыка, чего никогда не было у хозяина. И потом то, что он чужой.

— А у нас в школе, по-моему, учителя хорошие,— говорила Таня.— Я, правда, мало их знаю, но мне нравится. Лучше, по-моему, когда сразу нравится в новой школе... А ребята как у вас?

— Что ребята! Подумаешь!

Он без конца крутил приемник. Из приемника вырывались звуки — ревущие, стонущие, какие-то вопли и крики под несуразную музыку.

— Все ерунда! Ничего интересного! А знаешь «Бродягу»? — вдруг спросил он.— Так это сейчас самый модный танец на Западе — «Бродяга — твист». Хочешь, покажу? Это блеск!

Он встал в позу, взвизгнул, завилял голыми ногами и запел рублеными фразами на мотив твиста:

По д-ди-к-ким степям З-Забайкалья,
Гд-де золото роют в горах...

Таня не раз видела твисты. Видела красивые и всякие. И «Бродягу» — грустную песню — слышала не раз. Такого она еще не видела и не слышала!

— Отлично, правда? — Он спросил, довольный, запыхавшийся, упав на гальку.— Вот это модерн!

— А по-моему...

Они познакомились вчера. Вернее, их познакомили. Тане очень понравилась мать Геворга. А сейчас она не знала, о чем говорить.

Вдруг вспомнила — художница.

— А правда, смешно она рисует? Ты видел?

— Счастливая! — сказал Геворг.— Талант! Море видит — море рисует. Горы увидит — горы рисует! Все увидит — все нарисует! За все деньги получит!

— А мне не нравится,— призналась Таня.— Как рисует она, не нравится.

— Но это ты зря! Модерн, милая! Его надо понимать!

* * *

Над горами появились облака — сначала легкие и воздушные, затем серые с рваными краями. И море сразу же изменило краски — стало темнеть. Цепляясь за лесистые вершины гор, облака опускались все ниже и ниже, захватывали ущелья и лощины, превращаясь в тяжелые, непроглядные тучи.

Тучи опускались все ниже и ниже, к морю. Они как бы нехотя заволакивали воду дымкой — от берега и дальше, все дальше и дальше. Они ползли уже не только по склонам, где приютились домики верхних улиц, а и затянули туманом улицу нижнюю, главную. Водители включили фары и все чаще давали сигналы. И поезда шли сейчас, нервозно гудя, с зажженными фонарями.

Море темнело от берега. Тихое, вроде бы затаившееся, с гладкой поверхностью и чуть слышным прибоем, оно пошло то белыми, то черными пятнами, то непонятными разводами, как будто в него выбросили с воздуха другую воду.

Ожидание длилось час, не больше. В горах ударил гром, и хлынули потоки дождя, а море уже бесновалось. Оно заливало берег, билось о бетонную набережную, о лестницы и глыбы скал, оно гремело и вздрагивало, охало и восторгалось, плакало и ревело.

Небо над морем стало не серым и не черным, а каким-то неестественно бурым. Молнии разрезали небо то слева, то справа, то впереди, то сзади, то где-то над самым берегом. Море поглощало их, проглатывало вместе с бурым небом и ударами грома. Море теперь было сильнее грома.

* * *

— Ну, что, действительно ничего мальчишка?

— Пап, но он же не мальчишка! Он даже старше меня на целый год!

— Ну, не мальчишка, прости, мальчик?

— Ничего,— призналась Таня.— Только, знаешь, таскает почему-то всюду с собой этот транзистор. И крутит! Кому это нужно?

— Мода! Ничего не попишешь!

— А по-моему, это не мода, а глупость. Тошкин и тот не переносит этого его приемника. А когда твой Геворг твист на мотив «Бродяги» исполнял, Тошка и то завыл.

— Тошка у нас, Татьян, умница! — согласился отец.— Тошка вне конкуренции!

* * *

А к вечеру все стихло, и рыже-красная полоса неба повисла над горизонтом. Там село солнце, а чуть левее от него искусственно низко над морем повис нарождающийся месяц, такой же рыже-красный, с задранным кверху нижним краем.

Тучи и облака изменили направление и полезли обратно — в горы. Сначала по пляжу — от воды вверх. Потом по улице, по крышам домов и прибрежной зелени. Потом еще выше, цепляясь за верхушки деревьев, взбираясь по полянам и тропкам, скалам и ущельям, выше, выше и выше. Вершины гор задерживали тучи, но они упрямо вздымались вверх и ползли дальше, в глубь хребта, уходя от моря. А море освобождалось от тумана и туч. Море светлело, все больше светлело, несмотря на вечерний час.

По морю прошла бледная, увеличивающаяся к горизонту дорога, такая, что хоть плыви, хоть кати по ней! Вот бы и впрямь прокатиться!

Где-то совсем рядом с морем не очень стройные женские и мужские голоса пели:

Куда ведешь, тропинка милая,
Куда ведешь, куда ведешь?..

Странно было слушать эту песню, когда рядом пальмы, и горы, и море.

А море в эту пору завораживало. И особой красотой своей, и особо ласковым прибоем, и особой послегрозовой свежестью, когда запахи моря как бы смешались с запахами пресной дождевой воды, смывшей пыль с прибрежной зелени, и насытившихся влагой цветов, и горной хвои.

* * *

— Сегодня, Татьян, пойдем на станцию,— сказал отец.— Контейнер наш прибыл, с вещами.

Контейнер из Москвы отправляли друзья отца. Собрали по его просьбе только нужное: одежду, книги, мелочи — никакой мебели.

Весь вечер они разбирали вещи. Таня вешала на стены, клала на полки самое трудное.

Вот кора пробкового дерева. Чучело белки. Архангельская прялка. Шкура уссурийского тигра. Морской коралл...

Вот почти окаменевший, с ракушками, кусок мачты фрегата «Паллада», пролежавший на морском дне сто лет. Якутский кинжал. Молдавская курительная трубка. Засушенный мох.

Вот гуцульская дудка. Игрушки из бивня мамонта. И фотографии. И старые карты. И видавшая виды буссоль. И записные книжки, которые она и сейчас боялась открыть.

Вдруг Таня обернулась и увидела Тошку.

И отец увидел, раньше увидел, сказал:

— Смотри, Татьян.

Тошка достал из чемодана мамины тапочки. Те самые, которые он так любил грызть при маме. Те самые, за которые ему всегда попадало. Он отнес тапочки к Таниной раскладушке и лег рядом. Лег, положив морду на тапочки.

— Пап! — сказала Таня.

— Что, Татьян?

— А я теперь знаю, кем я буду! Обязательно буду!

— Кем, Татьян?

— Геодезистом!

* * *

Тошка, поджав хвост и виновато глядя на Таню, бегал по пляжу. Он был верен ей, Тане. Но он боялся огорчить ее, а море ревело,

Джотто. ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ. **Фреска Капеллы дель Арена в Падуе.**

Джотто. ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ. **Деталь.**

вело себя неспокойно, и Тошка не знал, как ему поступить, когда волна захлестывает пляж, когда она наконец уходит и потом вновь бросается к его ногам с пеной, с шумом, больше того, с диким грохотом.

Таня была спокойна, и Тошка видел это. Таня была, кажется, молчалива, и Тошка тоже понимал это. Не понимал Тошка одного: почему с Таней этот кто-то, кто без конца пытается заглушить шум моря громом музыки?

Тошка привык к музыке, ко всякой музыке. Он слышал ее там, в прежнем доме, в Москве. Иногда Тане приходило в голову завести на полную мощность радио или магнитофон, и Тошка спокойно выносил это. По праздникам радио гремело на улицах, куда его водили гулять,— на Парковых и Первомайской. И Тошка это выносил. Но здесь музыка под мышкой. И какая-то хрипящая, крикливая, несимпатичная музыка.

Тошка бегал по пляжу, косясь на море, на Таниного соседа и на музыку, хрипящую по соседству с ним.

Море выбросило на берег мертвого лебедя. Черного, с длинным красным клювом, распластанными широкими крыльями. Волна била по телу и крыльям, болтала лебедя по гальке: вперед — назад, назад — вперед. И чуть влево. И опять влево. Все время влево по берегу.

Лебедь, безжизненный лебедь был удивительно красив и сейчас.

— Геворг,— спросила Таня,— а ты боишься смерти?

— Что? — удивился Геворг.— Что это ты, милая! А чего ее бояться! Все там будем! Так отец говорит. Он прав. Подумаешь, смерть!

— Пойдем купаться, Геворг! — предложила Таня.

— А-а, неохота что-то!

— Почему неохота? Пойдем! Ты что, моря не любишь?

— Подумаешь! Что в нем, в этом море! Ничего особенного! Неохота!

Таня натянула на волосы резиновую шапочку и пошла к морю:

— Как хочешь...

Потом вдруг вернулась.

— А знаешь, Геворг, по-моему, смерти не боится только тот, кто ничего не хочет сделать... для людей! Вот! А я пойду!

И она пошла в море.

* * *

Море выбрасывает на берег все, что ему не нужно. Лишнюю гальку и лишний песок. Умершие водоросли и погибшие раковины. Части разбитых кораблей и останки убитых дельфинов. Палки, ради забавы брошенные мальчишками в воду, и корни деревьев, подмытые волнами. Безжизненные тела морских звезд и объеденные скелеты рыб.

Море выбрасывает на берег осенние листья. Осень пришла и сюда, и ветер, когда дул в сторону моря, бросал в воду опавшую листву, а море прибивало ее к берегу и выкидывало на пляж, на гальку, где листья опять подсыхали и шелестели, шуршали при каждом дуновении ветра или под ногами редких купающихся и загорающих...

Море выбросило на берег бутылку с засургученным горлышком. Может, Магеллан? Лаперуз? Беринг? Миклухо-Маклай? Колумб? Нансен? Седов? Наконец, Конрад и Купер — ведь американские космонавты всегда приземляются в море?

Отбили горлышко, вынули записку: «Пил, пью и буду пить! Коля Оськин. Теплоход «Грузия». 23.06.53».

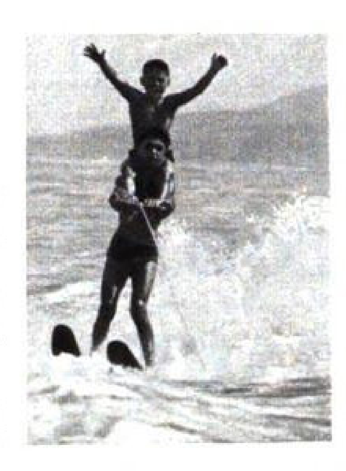
Где ты, чудак-человек Коля Оськин? Море посмеялось над тобой! Оно не любит таких шуток.

Море выбросило на берег бамбуковую трость. На ней выжженная горячими шашлычными шампурами надпись: «Люби меня, и я тебя полюблю. Буду верен до гроба! Мой адрес...»

Море не любит такой любви и такой верности. Оно выбросило бамбуковую трость на берег, предварительно стерев адрес. Дабы не ходили по нему наивные люди.

Море выбрасывает на берег все лишнее.

...И С НИМИ ДЯДЬКА ИХ МОРСКОЙ!

Каждый мальчишка мечтает стать витязем, но не каждый мужчина становится им. Наверно, потому, что мечтать — это мало. В витязи надо готовиться. Как? Программы в общем-то нет. Каждый действует как может.

В Батуми, например, это делается так. По утрам, когда на прибрежную гальку тихо плещет прибой, вдруг море вскипает, принимается бушевать, летят алмазные брызги, пенится голубая волна.

*..И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных...*

Пока не тридцать. Пока лишь двадцать восемь. И с ними — «дядька их морской» Андрей Петрович Гетмиди. Витязи тащат на себе водные лыжи. Лыжи в два раза больше самого витязя. Сейчас видно, что это просто мальчики, у них белые от долгого полоскания в воде, парафиновые пятки, мокрые вихры торчат в разные стороны и на решительных физиономиях крепко сжаты почти синие губы.

Они идут с Андреем Петровичем вдоль пляжа в свой Пионерский парк и будут до хрипоты обсуждать, кто как перескочил с лыжи на лыжу и как надо делать «заднюю ласточку» на полном ходу. Им кажется, что это — самое главное, в чем надо сейчас разобраться. Но, сами того не замечая, они будут говорить друг о друге, о том, кто был смел, кому изменила воля, кто слишком любит себя и что надо сделать, чтобы преодолеть страх. Это неизбежно, потому что так хочет, так сделает, так все повернет старший среди них, их наставник и кумир дядя Андрей.

Это — счастье, когда около детей появляется такой человек. Все могло быть иначе. В Пионерском парке могла возникнуть идея создать воднолыжный кружок, дирекция могла обратиться в спортивную организацию, и в парк могли прислать хорошего воднолыжного ходока. И он бы их научил скользить по воде. Но в Пионерском парке, на озере, служил один уже немолодой человек. Служба его состояла в том, чтобы спасать зазевавшихся ребят, следить за тем, чтобы не случилось на озере никакой беды. Андрей Петрович занимался этим уже 25 лет. Несколько медалей «За спасение» украсило его грудь. Десятки раз он прыгал в воду, всякий раз не успевая даже отстегнуть ремешок часов. Многим батумским семьям он вернул детей. Не имея своих ребят, он взял в дом на воспитание чужих.

Он все время был среди детей, видел, чувствовал их и знал. Часто в парк, к озеру, тянулась ребятня, которая не знала, куда себя деть. Озорство, драки... До несчастья — один шаг. Андрей Петрович остерегал, спасал, журил. Но все это не то. А тут появился, увлек, зажег, захватил дух этот сверкающий, стремительный, праздничный спорт — лыжи на воде! Как раз для сорвиголов. И Андрей Петрович решил занять им башибузуков, сделать из них людей.

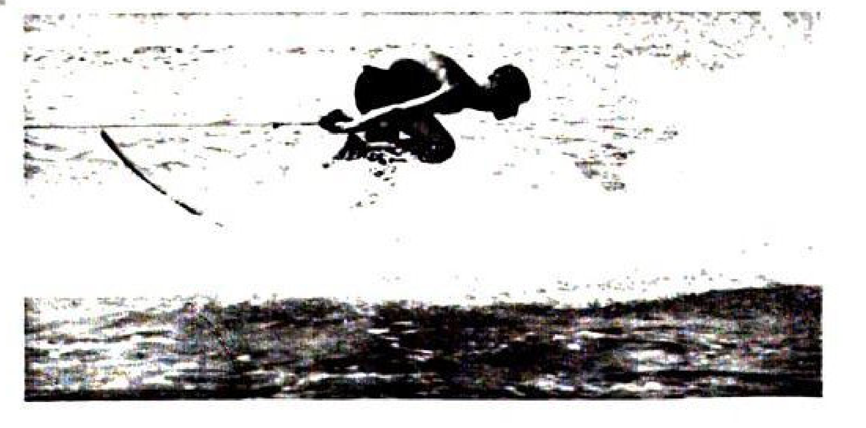
Никто ему об этом не говорил, никто не обязывал, не поручал. Все сделал он сам. Сначала достал несколько лыж и обучил нескольких мальчиков. Сначала работал с ними на озере, потом вышел в море.

Сейчас их двадцать восемь — бесстрашных, отчаянных, ловких и... благородных витязей в возрасте от девяти до пятнадцати лет.

Ия МЕСХИ

Морской дядька А. П. Гетмиди.

Искусство высшего пилотажа.

Фото И. Тункеля.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

В «Огоньке» № 6 за нынешний год была опубликована статья Вл. Павлова «Улыбнитесь, капитан!».

Бюро Херсонского горкома КП Украины признало факты, изложенные в статье, правильными, и руководству порта предложено восстановить капитана В. В. Карилюка на прежнем месте работы — на теплоходе «Олекса Десняк».

Вместе с тем бюро горкома партии отметило, что в Херсонском речном порту имеют место серьезные недостатки в работе с кадрами, которые порождают жалобы и заявления работников порта.

Начальник Херсонского речного порта тов. Проценко и секретарь партбюро тов. Малинкин предупреждены о том, что подобная тенденциозность по отношению к капитану Карилюку недопустима.

После опубликования статьи «Улыбнитесь, капитан!» редакция журнала получила много писем читателей. Среди них — большое число откликов работников Херсонского речного порта. Авторы дополняют положения, высказанные в статье, и приводят новые факты и подробности.

Н. ИГНАТОВА

И ЧЕХОВ ДРУГОЙ, И «ЧАЙКА» ДРУГАЯ

Чайка... Во весь размах сцены белым контуром на темно-зеленом занавесе.

Стены дома... Словно боковины бездонного шурфа или гигантского тесового гроба, они уходят вверх, в бесконечность.

Преувеличение коснулось и людей — действующих лиц чеховской пьесы. Нет, не внешнего их вида — внешне они вполне правдоподобны, я бы даже сказала, вполне заурядны. Преувеличена в них, пожалуй, только одна черта характера — эгоизм. А в результате пьеса приобрела совсем иную, не чеховскую окраску. Изменилось в ней все: сама ее мысль, направленность, атмосфера. Потому что изменились взаимоотношения людей, ставших в чем-то неуловимо похожими друг на друга.

Атмосфера крика, грубости, ссоры стала определяющей в спектакле «Чайка», поставленном на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола. С первой фразы, безобидной в существе своем,— «Отчего вы всегда ходите в черном?» — и до последней — «Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...»,— в каждом или почти каждом слове действующих лиц звучит вызов, крик, нескрываемое неприятие мыслей и действий друг друга. Ссорится Аркадина с братом Сориным, с сыном Костей, с управляющим; ссорится Треплев с матерью, с Машей, с Ниной Заречной, с Тригориным. Старик Сорин тоже ссорится с Дорном, Шамраевым. Даже милая чеховская Маша, глубоко затаившая свою безответную любовь, волею и талантом режиссера А. Эфроса и актрисы А. Дмитриевой превращена в грубое, навязчивое и цепкое, откровенно эгоистичное существо. Она кричит на мать, на Сорина, на Дорна. Она жадна и мстительна.

Спору нет, и по авторскому замыслу герои «Чайки» внутренне разобщены, часто не понимают один другого. Но они ищут друг друга, хотят достучаться друг до друга. Им свойственны доброта, мягкость, интеллигентность; им чужда мещанская озлобленность, крикливость в выявлении чувств. А главное, Чехов умеет разглядеть в глубине их души частицу света. В доме Сорина даже Шамраев, солдафон-управляющий, говорит об искусстве. Здесь самый воздух пропитан искусством. Оно здесь один из главных источников мыслей и чувств. Ибо искусство, отношение к искусству и жизни — тема пьесы, во многом определяющая поведение персонажей, их взаимоотношения. В спектакле же «Чайка» на сцене Театра имени Ленинского комсомола, повторяю, на первый план выступили ссоры по пустякам. Ссоры из-за лекарств, из-за того, что лает собака, что не дают лошадей, что ходят по пятам... Мера энергии, которая тратится по пустякам, та же, если не больше, что тратится на споры об искусстве, на раздумья о нем, на поиски смысла жизни и смысла искусства.

Так уходит из спектакля истинный, чеховский смысл пьесы. Хотя при всем том степень правдивости в ведении диалога, в поведении актеров такова, что вы начинаете верить происходящему на сцене. Больше того, оно захватывает вас. И лишь временами вы спохватываетесь, понимая, что смотрите какую-то другую, не чеховскую «Чайку».

«Чудный мир!» — говорит Нина Заречная. А режиссер будто ставит своей задачей доказать обратное. Со спектакля уходишь с одной мыслью: «Какие же это странные, дикие, озлобленные люди! Какая дикая, несуразная, никчемная и нелепая жизнь у этих людей, творящих искусство! И каково же должно быть искусство, творимое такими людьми?!.»

Мысль эта проведена мастерски. А. Эфрос владеет режиссерским искусством, суть которого в умении подчинить все, вплоть до мельчайших мелочей, своему замыслу; в умении, если понадобится, до неузнаваемости изменить дух пьесы, в то же время не изменив ни запятой, ни буквы!.. Изменить в соответствии с собственной мыслью, со своим взглядом на мир и на людей. Само по себе такое мастерство не может не удивлять, но данное, конкретное его применение вызывает протест и желание спорить.

В этой «Чайке» переосмыслены почти все образы. Но, пожалуй, больше других подверглись критическому «переосмыслению» образы людей искусства — Тригорин и Заречная.

Творчество — по пьесе — поглощает все силы Тригорина, наполняет до краев каждую минуту его жизни, не оставляя ни для чего другого места и времени. Вне творчества Тригорин немыслим и сам не мыслит иного существования.

В спектакле же Тригорин, сыгранный А. Ширвиндтом, трактован в буквальном соответствии с его словами о самом себе. И получается, что он действительно тяготится своей профессией, действительно любит и ценит одну лишь рыбную ловлю. И веришь: если бы появилась у этого человека возможность бросить свою профессию, наверняка бросил бы! И ожил бы его взгляд, сейчас глубоко равнодушный, и стал бы этот человек простым и милым, а не таким снисходительно-напыщенным, самодовольно-усталым, как сейчас... Отнимите у чеховского Тригорина перо — и он кончится, не сможет жить. А этот проживет, да еще как проживет!.. «Я ведь еще гражданин» — вот главное в монологе Тригорина в чеховской пьесе. В спектакле же об этом говорится почти с издевкой, а «крупным планом» звучат слова: «...всем хватит места, и новым и старым,— зачем толкаться?»

Разница значительная, не правда ли?..

А Нина Заречная... Обаятельная О. Яковлева, кажется, сделала все, чтобы представить свою Нину как можно некрасивее, ничтожнее. Есть в ней с самого начала нечто духовно нездоровое — какая-то ущербинка, надрыв,— что обесценивает уход Заречной в искусство. И ее последний приход к Треплеву не оставляет сомнений, что крупной творческой личностью Нина Заречная так и не стала. Издерганная, больная, комок обнаженных нервов, она по-прежнему способна лишь талантливо вскрикнуть либо талантливо умереть на сцене. Вопреки Чехову искусство не стало и для нее воскрешающим источником жизни. Лишенный поэтического заряда веры — веры в животворящую силу творчества,— образ Чайки, одно из величайших созданий чеховского гения, в спектакле потускнел, погас.

Конечно, безнадежно устарели сожаления о том, что нет на сцене ни парка, ни «колдовского озера», о которых упоминает Чехов. Озеро! Парк!.. Скажите спасибо, что на сцене есть настоящие скамейки.

Нет, конечно, дело не в озере и не в парке. В «Вишневом саде», поставленном М. Кнебель в Центральном театре Советской Армии, тоже нет вишневых деревьев. Но там есть нечто гораздо более ценное для искусства — чеховское поэтическое восприятие мира, природы, людей. Есть поэзия, ярко и сильно выраженная художником через живую душу артиста.

На пьедестале почета после исполнения вольных упражнений (слева направо): Зинаида Дружинина, Наталья Кучинская и Лариса Петрик.

Фото А. Бочинина.

ГИМНАСТЫ — НА ВЫСОТЕ!

В мае состоялись два чемпионата страны. Сперва на ринге встретились боксеры, а затем на помосте — гимнасты. И те и другие были героями XVIII Олимпийских игр, и те и другие в Токио показали всему миру великолепные образцы мастерства. Но как велика разница между ними сегодня!

Мы стали свидетелями поражения таких известных боксеров, как С. Степашкин, О. Григорьев, В. Баранников, С. Сивко, но смогут ли их победители заменить на мировом ринге прославленных мастеров? На гимнастических соревнованиях тоже потерпели поражение такие мастера, как Лариса Латынина, Полина Астахова, Юрий Титов. Но наша гимнастическая гвардия проиграла не потому, что плохо подготовилась к ответственным соревнованиям, а потому, что их превзошла молодежь.

Когда два года назад Лариса Латынина уступила первенство страны Ларисе Петрик, девочке из Витебска, это казалось случайностью. Сегодня мы не видим ничего удивительного в том, что Лариса Петрик завоевала золотую медаль в упражнениях на брусьях, а Лариса Латынина получила лишь бронзовую — свою единственную медаль за все дни борьбы. Больше того, за последние два года и Лариса Петрик уже отодвинута на второе место: абсолютной чемпионкой страны 1965 года стала ленинградская школьница Наташа Кучинская. Теперь она завоевала и Кубок СССР и две золотые медали в личном первенстве (в вольных упражнениях и на бревне).

Михаил Воронин, тот, кто в Токио ездил запасным, сейчас по праву стал лидером нашей команды. Этот молодой многоборец стремительно прогрессирует. Его спор с опытным Виктором Лисицким, который еще недавно считался главным наследником Шахлина, закончился убедительной победой. В личном первенстве на отдельных снарядах Воронин снова продемонстрировал исключительное мастерство. Дважды поднимался он на пьедестал почета: после вольных упражнений, где он разделил первое место с Сергеем Диомидовым, и после выступления на кольцах (следует отметить, что в борьбе за Кубок СССР Воронин получил на кольцах максимально высокую оценку — 10 баллов, хотя судьи на сей раз были особенно строги).

Виктор Лисицкий, уступив Кубок Воронину, обогнал его, выступая на отдельных снарядах. Он получил три золотые медали — за упражнения, показанные им на коне, в прыжке и на перекладине. Сергей Диомидов, третий призер Кубка и обладатель золотой медали за упражнения на брусьях, вполне может быть доволен своими результатами. Но следует отметить, что в мастерстве между тремя первыми гимнастами мужской команды и тремя остальными существует все же значительный разрыв.

Михаил Воронин, обладатель Кубка СССР по гимнастике.

В. ВИКТОРОВ

ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ ЛЕГКИЙ

Сало **ФЛОР**,
международный гроссмейстер

Немало критиков у нас и за рубежом упрекали Т. Петросяна и Б. Спасского в том, что их матч внешне протекает скучновато: после 18-й партии счет был 2:1 в пользу Петросяна при 15 ничьих. Но самые строгие ценители должны теперь признать, что на финише, «в своем последнем слове» Петросян и Спасский заговорили во весь голос: красиво, мужественно. Вот это игра! Это — настоящее первенство мира!

Итак, обострение началось после 19-й партии, которую выиграл Спасский, сравняв счет. Какое удивительное совпадение: Петросян перед 13-й партией взял «тайм-аут» и проиграл эту партию. И вот он потерпел второе поражение, в 19-й встрече,— снова после «тайм-аута».

Спасский превосходно провел эту важнейшую встречу. Достаточно сказать, что он играл «по-петросяновски», постепенно увеличивая свое микроскопическое преимущество, и в конце концов довел партию до победы. Впервые в этом матче счет сравнялся — 9,5:9,5. И даже сильный дождь не помешал болельщикам занять свои посты около клуба на Гоголевском бульваре, 14. Они шумно приветствовали Спасского при его уходе из клуба, но претендент не любит оваций, и он быстрыми шагами завернул в ближайший переулок.

Итак, матч начинается снова! Так полагали все эксперты. Так оно и было. И вот как раз в момент, когда упорство, настойчивость, цепкость Бориса Спасского были вознаграждены, как раз в тот момент, когда казалось, что он нашел ценный клад, он этот клад тут же растранжирил.

Все были уверены, что в 20-й партии они увидят Спасского, играющего с подъемом, но случилось иначе: Спасский явно играл на ничью, а Петросян, видимо, решил, что хватит рассчитывать на ничью, хватит «баловаться». «Хочешь ничьей — играй на выигрыш!— гласит старое правило.— Лучшая защита — нападение!»

Петросян сразу понял намерение претендента добиваться ничьей с тем, чтобы в следующей партии атаковать белыми. Видимо, поэтому, играя черными, Спасский и пошел на книжный вариант. Но на этом пути его ждала новинка, приготовленная Петросяном. Чемпион мира продемонстрировал ювелирную работу. Еще на 32-м ходу Спасский мог форсировать ничью. Нашел эту возможность экс-чемпион мира М. Ботвинник, который следил за этой партией в поезде Оренбург—Москва. Однако претендент не заметил своего единственного шанса.

Любопытно, что в этом матче суббота — день Б. Спасского. А три победы Петросян одержал в понедельник!

Важнейшая победа значительно укрепила положение Петросяна, а что касается Спасского, то его программа теперь еще более ясна: играть ва-банк.

ЧАРОДЕЙ СЛОВА

Исполнилось 75 лет со дня рождения известного советского писателя Льва Вениаминовича Никулина. За долгую писательскую жизнь Львом Никулиным создано немало произведений, которые пользуются широкой популярностью в нашей стране. Это романы «России верные сыны», «Московские зори», «Люди и странствия», «Мертвая зыбь» и другие; это интересные и познавательные очерки о Чехове, Бунине, Куприне, а также книга «Люди русского искусства». Совсем недавно опубликована документальная повесть писателя «Маршал Тухачевский».

Ниже мы публикуем отрывок из воспоминаний Л. Никулина о М. Ф. Рыльском, которые полностью будут напечатаны в журнале «Москва».

Среди людей, которых я знал, чьи образы надолго остаются в памяти, я всегда вижу Максима Фаддеевича Рыльского. И меня охватывает горестное чувство невосполнимой утраты, сожаление о том, что больше никогда не придет письмо, написанное знакомым почерком, что никогда не возникнет беседа, после которой становилось как-то легче жить и работать.

Грустно расстаться с человеком, которого я знал меньше, чем его земляки, но любил нисколько не меньше.

Запомнились наши беседы в ротонде Колонного зала во время заседаний съезда писателей, когда мы говорили о Костомарове и эпизодах истории Украины, которые написаны им с таким блеском и яркостью красок. Вспомнилось, как мне посоветовал Максим Фаддеевич читать М. А. Максимовича, первого ректора Киевского университета, которого недруги обвиняли в украинофильстве.

Но поскольку я коснулся истории, то, мне думается, следует сказать еще об одном историческом факте, который имеет прямое отношение к роду, из которого происходил Максим Рыльский.

Еще при жизни Максима Фаддеевича я получил 15-й том полного собрания сочинений Герцена и в этом томе на странице 238 прочел заметку из «Колокола»:

«(БРАТЬЯ РЫЛЬСКИЕ)

Правда ли, что братья РЫЛЬСКИЕ, студенты Киевского университета, сосланы в Казань по доносу Васильчикова, что они обращаются ПОБРАТСКИ со своими крестьянами? Правда ли это?»

Прочитав эти строки, я подумал о том, что мог бы сказать по поводу этой заметки Максим Фаддеевич. Но в суете нашей жизни так и не нашел случая спросить его об этом.

Шли месяцы, годы... Собрание сочинений Герцена, тридцатитомное, выходило медленно, очень медленно. И последний, тридцатый том вышел, когда Максима Рыльского уже не стало. И в этом тридцатом томе я читал то разъяснение к 238-й странице 15-го тома, которое меня интересовало:

«...Как свидетельствуют документальные данные архива Киевского генерал-губернатора, студенты Киевского университета Фаддей и Иосиф Розеславовичи Рыльские с 7 ноября 1860 г. подлежали секретному полицейскому надзору за внушение ими крестьянам Бердичевского уезда «мыслей о равенстве и коммунизме». 11 января 1861 г. при обыске в усадьбе Рыльских в их бумагах были обнаружены выписки из «Колокола». Киевский военный губернатор кн. И. И. Васильчиков... предложил «выслать братьев Рыльских в Казань...»

И тут же упоминание, что эта справка получена в архиве М. Ф. Рыльского в Киеве.

Так, после кончины поэта получили мы разъяснение заметки, опубликованной А. И. Герценом в «Колоколе» в 1861 году, не только опубликованной, но и написанной рукой Герцена, как сказано в примечании к заметке.

Мысли «о равенстве и коммунизме» были мыслями и Максима Фаддеевича Рыльского, и не только он сам, но и родичи его достойны глубокого уважения потомков.

Эти мои страницы следует завершить теми же словами Максима Рыльского, которыми он завершил свою книгу об Адаме Мицкевиче: «...Чародей слова... Он стоит перед нами... Нет — он с нами, он с нами в борьбе за мир, за дружбу и братство всех народов, за человеческое счастье...»

Этой эпитафии достоин и поэт Советской Украины, всей советской земли Максим Рыльский.

Л. НИКУЛИН

●

А здесь, в этой «Чайке», все как будто подчинено стремлению «очиститься» от поэзии, вытравить ее...

Спектакль, повторяем, смотрится с интересом: в нем много актерских и режиссерских тонкостей, находок. Люди на эту «Чайку» идут. «А вспомните,— сказал один компетентный театральный критик,— сколько раз проваливалась — и совсем недавно — «Чайка»: зритель ее не принимал».

Но ведь помнится и другое. Например, успех «Чайки» в «Красном факеле» в постановке В. Редлих, с В. Капустиной в заглавной роли. А та первая «Чайка», о которой мы знаем лишь по описаниям, ставшая легендой «Чайка» художественников... Интерес к этим спектаклям держался ведь не на скандале.

Почему же и зачем понадобилось так «переосмысливать» чеховское произведение? Что это, неверие в силу классической пьесы, в способность пьесы возбудить интерес у сегодняшних зрителей теми мыслями, которые ее наполняют? И отсюда стремление любой ценой «обострить» конфликты пьесы, чтобы возбудить либо удержать внимание зрителей? А может быть, творческий замысел постановщика состоял в том, чтобы, пользуясь материалом пьесы, сделать наглядно-зримой не очень новую и не слишком прогрессивную мысль о неизбывной и неизбежной разобщенности людей, об их всегдашней, неистребимой эгоистической сущности, которая будто бы определяет отношения между ними?..

Раскрыть лучшее, что есть в героях пьесы, не закрывая глаза на их недостатки, возбудить стремление возвыситься до этого лучшего, усвоить его — либо же, напротив, понизить героев до уровня обывателей, крикливых мещан, озлобленных, болезненно изломанных неудачников и таким путем сделать их понятней, «доступнее»... Какой путь полезнее, вернее, нужнее в искусстве?

Думается, что первый.

Тем досаднее, что подобное «сверхкритическое» переосмысление классики принимает за последнее время характер некой тенденции.

Вспоминается «Дядя Ваня» в постановке А. Шатрина на сцене Белорусского драматического театра имени Янки Купалы, где Войницкий и Астров представлены людьми, весьма близкими по своей натуре Серебрякову,— почти такими же обозленными эгоистами и циниками; любыми способами они хотят получить от жизни свою «порцию» счастья.

И вот теперь «Чайка», тоже пересматривающая заветную суть, главное содержание чеховских образов.

Так пьесы Чехова становятся неким средством развенчания русской интеллигенции конца прошлого века. А с этим вряд ли можно примириться, принять превращение Чехова в беспощадного, злого прокурора, безоговорочно осуждающего своих героев-интеллигентов.

Отношение Чехова к этим героям на самом деле гораздо сложнее, исторически правдивее. Оно не игнорирует объективных условий тогдашнего существования русской интеллигенции; оно пронизано верой в великую силу человеческих идеалов, в душевную яркость и красоту их носителей.

Чехов знал все или почти все о своих героях. Он видел их слабости и пороки и, конечно, понимал, что в жизни, которую они ведут, много мелочного и пошлого. Но, и видя и понимая все это, он прежде всего уважал и ценил в них тружеников-интеллигентов, людей, чьи мысли и поступки делают жизнь ярче, красивее, умнее.

Не видеть, не понимать этого — значит идти против правды! А это такой грех, который не искупает даже самая высокая степень сценической убедительности.

...Московский театр имени Ленинского комсомола знают и любят москвичи. В нем ежевечерне толпится молодежь, которую нужно учить добру и правде. Молодежи — как никому — надо знать и верить, что есть солнце, а не только пятна на нем!

С этого спектакля уходишь с тяжелым сердцем. Нет, Чехов другой, и «Чайка» другая.

Рольф ПЕСТЕР

Муки счастливца

Эта ужасная новость сразила меня: по вещевой лотерее я выиграл автомобиль — самый настоящий, сверкающий, новенький автомобиль. Я очень досадовал, потому что втайне мечтал выиграть холодильник или стиральную машину, ну на худой конец телевизор или пылесос. Но увы! Я выиграл, как видите, автомобиль. А для чего он мне нужен, никто не знает. С моим характером водить можно разве что детскую коляску, но отнюдь не автомобиль для взрослых: во-первых, я близорук, во-вторых, страдаю куриной слепотой, в-четвертых, употребляю алкогольные напитки.

Долго ломал я голову, что мне с ним делать, и в конце концов решил продать. Но этому мешало одно обстоятельство. Не хвалясь, скажу, что, несмотря на ряд недостатков, я все же имею право считать себя порядочным человеком. Для меня вопрос стоял просто: автомобиля я не покупал, а выиграл, уплатив 15 пфеннигов продавцу газетного киоска за лотерейный билет. Следовательно, именно за такую сумму я и должен был продать автомобиль. Ни больше и ни меньше. Моя неподкупная, чистая совесть не позволяла поступить иначе.

Я дал объявление в газету следующего характера: ввиду некоторых обстоятельств срочно продается по доступной цене новая автомашина марки «Вартбург».

Первый клиент прибежал уже в пять часов утра. Я был еще в постели.

— Кажется, я пришел не совсем вовремя,— извиняющимся тоном проговорил посетитель и сунул мне в лицо свежую газету.

— Да ну, пустяки,— ответил я и, накинув на плечи халат, вышел с ним на улицу, где без всякого укрытия стоял мой автомобиль.

— Беру, — заявил покупатель, осмотрев его предварительно, словно лошадь, со всех сторон.— Сколько он стоит?

— Пятнадцать пфеннигов,— ответил я, обрадованный тем, что дело сладилось так быстро.

— Сколько?! — переспросил мой клиент, скорчив кислую гримасу.— Сколько, вы говорите?

Я повторил, что пятнадцать пфеннигов.

— Вы что, за дурачка меня считаете? — вскричал он.— Давайте разговаривать серьезно...

— А я вполне серьезно,— простодушно заверил я.— Дело в том...

Но тут он окончательно рассвирепел, бросил скомканную газету мне под ноги, погрозил кулаком и убрался восвояси, проклиная меня на чем свет стоит.

А дальше началось нечто ужасное. Ко мне повалили толпами. Они приходили в любое время дня и ночи. В первые минуты они были крайне вежливы и предупредительны, но, как только я называл стоимость машины, они становились грубыми и раздражительными. Некоторые называли меня полным идиотом, другие же лишь молча, но выразительно постукивали себя по лбу. Были и такие, кто называл меня проходимцем и обещал привлечь к ответственности. А один невыдержанный товарищ избил меня в моей собственной квартире. В конце концов дело дошло до полиции. Мне прислали повестку и учинили самый строжайший допрос.

— Мы получили на вас много жалоб,— заявил начальник полиции и посмотрел на меня долгим, испытующим взглядом.— Возникает подозрение, что вы ее похитили.

В ответ я нервно рассмеялся и объяснил начальнику, что кража машин никогда не входила в мои намерения, что единственное мое намерение — как можно быстрее избавиться от машины.

— А вы сможете доказать, что она принадлежит вам?

Пришлось доказывать.

— Ну что же,— заметил начальник уже более дружелюбным тоном.— Это обвинение отпадает. Остается еще рассмотреть ваши грубые хулиганские выпады против мирных граждан.

— Хулиганские выпады? — переспросил я.— Что вы хотите этим сказать?

Шеф полиции взглянул на лежащие перед ним бумаги и сказал:

— Вы предлагаете машину за пятнадцать пфеннигов. Надеюсь, вы не будете опровергать этот факт?

— И не подумаю,— заявил я твердо.— Я настаиваю на этом.

— Вы издеваетесь над нами,—строго сказал начальник.— За это я вас подвергаю штрафу на двадцать пять марок.

— Но я же ведь вполне серьезно. Клянусь вам!

— Предупреждаю, что за нарушение клятвы закон привлекает к ответственности.

— Я докажу вам! — сказал я решительно.— Хотите автомобиль именно за эту цену?

Начальник полиции побагровел от гнева и загремел басом:

— За оскорбление представителя власти штрафую вас еще на двадцать пять марок.

И тут у меня прорвалось.

— А мне наплевать! — закричал я в справедливом возмущении.— Неужели я не имею права назначить машине свою собственную цену?!

...Через несколько дней я получил из полиции уведомление, и мне пришлось облегчить свой кошелек на 50 марок. «Черт возьми,— подумал я с горечью,— если так будет продолжаться и дальше, этот проклятый автомобиль обойдется мне в копеечку». Но деньги — это еще полбеды. Был нанесен ущерб моей незапятнанной репутации: уже начали поговаривать, что или у меня, мол, не все дома, или же я темная личность, продувная бестия. В отчаянии я решил облить машину бензином и поджечь, но воздержался, так как опасался, что меня привлекут за это к ответственности.

В конце концов я принял решение тайно перебраться в другой город, а машину просто оставить на произвол судьбы. Но тут судьба смилостивилась надо мною.

Проснувшись однажды утром, я не поверил своим глазам: автомобиль исчез. О, как я ликовал, моему восторгу не было предела! «Нашлась все же добрая душа!» — подумал я в умилении. В полицию, конечно, я не обращался. Не враг же я самому себе!

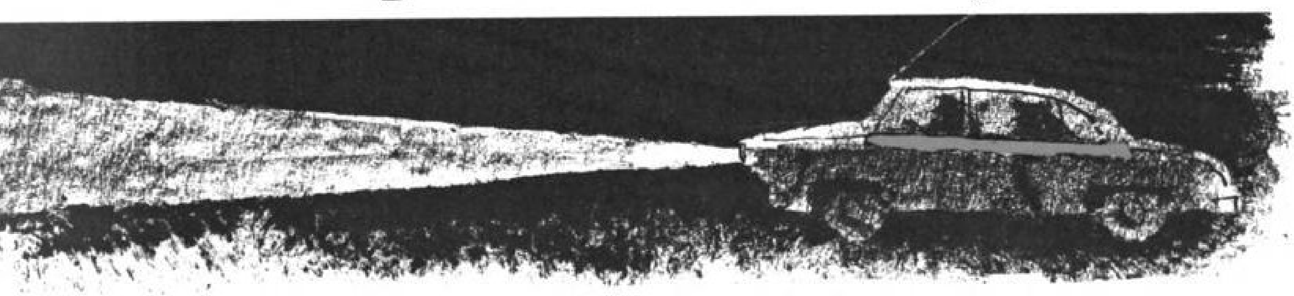
Но мир, увы, не без злых людей. Кто-то из соседей заявил в полицию о пропаже автомобиля.

Полиция рьяно принялась за поиски, и ее усилия увенчались через несколько дней полным успехом. Она нашла моего избавителя, и, несмотря на мои протесты, автомобиль был торжественно вручен мне.

Я совсем упал духом и несколько дней ничего не ел, мучительно перебирая один способ за другим в поисках выхода. И вдруг меня, словно Наполеона под Аустерлицем, осенила гениальная мысль. Я решил преподнести автомобиль шефу полиции в качестве подарка. Быть может, на этом мои злоключения кончатся?..

Перевел с немецкого А. Южный.

Невероятная версия

Записки работника МУРа

С. ДЕРКОВСКИЙ, подполковник милиции

Стрелка спидометра прошла отметку «100». В опущенное стекло передней дверцы врывался ветер.

Было десять минут четвертого. А минут за двадцать до этого меня поднял с постели телефонный звонок.

— Сергей Иванович, с добрым утром,— услышал я голос дежурного по городу подполковника милиции Зайкова.— Две минуты назад группа неизвестных совершила нападение на квартиру геологов Ильинских. Пострадавшие — муж и жена. Машину вместе с оперработником я уже послал к вашему дому. Дежурному семьдесят восьмого отделения милиции приказал выслать наряд для охраны места происшествия.

Хотя за многие годы работы в МУРе я и привык к неожиданностям, звонок Зайкова серьезно взволновал меня, так как происшествие было совсем странным.

В половине третьего ночи могло произойти любое другое происшествие — ну, скажем, уличное ограбление или взлом магазина,— но разбойное нападение и ограбление квартиры в такое время как-то ни с чем не вязалось.

Через несколько минут мы подъехали к дому, и я вместе со старшим оперуполномоченным Вячеславом Карпенко прошел во двор. Было темно. Ярко светились лишь два окна на втором этаже старого дома. Напротив мы увидели еще одно ветхое двухэтажное здание. Вместо окон зияли черные проемы. Несомненно, дом подлежал сносу.

У Ильинских была отдельная квартира с изолированным входом. В коридоре мы заметили много характерных следов бурого цвета.

В комнате, куда мы вошли, были, кроме хозяев, милиционер и соседка. Здесь чувствовался очень резкий запах лекарств. Я обратил внимание на массу разных пузырьков, коробочек, таблеток. На тахте мы увидели женщину. Она плакала. Около нее стоял полураздетый мужчина с забинтованной головой. Это и были супруги Ильинские, Николай Петрович и Лия Михайловна.

На полу вместе со скатертью разбросаны книги и газеты, перевернуты стулья, ковровая дорожка скомкана, во многих местах пятна крови. Одно окно распахнуто, второе плотно закрыто, подоконник сплошь уставлен горшками с цветами. Потом мы сообразили, что горшки, наверное, убрали с другого подоконника для того, чтобы дать доступ свежему воздуху. На подоконнике открытого окна лежала мокрая серая тряпка.

Вскоре Лии Михайловне стало лучше, и мы начали беседу. Из рассказа потерпевших выяснилось, что около 11 часов ночи Лия Михайловна, управившись на кухне, помыла окна и легла спать. Николай Петрович немного задержался на работе, а придя домой, поужинал, стал просматривать журналы.

— Я, помню,— сказал Николай Петрович,— три раза выходил в коридор покурить. Последний раз, когда вошел в комнату, посмотрел вот на эти часы на тумбочке. Было два часа. Выключив настольную лампу, лег спать на диван. Только начал дремать, услышал сильный шум, топот. На меня кто-то навалился. Я вскочил с кровати и метнулся к выклю-

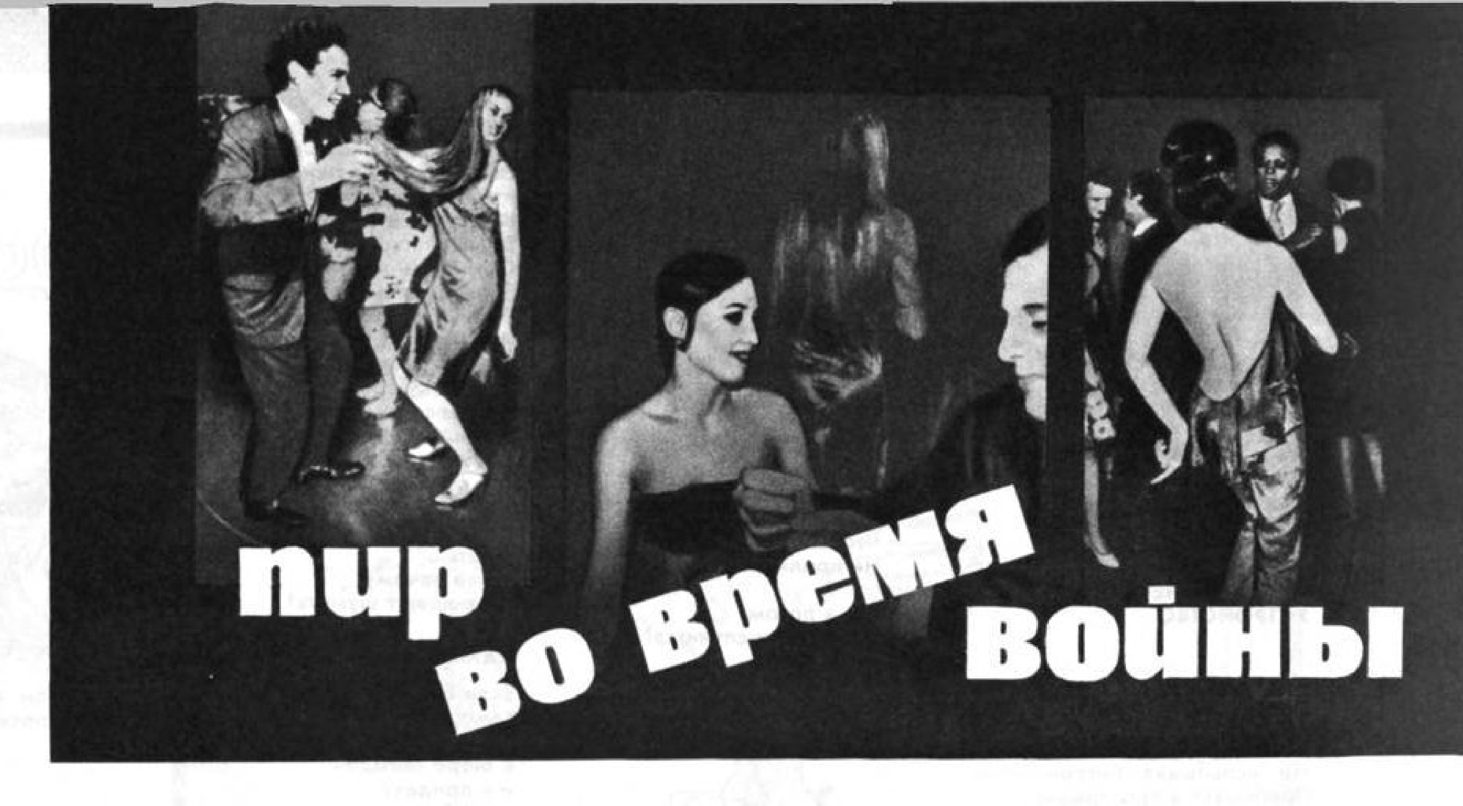
Без слов.

Рисунок Е. Шабельника.

— Ты же сама сказала, что тебе нужна пустая банка.

Рисунок Ю. Черепанова.

пир во время войны

На свет божий появился новый культурный центр. В Нью-Йорке, на Бродвее. На две тысячи человек. Как они там выглядят, эти люди, читатель может судить по снимкам. Что они там делают? Танцуют, словно дикари, опившиеся джином.

Если кому-либо из танцоров потребуется придать своему наряду еще более изысканную форму, то из зала для этого выходить вовсе не надо. На тросах, прикрепленных к потолку, подвешены цилиндрические будки. Они похожи на большие бочки без днищ. Войдешь в нее — и видны только ноги и голова, а туловище целомудренно защищено от нескромных взоров. Для дам и кавалеров будки, разумеется, раздельные. Женские будки с внутренней стороны разрисованы неприличными изображениями мужчин, а мужские, естественно, наоборот. Хитроумные устроители увеселительного заведения говорят, что это «поднимает настроение».

Кстати, они вообще люди с философскими наклонностями, эти устроители. Вот еще один их афоризм: «Мы осознаем, что у людей потребность в эксгибиционизме». Очевидно, идя навстречу этой потребности, Оливер Коньюлин и Борден Стивенсон сложились и на паях открыли свое заведение. Между прочим, знакомое имя — Стивенсон, не правда ли? Да, это сын известного политического деятеля Адлая Стивенсона, умершего в прошлом году. Репортеры как-то спросили у Бордена, что бы сказал об этом своеобразном бизнесе его отец. На это начинающий делец ответил: «Я знаю, что мои вложения в это заведение окупятся с лихвой. Сам я не любитель ночных клубов, музыка противна мне, но я отличаюсь хорошим вкусом. Я думаю, отцу понравилась бы моя затея. Возможно, поначалу он был бы немного смущен».

Деньги не пахнут. Стивенсон-младший авторитетно заявляет: «Это заведение может не понравиться только ограниченным людям». Понятно? Кому же хочется прослыть ограниченным?

Компаньон Стивенсона считает, что новый ночной клуб — давно назревшая необходимость. Без него Нью-Йорку просто было стыдно числиться в ряду приличных городов. А теперь Нью-Йорк снова занял достойное место в авангарде городов с лучшими ночными заведениями.

Вот две реплики самих ньюйоркцев по поводу нового увеселительного центра:

— Я думаю, все это выглядит просто ужасно.

— Конечно. Но так и задумано. В этом-то и весь смысл.

И невольно напрашивается сравнение с «Пиром во время чумы»:

«Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы».

Разница в одном: «пир» на Бродвее происходит не во время чумы, а во время войны. Какофонией джаза и визгом полураздетых девиц пытаются заглушить взрывы во Вьетнаме.

Как тут не привести гневные слова из трагедии Пушкина:

«Прервите пир чудовищный...»

В. НИКОЛАЕВ

чателю. Когда комната осветилась, увидел нападающих на меня двух молодых мужчин, один из них рыжий. Я крикнул: «Что вы делаете?!» Но тот, который был ближе, сильно ударил меня в лицо. Второй выключил свет. Оба начали меня избивать чем-то твердым. Я выскочил в коридор. Между нами завязалась борьба. Кого-то я ударил, кажется, в нос, кого-то в голову. По-моему, в коридоре нападавших уже было не двое, а больше. Меня затолкали в угол в кухне. Здесь от сильного удара в голову потерял сознание... Когда очнулся, рядом стояла заплаканная жена. В квартире был полный разгром. Вскоре приехала «Скорая помощь», меня вот забинтовали. Сейчас чувствую себя плохо. Кружится голова. Все время шум в ушах...

Никаких других сведений об обстоятельствах нападения, о преступниках Николай Петрович сообщить не смог.

Лия Михайловна подтвердила слова мужа.

Вначале она сквозь сон услышала шум и грохот падающих стульев...

— Я подумала, что Коля случайно уронил стул, но открыла глаза и заметила силуэты нескольких мужчин. Я закричала. На секунду загорелся свет, но я никого не успела рассмотреть. Кто-то приближался ко мне. Потом... потом я потеряла сознание.

Осматривая комнаты, мы попросили потерпевших проверить наличие вещей и ценностей. Оказалось, что исчезли дамские наручные часы «Заря» в позолоченном корпусе с золотым браслетом и 90 рублей. То и другое лежало на письменном столе.

При более тщательном осмотре комнаты и коридора были обнаружены следы, оставленные преступниками. На полу около шкафа валялся свернутый в трубочку небольшой обрывок полузасохшей изоляционной ленты с бурыми пятнами внутри. В стене, возле выключателя,— вмятина глубиною в полтора сантиметра. К открытому окну снаружи приставлена деревянная лестница. На вопрос, кто и когда поставил эту лестницу, Ильинские ответить не могли. Вечером ее не было.

Оставив экспертов и следователя фиксировать результаты осмотра, мы с Карпенко спустились вниз, где к нам присоединился проводник служебно-розыскной собаки Козлов со своим Амуром.

Начинало светать, и мы подошли к лестнице. Пока я и Карпенко рассуждали, откуда она могла появиться, Козлов внимательно осматривал асфальт и бруствер канавы примерно в полутора метрах от лестницы. Вскоре он наклонился над чем-то и, ни слова не говоря, быстро направился к Амуру, отвязал от столба поводок, намотал себе на руку и скомандовал:

— Ищи, Амур, след!

Амур обнюхал асфальт вокруг лестницы, на миг задержал морду над небольшим темным предметом у края бруствера, затем рванулся в сторону соседнего двора. Карпенко сбросил с себя плащ и побежал вслед за Козловым, расстегивая на ходу кобуру пистолета. Через мгновение Козлов с собакой и Карпенко скрылись за углом. Стало тихо. Только из открытого окна квартиры Ильинских доносились шум и стоны. Это врач «неотложки» оказывал помощь супругам. Я подошел к брустверу и увидел клочок темно-серой изоляционной ленты — точно такой же, какой был найден в комнате. Козлов, как у нас выражаются, применил Амура именно от этого кусочка. Завернув изоляционную ленту в бумагу, я пошел в квартиру Ильинских. Осмотр был окончен. Дежурный следователь дописывал протокол. Я рассказал присутствующим о находке под окном, развернул бумагу и попросил зафиксировать в протоколе лестницу и ленту.

Эксперт приподнял ленту пинцетом, осветил ее с разных сторон карманным фонарем и, наклонившись ко мне, сказал:

— Утверждать сейчас не могу, но мне кажется, что этой лентой один из преступников обертывал травмированный палец.

Тут Николай Петрович Ильинский приподнялся, сел на краешке дивана и заговорил:

— Все же, товарищи, их было трое. Один рыжий. Это точно. Они были пьяны. Били сильно. А за что? За часы да за девяносто рублей. Если уж они влезли к нам, могли бы забрать все это тихо. Я, пожалуй, и не услышал бы. Кстати, что такое «шмалять»? Я почему спрашиваю — один из них все кричал: «Шмаляй! Шмаляй его!»

Я постепенно стал задавать ему вопросы. Так началась наша первая беседа. Я узнал, что Ильинские в этом доме живут давно. Еще студентами геологического факультета МГУ они полюбили друг друга, а по окончании университета поехали в экспедицию на Памир. Через год вернулись в Москву, зарегистрировали брак. С тех пор они часто бывали в командировках. Прошли тысячи километров по среднеазиатским пустыням, по сибирской тайге, по горам Памира. Ильинские жили дружно и мирно. В последнее время оба стали начальниками геологоразведывательных партий.

Из последней поездки вернулись почти одновременно, месяца два назад. Им предстояла длительная и кропотливая работа над привезенными материалами.

Были они люди гостеприимные и сами часто ходили в гости. Недавно занялись обновлением мебели в квартире. Несколько дней назад им наконец поставили телефон.

Слушая Ильинских и понятых, я делал записи в блокноте. К моменту возвращения Карпенко и Козлова мое «сочинение» состояло из четырех слов, записанных столбиком: рыжий, друзья, оружие, телефон.

Карпенко доложил, что Амур уверенно шел по следу через проходные дворы, а затем вывел на Грузинскую до пересечения с улицей Горького, где и утерял след. Козлов заявил, что повторно «применять» Амура бесполезно.

Михаил **КУДИНОВ**

Сатирические стихи

КИБЕРНЕТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Кибернетическое устройство,
Лишенное информации,
Не испытывая беспокойства,
Пребывает в прострации.
Но когда информация
Поступает ложная,
Может показаться,
Что оно встревожено,
Что оно обеспокоено
Или раздражено...

Не так оно устроено:
Ему все равно.
Две тусклые лампочки
Поглядят, мигая,
И потухнут... Ой, мамочки!
Не беда ли какая?
Не стряслась ли авария?
Почему тишина?
Шепотом разговаривая,
Суетится жена...
И, рассеивая беспокойство,
Чуть поскрипывает кровать:
Кибернетическое устройство
Ложится спать.

ЕВА

Что тебе надо?
— Совсем немного:
Из райского сада
Выгони бога,
Змея убей
И сожги дотла
Древо познанья
Добра и зла.

А для чего тебе
Надо все это?
— Чтобы не мучила
Тайна запрета,
Чтоб искушенье
К себе не влекло,
Чтобы к добру
Не прилипло зло.

Ну, а потом
Что с нами случится?

— Ты на одну меня
Будешь молиться,
Верить мне будешь,
И в райском саду
Вскоре от скуки
С ума я сойду.

Что же нам делать?
— Не знаешь? Так вот:
Съешь поскорее
Запретный плод.

ЧАЙНИК

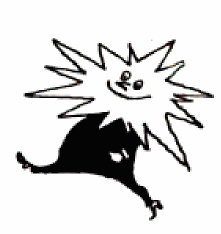
Он был тихоня,
Он был молчальник,
Он был ненужный,
Дырявый чайник.
Забившись в угол,

На полке он жил,
Ни с кем не спорил,
Ни с кем не дружил.
А в кухне гремели
Кастрюли и плошки,
Бурлили кофейники,
Ссорились ложки,
Звенели стаканы,
Огонь бушевал...
И чайник не выдержал,
Чайник сбежал,
На свалку сбежал он,
Забрался там в яму
И начал рассказывать
Всякому хламу,
Что с кухней
Не хочет он
Дело
Иметь...
А все почему?
Запрещают шуметь!

САМОРОДОК

Если бы я был
самородок,
сдал бы я себя
в бюро находок
и в придачу
сдал бы на хранение
огорчения свои
и сомнения,

все тревоги
сдал бы... а потом
изловчился б
и сбежал тайком.
И не взял бы я с собой
своих волнений,
ни тревог,
ни огорчений,
ни сомнений,
только б самого себя
с собою взял,
и по городу ходил бы
и сиял,
и скрывал бы ото всех,
что самородок
стал подделкой,
побывав в бюро находок.

— Вам подарочек, как юбилейному миллионному посетителю!

Рисунок В. Воеводина.

Папа-морж.

Рисунок В. Тамаева.

В этот момент Карпенко подошел к раскрытому окну, взглядом подозвал меня.

— Как вы считаете, Сергей Иванович,— тихо спросил он,— вот то окно напротив с болтающейся на одной петле створкой преступники не могли использовать как наблюдательный пункт? Уж очень удобно. Во-первых, напротив, во-вторых, рядом, каких-нибудь десять метров, в-третьих, из темноты того дома все видно в квартире Ильинских.

Это было дельное соображение, и я предложил Карпенко подняться на второй этаж пустого дома, осмотреть его. Через минуту послышался голос Карпенко:

— Сергей Иванович, пригласите всех сюда.

В комнате, куда позвал нас оперуполномоченный, среди пыльного тряпья, обрывков обоев, разломанных прищепок для белья были заметны свежие следы недавнего пребывания людей. В углу валялась пустая бутылка из-под водки «Кубанская», целлофановая обертка от колбасы. Чуть ближе к входной двери, у изуродованной металлической кровати, разбросаны осколки стакана. На прорвавшейся сетке кровати лежала початая пачка сигарет «Памир», на ней — окурок.

Эксперт поднял большой осколок стакана, осветил его своим фонарем и показал свежие следы крови.

— Если преступники, ожидая удобного момента для нападения, находились здесь,— сказал он,— то кровь на этом стакане и на кусочке изоляции в квартире потерпевших должна быть идентичной. Во всяком случае, это свежая кровь. Вероятно, порезав палец, один из преступников использовал изоляционную ленту как бинт.

Окончив осмотр места происшествия, я договорился с начальником уголовного розыска отделения милиции капитаном Спириным, что к 11 часам утра он соберет весь оперативный состав отделения и уполномоченных, обслуживающих ближайшие участки.

По пути на Петровку мы с Карпенко старались определить, на что в первую очередь обратить внимание в этом ограблении. Какова была главная цель преступников — овладеть ценностями или избить?

— Мне кажется, и то и другое,— не раздумывая, высказал свое мнение Карпенко.

— Слишком категорично. Есть у нас какие-либо основания не верить потерпевшим? — спросил я.

— Нет, по-моему.

— Вот именно, нет. А если верить им полностью, в основном Николаю Петровичу, потому что его жена подробностей не видела — она была без сознания,— то получится картина довольно странная: ворвались — и давай сразу бить, прежде всего именно бить. Вот в чем странность. Можно, конечно, предположить, что среди участников нападения роли были распределены, скажем, так: двое врываются и бьют кого попало и чем попало, а третий рыскает в квартире, ищет, что поценнее. А если это так, мы вправе считать, что грабители выследили Ильинских, знали, что они дома, дали уснуть... Кстати, и наблюдательный пункт был прекрасный.

— Все это действительно не ясно,— согласился Карпенко и стал записывать что-то в свой блокнот. Я же в своем дописал: «Намечался ли Ильинскими выезд? Кто знал об этом?»

В 9.30 в кабинете полковника, начальника отдела МУРа, собрались сотрудники. Мне было приказано доложить обстоятельства ограбления квартиры Ильинских.

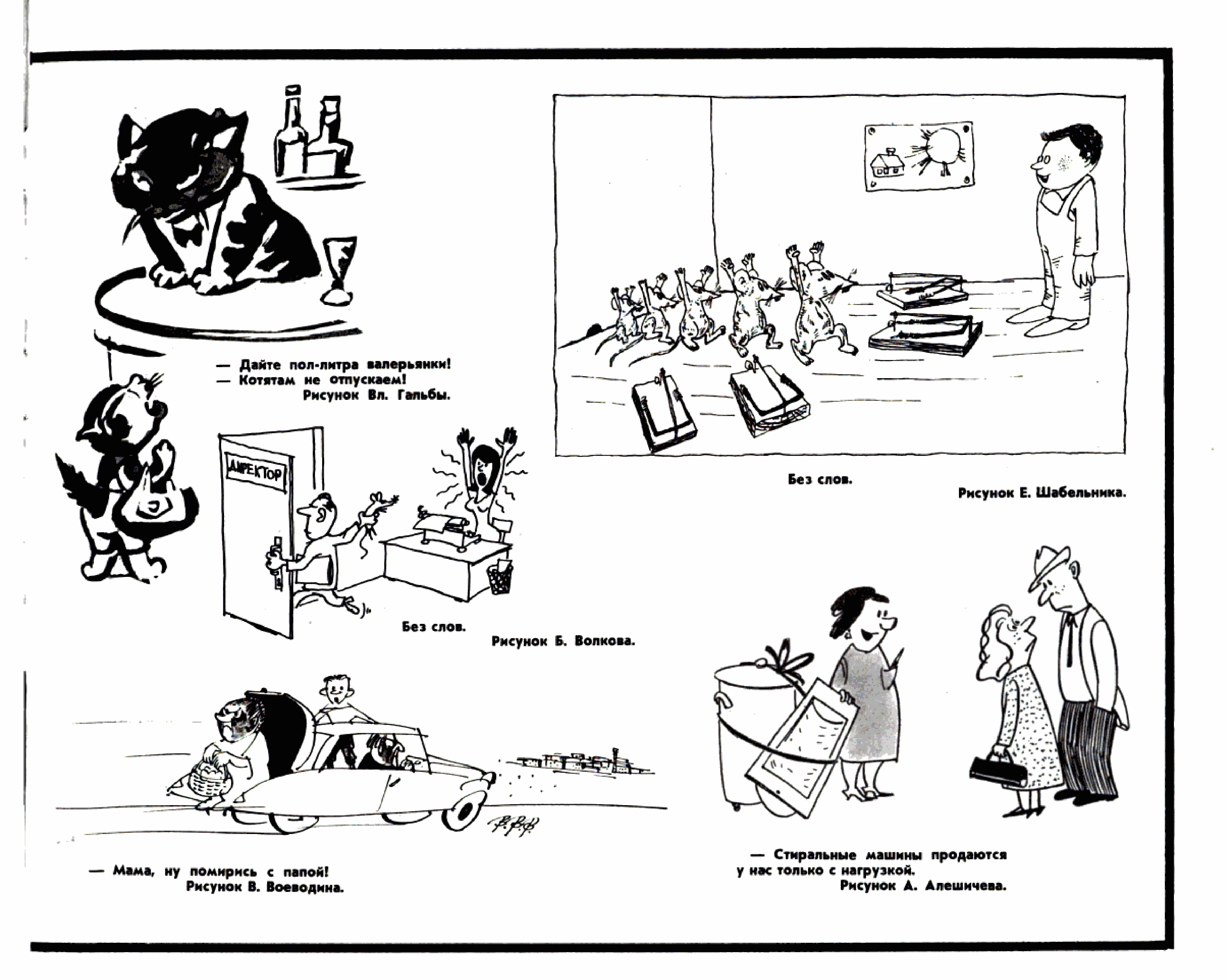
Выслушав доклад, Георгий Федорович подошел к карте города.

— Начните с того, что сейчас же для активного розыска преступников определите группу из сотрудников МУРа и товарищей из района. Я считаю, нужно не менее восьми—десяти человек. Руководить всей розыскной работой будете вы. Обратите внимание на рестораны и кафе, где преступники могут уже сегодня пропивать взятые деньги. Вы располагаете характерными приметами одного из грабителей — у него рыжие волосы. Вещественные доказательства направьте в НТО и попросите быстрее исследовать.

В начале двенадцатого мы приехали в отделение. Спирин заканчивал информацию об ограблении квартиры Ильинских. Мы с Карпенко решили уточнить несколько деталей у сотрудников отделения, и один из участковых уполномоченных, Захаров, сказал, что во дворе Ильинских, в старом доме, жил раньше некто Николай Сухов, заядлый голубятник. Сейчас он живет где-то в Кунцеве, но продолжает бывать в этом районе. Перед самым выездом его поведение разбирали на собрании жильцов в ЖЭКе. Ильинский, считавшийся, несмотря на частые командировки, активным общественником, тоже выступил, стыдил Сухова за неуважение к соседям... Вчера вечером участковый видел Сухова у продовольственного магазина. Тот был со своим приятелем, которого называл «Васёк». Они купили водки и собирались к кому-то зайти. Захаров слышал это, так как в тот момент вместе с ними выходил из магазина. Это было в начале десятого. Раньше Сухов жил в той комнате, в которой Карпенко с группой сотрудников нашел следы ночных посетителей.

Описывая внешность Васька, Захаров утверждал, что он среднего роста, коренастый, широкоплечий, круглолицый и... с ярко-рыжими волосами.

После короткого совещания принимаем решение: группу сотрудников направить в Кунцево, вторую — в дом Ильинских, третьей — выяснить, кто были телефонисты, установившие телефон у Ильинских, и нет ли среди них рыжих подходящего возраста. Версия с теле-

— Дайте пол-литра валерьянки!
— Котятам не отпускаем!
Рисунок Вл. Гальбы.

Без слов.
Рисунок Е. Шабельника.

Без слов.
Рисунок Б. Волкова.

— Мама, ну помирись с папой!
Рисунок В. Воеводина.

— Стиральные машины продаются у нас только с нагрузкой.
Рисунок А. Алешичева.

фонистами была тоже записана в план нашей работы. Никто из нас не сомневался, что мы на правильном пути.

Скоро позвонил Карпенко, отправившийся со своей группой к Ильинским. Он сказал, что Николай Петрович готов приехать, и попросил машину. Через тридцать минут они уже входили в кабинет...

Минуло всего несколько часов после первой встречи с Николаем Петровичем, но я с трудом узнавал его. Лицо сильно распухло. Правого глаза совсем не видно. Громадная опухоль черно-синего цвета начиналась от кромки бинта на лбу и заканчивалась чуть ли не на середине щеки.

Задать Николаю Петровичу вежливый вопрос о самочувствии было явно неуместно, и я сразу приступил к делу.

— Скажите, в эти дни вы или Лия Михайловна не собирались уезжать?

— Откуда это вам стало известно? — удивился Ильинский.

— Нам ничего пока не известно,— вмешался Карпенко.— Но это имеет существенное значение. Судя по вашему ответу, вы действительно куда-то собирались. Если это так, тогда возникает более важный вопрос: кто знал или мог знать о вашей поездке?

— Об этом никто ничего не знает. Откуда же знаете вы?.. Может, таксиста разыскали?

— Какого таксиста? — спросил Карпенко, подвигаясь вперед, ближе к Ильинскому. А Спирин даже привстал со стула. Казалось, сейчас мы узнаем что-то новое, может быть, весьма важное.

— Я считаю,— заявил Ильинский,— что эта поездка не имеет никакого отношения к нападению бандитов.

— А все же?

— Дело в том, что мать моей жены вот уже больше месяца живет в деревне, в Тульской области, у старшей дочери. Пять дней назад Лия неожиданно заявила, что хочет съездить к ней. Днем я поехал на вокзал, купил билет, и в половине двенадцатого ночи Лия должна была уехать. Поезд очень удобный, утром она была бы уже на месте.

— А что же случилось? Раздумала? — не терпелось Спирину.

— Нет, не раздумала. Примерно в половине одиннадцатого мы на площади взяли такси и поехали к вокзалу. Когда я рассчитывался с водителем, жена вскрикнула и упала на чемоданчик. Я подскочил к ней и понял, что опять приступ печени. Это случалось и раньше. Конечно, ни о какой поездке не могло быть и речи. На той же машине мы вернулись домой. Шофер, довольно любезный молодой человек, предложил помочь мне доставить Лию в квартиру. Но я обошелся без него. Вот, собственно, и все. Правда, потом вызвал врача, который сделал Лии укол. А все же как вы-то об этом узнали?

— Мы об этом узнали только что от вас. Просто предположили, что вы могли собираться куда-либо, а это стало известно грабителям. Они забрались к вам в надежде, что никого нет дома, а вы оказались на месте.

— Нет, это исключено. О поездке мы приняли решение в тот же день, о ней никто не знал, кроме начальника, где работает Лия.

Когда Ильинский окончил свой рассказ, у нас пропал весь интерес. Действительно, какую роль может здесь играть совершенно неожиданный отъезд и столь же неожиданная болезнь потерпевшей?

— Пожалуй, вы правы, Николай Петрович, никакой взаимосвязи между этими событиями нет,— успокоили мы Ильинского. Чувствовалось, он не очень-то верит, что мы узнали о несостоявшейся поездке жены лишь от него самого.

Спирин стал расспрашивать Ильинского о людях, которые знали о материальном положении его семьи, потом показал ему несколько фотографий, добытых нами к тому времени.

— Все эти мне незнакомы. А вот этого я знаю.— сказал он, беря в руки один из снимков.— Это мой бывший сосед Николай. Забыл его фамилию.

— Сухов?

— Да, да, Сухов. А что, он имеет какое-нибудь отношение к делу?

— Пока ничего сказать нельзя. Просто хотелось выяснить, кого вы знаете.

— Сухова знаю давно. Он переехал куда-то в новый дом. Было время, попортили мы друг другу нервы. Я все уму-разуму его учил, старался объяснить, что такое хорошо и что такое плохо.

Под конец Ильинский записал наш телефон и уехал домой.

Вскоре появился Панкратов и доложил: Сухов действительно живет в Кунцеве с матерью и сестрой. Весной к нему часто приходил парень с рыжими волосами, но его имени соседи не знают. Есть у него девушка, лет двадцати, блондинка. Говорят, живет то ли в Сокольниках, то ли в Измайлове. Зовут ее Инна или Нина. Сегодня Сухов не ночевал и вообще уже дня три-четыре не появляется. Сейчас дома одна мать. В квартире у них не были. Кто такой Васён, неизвестно.

— Где работает Сухов? — спросил у Панкратова Спирин.

— Не установил. Справки в ЖЭКе нет.

...Первый день работы кончался, и мы были недовольны его результатами. Ждали гораздо большего.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Украинский поэт. 8. Прибор для проверки горизонтальности плоскостей. 9. Литовский скульптор. 13. Рассказ А. П. Чехова. 14. Углубление на вершине вулкана. 15. Комический персонаж французского народного театра. 17. Пьеса М. Горького. 18. Ледокол арктического флота. 19. Роман Л. Н. Толстого. 20. Музыкальный интервал. 22. Денежная единица Монголии. 24. Цветок. 25. Ягода. 27. Озеро в Хабаровском крае. 28. Звездная система. 31. Танцовщица. 32. Сплав меди с никелем.

По вертикали:

1. Остров Японского архипелага. 2. Гимнастический снаряд. 3. Гончарное дело. 4. Река в Забайкалье. 5. Отпечаток текста, рисунка. 6. Испанский народный танец. 10. Морская птица. 11. Животное семейства куньих. 12. Спортивная игра. 15. Промысловая рыба. 16. Порт на Белом море. 21. Прозрачный водонепроницаемый материал. 23. Опера А. Н. Верстовского. 26. Метод научного исследования. 27. Венгерский композитор и дирижер XIX века. 29. Название ряда хребтов в Средней Азии и Сибири. 30. Площадка вагона.

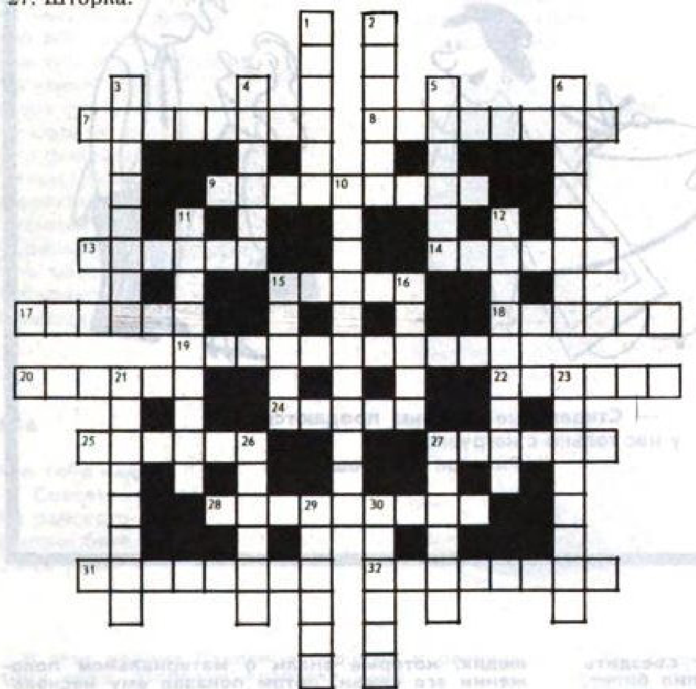
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

5. Лихтенштейн. 6. Ковалевская. 9. Штанга. 12. Оленек. 14. Фартинг. 16. Лавр. 17. Курс. 18. Блок. 19. Кокс. 20. «Муму». 21. Ижма. 22. Станина. 25. Рюкзак. 27. Шарден. 28. Восмибратов. 29. Контрамарка.

По вертикали:

1. Петрарка. 2. Патиссон. 3. Пирога. 4. Айдахо. 7. Station. 8. Андромеда. 10. Горбуша. 11. Студент. 13. Лексика. 14. Флокс. 15. Гроза. 23. Тримитас. 24. Нагасаки. 26. Кторов. 27. Шторка.

На первой странице обложки: Тюльпаны в сквере у Большого театра Союза ССР в Москве.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Витязи (см. в номере «...И с ними дядька их морской!»).

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

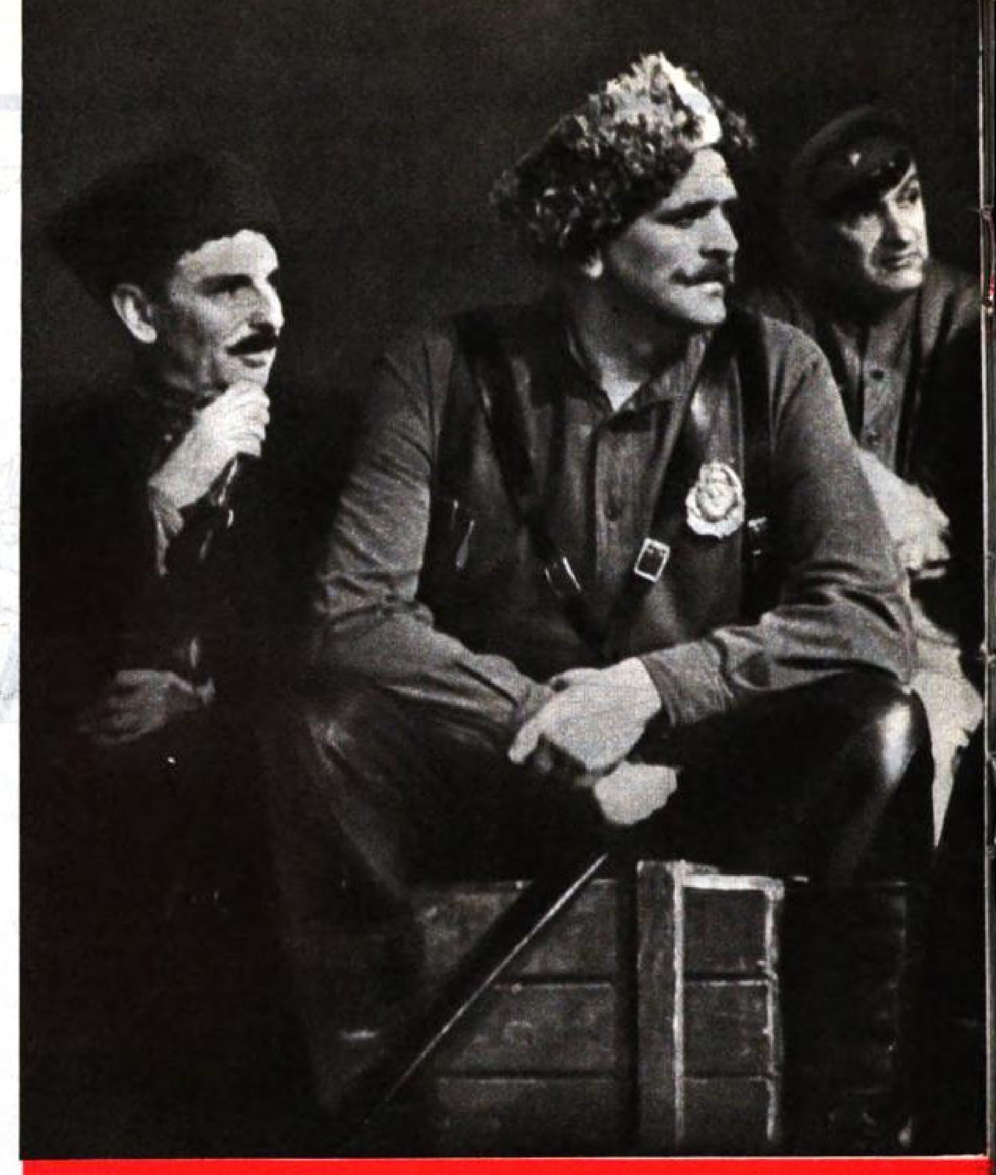
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Б. В. ИВАНОВ [заместитель главного редактора], Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ [ответственный секретарь], И. Ф. СТАДНЮК [заместитель главного редактора], Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10350. Подписано к печати 1/VI 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. Печатн. листов 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 775. Заказ № 1453.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

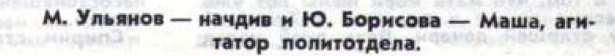
Афанасий Хлебников, простодушный красавец в лихо сдвинутой папахе,— это Ю. Яковлев. А рядом с ним Лейкин, писарь легендарной дивизии в исполнении А. Кацынского.

Надо сразу же уточнить: вахтанговцы не просто играют «Конармию». Они от начала до конца создали сами эту героическую поэму о Революции, перенеся своеобразный мир рассказов И. Бабеля на свою сцену.

Сочетание живой вахтанговской театральности и порыва, человеческих страстей, свойственных героям «Конармии», делают постановку, осуществленную Р. Н. Симоновым, запоминающимся зрелищем. Романтика подвига и борьбы отличает людей, делающих Революцию, простодушных, честных, беззаветно храбрых. Воссоздавая их облик, театр отнюдь не лишает образы героев открытой и веселой усмешки, звонких нот юмора, которые самым неожиданным образом переплетаются в спектакле с трагическими нотами, заставляя зрителей и плакать и смеяться.

Инсценировщики «Конармии» Ю. Добронравов, М. Воронцов и В. Шалевич органически вжились в образную стихию рассказов И. Бабеля. Ими верно схвачено главное и не забыта, не упущена ни одна «мелочь». Мысль режиссера просто, в хорошей современной манере выражена талантливым художником Э. Стенбергом и автором музыки спектакля Д. Покрассом, создавшим в далекие годы незабываемую песню «Мы красная кавалерия».

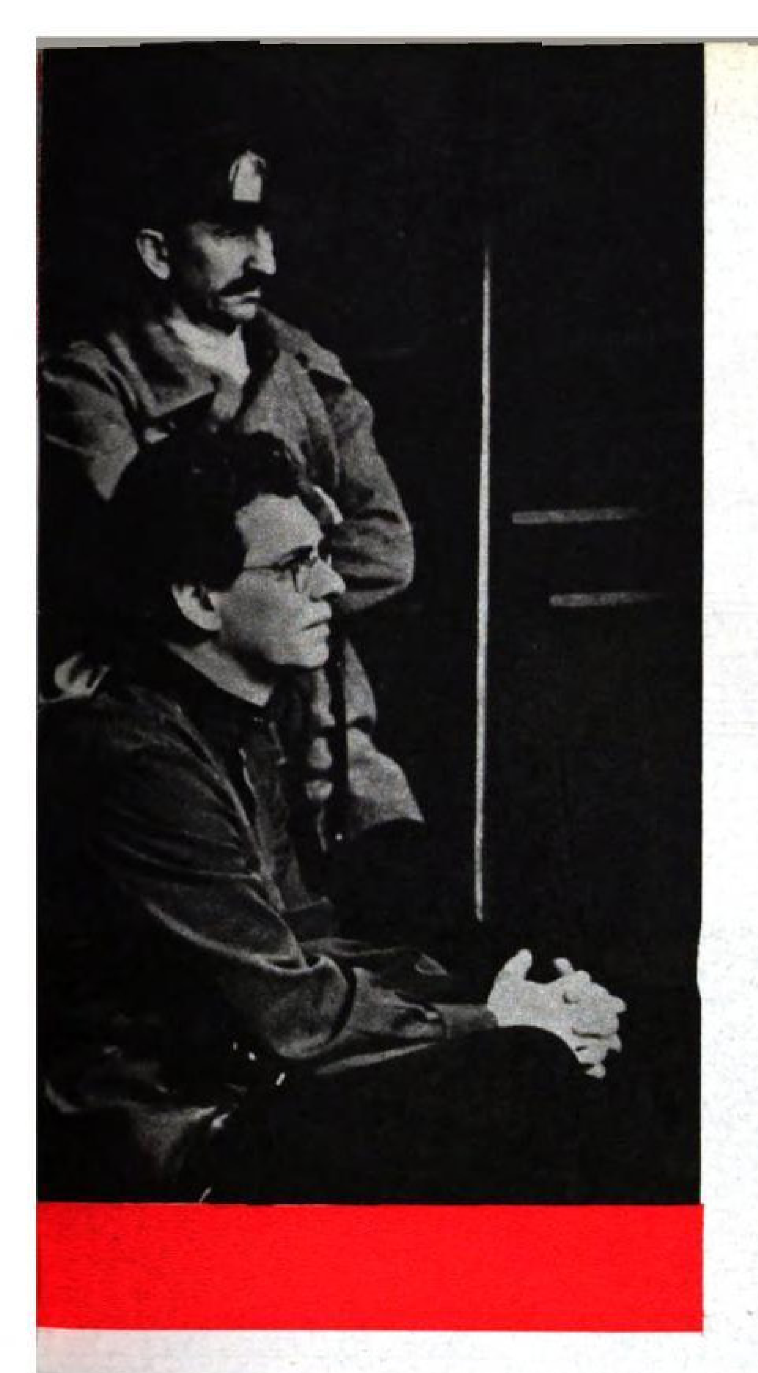
Н. ТОЛЧЕНОВА

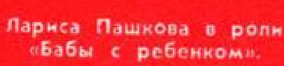
М. Ульянов — начдив и Ю. Борисова — Маша, агитатор политотдела.

Вахтанговцы играют „Конармию"

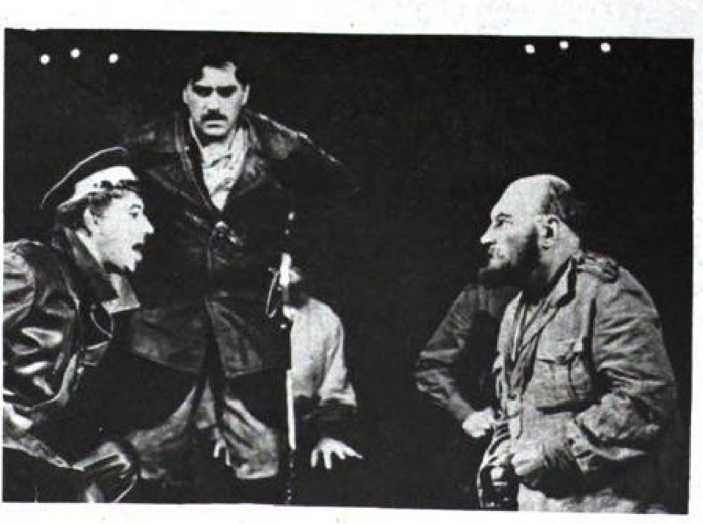
Лариса Пашкова в роли «Бабы с ребенком».

Боец Степан Вытяганченко (в исполнении Н. Гриценко) ведет речь о своих злоключениях в госпитале.

Фото Р. ЛИХАЧ.

Сцена суда над белогвардейцем Тимофеем Курдуковым. Его играет А. Абрикосов (справа).

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

